

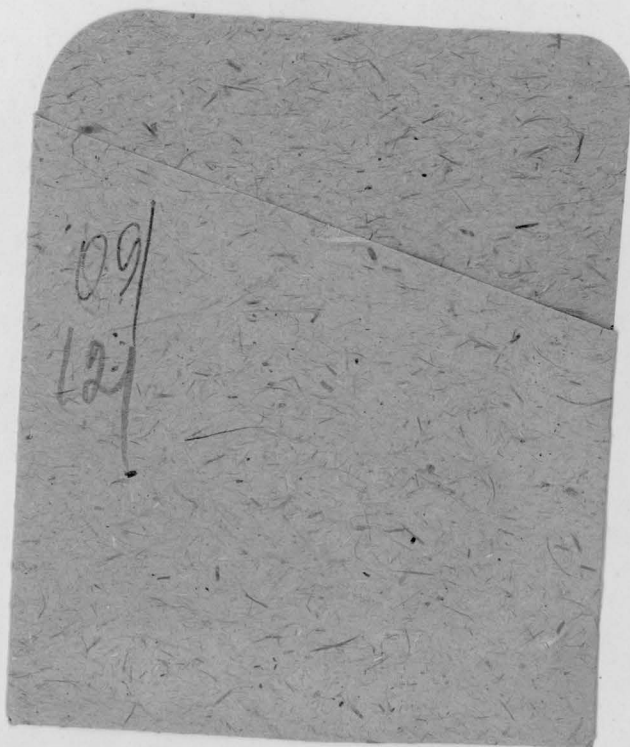
0-38

Ф 55831

13
1960

Огни Кузбасса

В

С

с

Б

А

Л

д

в

л

у

т

в

л

Огни Кузбасса

P2
0-385

Содержание

В. СОКОЛОВ, М. ЧЕРНОБРОД. В. И. Ленин и современность	5
А. ПИНАЕВ. Отсюда он видел семнадцатый год. Стихи	10
Н. ШУРАНОВ. В. И. Ленин о Сибири	11
С. ШНАПИР. Незабываемая речь	16
Евг. БУРАВЛЕВ. Мужество. Стихи	19
Мы придем к победе коммунистического труда	20
Г. ЕМЕЛЬЯНОВ, Г. НЕМЧЕНКО. Утро великой стройки. Очерк	22
В. БАЯНОВ. Я знаю, как стихи приходят. Наш цех. Бор. Стихи	30
Г. УМНОВ. Гроза над тайгой. Повесть	31

НОВЫЕ СТИХИ

М. НЕБОГАТОВ. Родные проселки. Лунной ночью. Апрель. Цветы. В. ИЗМАЙЛОВ. О качествах — А. МАЛЕНИН. За рекою за Усою. — С. ТОРБОКОВ. Раздумье. Солнце. — В. МАХАЛОВ. Тропка. О славе. До востребования. Дневник	49
В. РУДИН. Половодье. Рассказ	51
Л. ФАДЕЕВА. Вовкина звезда. Лучики. «Сколько лет—зима?». Барсики. Собака. Ручьи, ручьи... Сорока	54
С. ПУШКАРЕНКО. В большой семье. Рассказ	55

В ЛИТЕРАТУРНЫХ ГРУППАХ КУЗБАССА. СТАЛИНСК

В. МАХАЛОВ. У нас нужны повсюду люди, которые умеют — С. РЫБАК. В трамвае. Весенний ветер. — БРОДИЛОВ. Мороз. Радуга. Арбуз. — В. А. НАСЬБЕВ. Два стихотворения	63
Ю. САРТАКОВ. Тревожность. Перед рассветом. Приз. О металле. Стихи	66

Литературно-художественный
и общественно-политический

АЛЬМАНАХ

Кемеровского областного
литературного объединения

386138

13

1960 г.

Год издания 12-й

ОБЛАСТНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Кемерово

1966 г.

КЛУБ ЗЕМЛЯКОВ

Г. ЛЕЗГИНЦЕВ. Пусть ярче разгорятся «Огни Кузбасса»	67
П. ЧЕРЕДНИЧЕНКО. Последняя баррикада (Глава из повести)	68
Иван ЕРОШИН. Узоры сот. Наставник. Черный луг. «Если взял старик...». С ночевой. Стихи	71

У НАШИХ СОСЕДЕЙ

К. АРИСТАРХОВ. На переднем крае. Очерк	72
--	----

СЕМИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ

И. СОЛОДОВНИКОВ. К великой цели	78
Хроника наших дней	78

ЗАМЕТКИ О ПРИРОДЕ РОДНОГО КРАЯ

И. ЗЫКОВ. Мраморная гора	88
------------------------------------	----

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

Н. ЯКУШИН. Подвиг писателя-гражданина	90
---	----

ИСКУССТВО

А. ОЗЕРСКИЙ. Большой друг	96
-------------------------------------	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

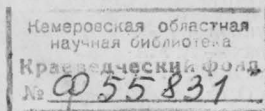
А. МИКЕШИН. «День икс»	99
Р. ФЕДОРОВА. Годы огневые	101
Коротко о книгах	103

СПОРТ

В. ЦУКРОВ. Стальной парень	106
--------------------------------------	-----

КОЛЮЧИЕ СТРОКИ

В. МАТВЕЕВ. В «Огнях», но без огня. Знаток искусства. Стиль не выручил. Кто талантливее. Сплетня. — И. ВОЛКОВ. Неспроста. — А. ЗАЙЦЕВ. Мономент	108
---	-----

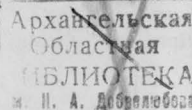
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Н. ВОЛОШИН—редактор
Е. С. БУРАВЛЕВ, А. И. КЫКОВ, Г. М. МОЛОСТНОВ, В. Д. СОКОЛОВ, Э. В. СУВОРОВА
П. И. БЕКШАНСКИЙ—отв. секретарь

Адрес редакции: Кемерово, Володарского, 26

Сдано в набор 5/V-1960 г. Подписано к печати 17/IX-1960 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 12,32. ОП08588.
Тираж 5000. Заказ № 3145. Цена 5 руб. (с 1. I. 1961 г. 50 коп.).

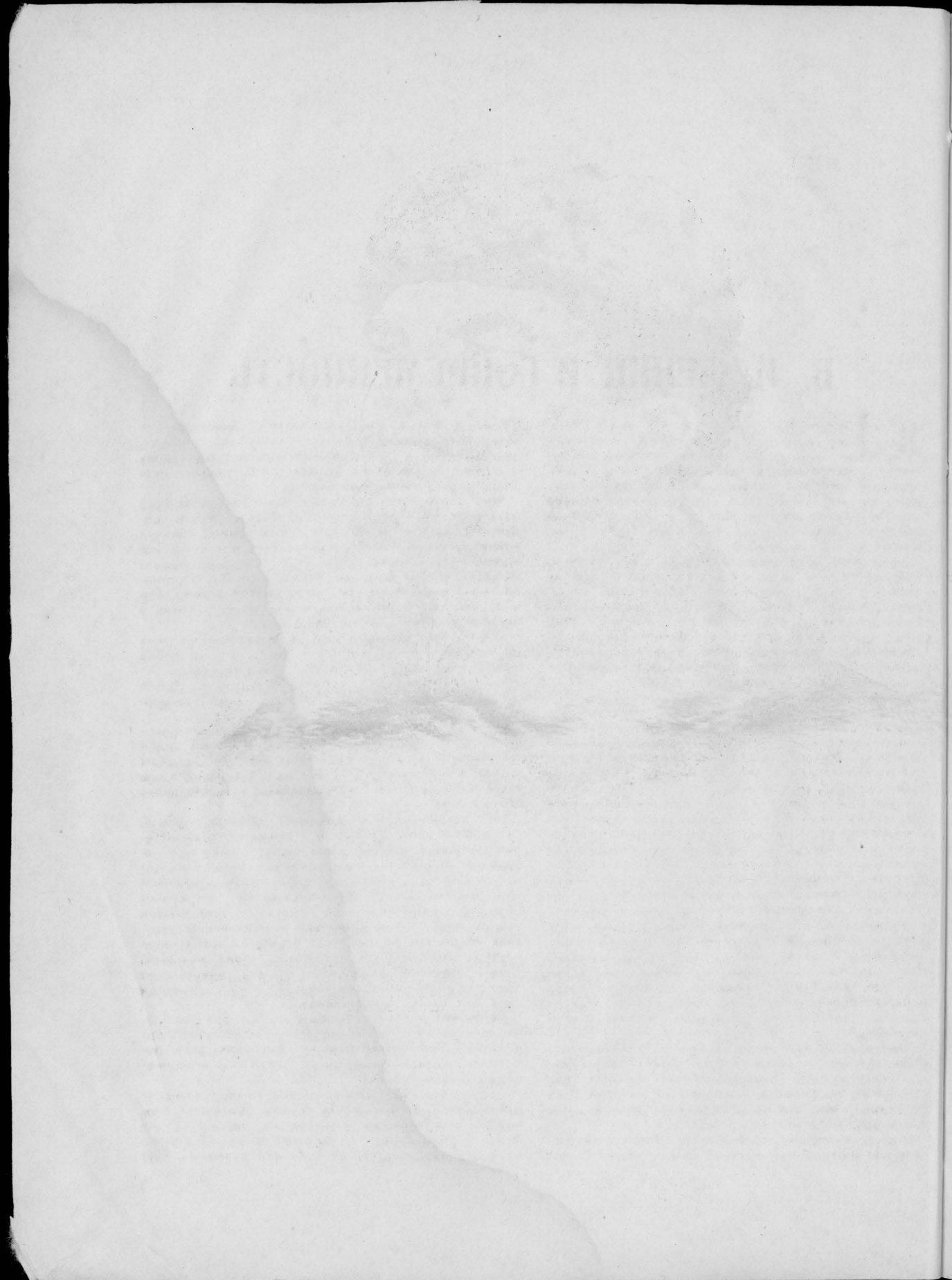
Типография «Кузбасс», Кемерово, Сталина, 66.

«...начиная социалистические преобразования, мы должны
ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразо-
вания, в конце концов, направлены, именно цель создания
коммунистического общества...».

(В. И. Ленин).

В. И. ЛЕНИН И СОВРЕМЕННОСТЬ

НА ЮБОИХ полушариях земли от льдов Заполярья до солнечных тропиков для миллионов и сотен миллионов простых тружеников нет более дорогого имени, чем имя великого Ленина, человека, который отдал всю свою жизнь, весь свой могучий гений, всю страсть революционера делу освобождения трудящихся от капиталистического гнета, делу борьбы за светлое будущее человечества, за коммунизм.

Гениальный продолжатель творцов научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса Ленин осветил своими трудами пути развития международного рабочего движения. Вступив на путь революционера в новую историческую эпоху — эпоху империализма, войн и пролетарских революций, Ленин обогатил сокровищницу марксизма новыми положениями и выводами. Ленин показал, что капитализм находится в последней стадии своего существования, что пролетарская революция стала практической задачей дня.

Ленин показал, что капитализм изжил себя. «Он стал реакционнойшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню...» (Ленин. Соч., т. 29, стр. 478).

В условиях старой России, когда народы этой огромной страны изнывали под гнетом крепостников-помещиков, подвергались беспощадной эксплуатации промышленников-капиталистов, страдали от произвола слуг самодержавия, Владимир Ильич предсказал великое будущее нашей страны. Пытливо всматриваясь в русскую действительность, он разглядел, что Россия является частью мирового империализма, противоречия которого здесь нарастают с особенной быстротой и проявляются с колоссальной силой, что именно здесь суждено произойти таким огромным революционным взрывам, которые будут определять судьбы мировой истории. Ленин увидел, что рабочий класс России призван историей стать авангардом мирового пролетариата.

Эта удивительная прозорливость В. И. Ленина порождалась его умением глубоко анализировать действительность, его удивительной способностью, как говорил А. М. Горький, «смотреть на настоящее из будущего», тем, что он «половиною великой души своей жил в будущем».

Открыв закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма, Ленин создал новую

стройную теорию социалистической революции, доказал возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране, развил марксистское учение о партии, о диктатуре пролетариата, указал пути социалистического строительства.

Ясно видя процесс дальнейшего исторического развития, проникая в сущность современных и грядущих исторических событий, Ленин смело объявил войну русскому капитализму, отдав всю свою неиссякаемую энергию, всю страсть великого революционера организации боевого штаба пролетариата — революционной марксистской партии. Ленин учил, что у пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации.

Полный неистощимой веры в несокрушимую силу организованного пролетариата, ведущего за собой массы трудящихся города и деревни, Ленин на заре революционного движения говорил: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»

В союзе рабочих и крестьян, руководимых революционной партией рабочего класса, Ленин видел ту великую общественную силу, которая способна навсегда уничтожить мир рабства и угнетения, и всю свою жизнь работал над созданием и укреплением этого союза.

Ни постоянные преследования царской охраны, ни злобная клевета врагов и предателей, ни истеричные вопли паникеров, терявших голову при неудачах и трудностях революционной борьбы — ничто не смогло расстроить железные ряды созданной Лениным партии. Ленин вооружил ее острейшим оружием революционной теории, позволявшей всегда верно ориентироваться в сложнейших условиях современной классовой борьбы, вырабатывать научно обоснованную программу своих действий, трезво оценивать обстановку, отчетливо видеть свои задачи и неуклонно, уверенно вести массы к своей конечной цели — коммунизму.

Ленин не переставал напоминать, что без революционной теории не может быть революционного движения, что партия способна выполнить роль передового борца только тогда, когда она вооружена передовой теорией.

Следуя заветам Ленина, партия смело развивает революционную теорию марксизма, обогащает ее новыми положениями и выводами, черпая их из опыта строительства социализма в нашей стране, из опыта международного рабочего движения. Она

свято соблюдает выработанные Лениным нормы партийной жизни и незыблемые принципы партийного руководства.

В наши дни партия, созданная и закаленная Лениным в огне трех революций, в беспрецедентной борьбе за утверждение диктатуры пролетариата, в самоотверженном труде по созданию социалистического общества, выросла в великую силу. Она объединяет в своих рядах 8708 тысяч человек. Только за один 1959 год в партию вступило более полумиллиона человек, две трети которых составляют рабочие и колхозники. Боевой отряд коммунистов Кузбасса за последние два года вырос на 8614 человек и теперь насчитывает в своих рядах почти 95 тысяч членов и кандидатов партии. Сейчас наша областная партийная организация по своей численности в два раза превосходит всю партию, какой она была в феврале 1917 года.

БОЛЕЕ сорока лет тому назад, в ту пору, когда в ряде стран коммунистические партии еще только возникали и оформлялись организационно, когда число коммунистов во всем мире не превышало 4—5 сотен тысяч человек, Ленин уже видел несокрушимую силу мирового коммунистического движения. «Коммунизм, — писал Владимир Ильич Ленин, — «вырастает» решительно из всех сторон общественной жизни, ростки его есть решительно повсюду...»

Ныне коммунистическое движение стало огромной силой. Коммунистические и рабочие партии существуют в 86 странах мира, объединяя десятки миллионов людей. Они сильны своим единством, своими связями с массами трудящихся, своей верностью принципам марксизма-ленинизма.

В наше время социализм уже давно вышел за пределы одной страны. Он утвердился в ряде стран Европы и Азии, объединенных в могучий лагерь мира, демократии и социализма, население которого составляет более трети человечества. Эти страны, охватывающие территорию более четверти земли и дающие более трети мирового промышленного производства, продемонстрировали перед всем миром великие преимущества социализма перед капитализмом.

Страны социалистического мира оказывают глубокое влияние на ход истории. На наших глазах силы капитализма слабеют, идет быстрый распад мировой системы империализма. Позорное ярмо колониального угнетения народов уходит в безвозвратное прошлое. За последние два десятилетия от колониального рабства освободилось более миллиарда с четвертью человек, и если недавно население колоний и зависимых стран составляло две трети населения земли, то теперь оно не превышает шести процентов.

Великий китайский народ, руководимый своей славной коммунистической партией, умело применяющей незыблемые принципы марксизма-ленинизма к своеобразным национальным особенностям исторического развития всей страны, гигантскими шагами идет вперед по пути социализма. Опираясь на братскую помощь могучего социалистического лагеря, строят новую жизнь народы Кореи и Вьетнама, Индия сбросила со своих плеч английских колонизаторов, почти три с половиной столетия угнетавших этот 440-миллионный народ и за время своего господства доведших эту некогда культурную и богатую страну до последней ступени материальной нищеты. Освободились от колониального рабства народы Индонезии, Бирмы, Египта, Судана, Туниса,

Марокко, Ганы, Гвинеи и других стран. Опрокинув кровавую диктатуру ставленника империалистов Нури Саида, народ Ирака провозгласил республику, которая вышла из агрессивного багдадского блока, стала независимым государством и провозгласила политику мира. Самоотверженно борются за свое освобождение народы Южно-Африканского Союза. Усиливается национально-освободительное движение в странах Латинской Америки.

С гениальной прозорливостью Ленин предвидел пути, по которым пойдет человечество, когда в первые годы существования Советской республики, народы которой героически сражались с вооруженными до зубов армиями интервентов и контрреволюционеров, писал: «уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории» (Ленин. Соч., т. 31, стр. 365).

Реакционные империалистические круги еще не прекращают своих попыток найти спасение для гибнущего капитализма на путях новых военных авантюр. Они предполагают отсрочить час краха капиталистических порядков посредством новых величайших бедствий, с которыми связаны для народов современные войны. Однако это становится все труднее. Великий Ленин еще в 1918 году говорил: «Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов» (Ленин. Соч., т. 26, стр. 429).

Неутомимая борьба нашей Коммунистической партии за мир, советская программа всеобщего разоружения, предложенная Н. С. Хрущевым в Организации Объединенных Наций, неуклонное проведение ленинского принципа мирного сосуществования стран с различными социальными системами находят поддержку и горячее сочувствие в сердцах честных людей во всех уголках земли. Народы мира смотрят на Советский Союз, на страны социалистического лагеря с твердой уверенностью, что эти силы способны сорвать коварные замыслы империалистической реакции и навсегда освободить человечество от ужасов и страданий, которые приносит войны при современных средствах истребления. Теперь все знают и видят, что социализму чужда война, что социализм обеспечивает мир и благосостояние народов.

ВСВОЕ ВРЕМЯ Владимир Ильич Ленин, разрабатывая научно обоснованный план социалистического строительства в нашей стране, указывал, что после завоевания пролетариатом политической власти коммунизм становится делом практики, «что сейчас все дело в практике, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...» (Соч., т. 26, стр. 373).

Эти указания Ленина с особой силой звучат сегодня, когда для советского народа коммунизм стал уже не отдаленным будущим, не светлой мечтой о счастливой жизни грядущих поколений, а практической задачей строительства. Решение этой задачи стало возможным благодаря тем грандиозным победам, которыми ознаменован весь путь, пройденный нашим народом под руководством партии. Каким далеким от нас стал теперь тот нищенский уро-

вень экономики и культуры, который достался в наследство молодой Советской республике от бывшей царской России. Почти все богатство Советского Союза создано народом за годы существования Советской власти.

Сейчас валовая промышленная продукция СССР в сорок раз превосходит промышленную продукцию дореволюционной России в 1913 году.

По темпам своего экономического и культурного развития Советский Союз не имеет достойных соперников среди стран капиталистического мира. Только за последние шесть лет промышленная продукция Советской страны выросла на 90 процентов, в то время как в США ее рост равен только 15 процентам: производство продукции на душу населения в СССР увеличилось за это время на 71 процент, а в США лишь на 0,3 процента. И чем дальше продвигается наша страна, тем стремительнее становится ее развитие, тем величественнее ее успехи. Сбываются гениальные предвидения Владимира Ильича, который говорил, что наступит время, когда народ развернет свою творческую инициативу, когда раскроются возможности, заложенные в советском строе, тогда начнется такой взлет экономики и культуры, о котором капитализм не мог даже мечтать.

НАША Родина вступила в новый этап своего развития — в период развернутого строительства коммунистического общества. XXI съезд партии указал на необходимость в ближайшие годы достичь такого уровня производства во всех областях экономики, который позволил бы сделать решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма, в обеспечении победы СССР в мирном экономическом соревновании с капиталистическими странами. Эти указания XXI съезда партии нашли свое конкретное выражение в семилетнем плане развития народного хозяйства страны, над осуществлением которого сейчас самоотверженно трудится наш народ.

Выполнение этого грандиозного плана, предусматривающего увеличение промышленной продукции на 80 процентов, удвоение производства электроэнергии, повышение в три раза мощности химической промышленности, будет гигантским скачком в развитии нашей страны и явится огромным вкладом в дело осуществления нашей конечной цели.

Особенно высокие темпы развития получает в семилетку народное хозяйство Сибири и Дальнего Востока. Только в хозяйстве нашей области намечено вложить 50 миллиардов рублей. По капиталовложениям Кузнецкий бассейн занял одно из первых мест в стране. И это вполне обоснованно, так как государству выгодно вложить средства в этот край неисчерпаемых богатств, где себестоимость угля в два раза ниже, чем в Донецком бассейне, стоимость электроэнергии также ниже, чем средняя себестоимость в стране. Таким образом, семилетний план поставил перед трудящимися Кузбасса огромные задачи и выдвинул их в авангард борцов за создание материальной базы коммунизма.

ПЛАН первого года семилетки трудящиеся Кузбасса значительно перевыполнили. Горняки бассейна выдали на-гора более 77 млн. тонн топлива. Тысячи тонн сверхплановых чугуна, стали, проката и алюминия произвели металлурги нашей области.

Осуществляется большая программа капитального строительства. Вступил в строй третий агрегат Томь-Усинской ГРЭС. Начали выдавать уголь Латы-

шевский, Караульный и крупнейший в Кузбассе Томь-Усинский № 3-4 угольные разрезы. Сдана в эксплуатацию железная дорога Сталинск — Абакан. На участке Тайга — Марининск паровозы уступили место электровозам. Введен в строй корпус второй очереди Сталинского алюминиевого завода, три новые электропечи на Кузнецком ферросплавном заводе. Ускоренными темпами разворачивается строительство Западно-Сибирского металлургического завода. Новый цех фенопластов получили химики завода «Карболит», введен в строй цех аммиачной селитры на Кемеровском химкомбинате и т. д.

Новыми производственными успехами ознаменован первый год семилетки в сельском хозяйстве нашей области. Зерна у нас собрано 1 млн. 27 тысяч тонн, что на 33 тысячи тонн больше, чем в 1958 году, а продано хлеба больше на 34 тысячи тонн. Поголовье крупного рогатого скота за год увеличилось на 37 тысяч голов.

Успех выполнения всех заданий семилетнего плана в Кузбассе зависит от того, как мы справимся с осуществлением планов капитального строительства, с реконструкцией действующих предприятий и вводом в эксплуатацию новых шахт и заводов. Поэтому 9-я областная партийная конференция потребовала от всех партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций принять все меры к тому, чтобы повысить темпы и качество строительства в области. В текущем году шахтеры Кузбасса должны дать стране свыше 80 миллионов тонн угля, металлурги увеличить выпуск металла по сравнению с прошлым годом на 26 процентов, химики дать значительное увеличение производства различных видов химической продукции.

ОСОБЕННО важное значение в наше время приобрело развитие электроэнергетики. Великий Ленин указывал, что «...если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии» (Ленин, Соч., том 31, стр. 486).

Ленину принадлежит формула: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Выполняя ленинские заветы, советский народ добился огромных достижений в области развития энергетики. Сейчас в СССР вырабатывается за три дня больше электроэнергии, чем ее давали все станции дореволюционной России за год. В текущем году только электростанции Кузбасса дадут стране во много раз больше электрической энергии, чем имела вся страна в 1913 году. Но бурно развивающееся народное хозяйство требует еще большего уровня энергооборуженности, и семилетний план предусматривает удвоение выработки электроэнергии. Только прирост мощностей турбинных электростанций за семилетку должен быть равен 58—60 миллионам киловатт; это равно ста новым ДнепротЭСам.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ всех отраслей народного хозяйства наряду с металлургией и машиностроением является основой быстрого развития страны, ее технического прогресса. Только на основе электрификации возможна механизация и автоматизация производства. В социалистическом обществе машина призвана облегчить труд человека, а потому задача сводится к тому, чтобы вводить в народное хозяйство как можно больше различных машин и механизмов, заменять старое, малопроизводитель-

ное оборудование новым, более совершенным, более производительным, более экономичным, внедрять автоматы, организовывать автоматические линии, цехи, заводы. Именно таким путем идет наша страна в борьбе за создание техники коммунизма.

Машиностроение издавна называется сердцевинной индустрией. В нашей области машиностроение целиком создано в годы Советской власти, и сейчас 19 машиностроительных заводов Кузнецкой земли производят сложнейшие горные механизмы, электрооборудование, радиоаппаратуру и т. д. Они снабжают своей продукцией не только предприятия Кузбасса, не только рассылают ее в различные уголки нашей необъятной страны, но и экспортируют в 25 зарубежных стран.

В своем докладе XXI съезду Коммунистической партии Н. С. Хрущев говорил, что в социалистическом обществе автоматизация имеет не только экономическое, но и большое социальное значение. При автоматизации коренным образом меняется характер труда, повышается культурно-технический уровень рабочих, создаются условия для ликвидации различия между умственным и физическим трудом. Внедрение высокопроизводительных механизмов и автоматов у нас позволит сократить еще более продолжительность рабочего дня, освободить людям время для их всестороннего культурного развития, создаст условия для нового расцвета народных талантов и дарований.

Внедрение машин и автоматов у нас не грозит безработицей и бедствиями трудящихся, как это происходит сейчас в капиталистических странах, где каждое техническое совершенствование, ведущее к повышению производительности труда, имеет своим следствием сокращение числа рабочих, рост безработицы и нищеты. По данным Британского департамента научно-промышленных исследований, примерно через 20 лет до 60 процентов рабочих капиталистического мира будут безработными. Американские социологи также говорят о том, что к середине 70-х годов до 65 процентов рабочих потеряют работу вследствие внедрения автоматов. Аналогичные данные приводит и Международное бюро труда. Технический прогресс в условиях социализма приведет к всеобщему благосостоянию, повысит материальный уровень жизни народа, облегчит его труд, создаст предпосылки для дальнейшего взлета науки и культуры. Техника у нас служит человеку, а человек — самое главное, самое ценное. Заботой о людях, о миллионах простых тружеников проникнуто каждое решение нашей партии, нашего правительства. Для людей создаются все материальные блага. Во имя прекрасного будущего людей мы строим коммунизм.

Технический прогресс, намеченный семилетним планом, позволит не только поднять на новый, более высокий уровень нашу промышленность, не только облегчит труд рабочего и повысит его производительность, но и позволит провести совершенствование нашего сельского хозяйства.

Владимир Ильич Ленин указывал на необходимость превращения земледелия, всего сельскохозяйственного производства «из промысла, ведущегося бессознательно, по старинке, в промысел, который основан на науке и завоеваниях техники», и в свое время мечтал о ста тысячах тракторов, которые помогут крестьянину в его труде.

В наши дни ленинские мечты осуществились. На просторах Советской страны уже в прошлом году работало 1790 тысяч тракторов, более полумиллиона

на зерновых комбайнов, 720 тысяч грузовых автомашин.

Социалистическое сельское хозяйство уверенно идет вверх при сокращении почти в два раза населения деревни, товарная продукция сельского хозяйства в нашей стране по сравнению с 1913 г. увеличилась в несколько раз. Все эти колоссальные успехи достигнуты потому, что партия постоянно укрепляет чудесную силу — союз рабочих и крестьян, над созданием и развитием которого работал В. И. Ленин.

ВАЖНЕЙШИМ условием достижения высшей фазы коммунистического общества является всемерное повышение производительности общественного труда. «Коммунизм, — указывал Владимир Ильич, — есть высшая против капиталистической производительности труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих».

Хорошо известно, какую высокую оценку получили у Ленина первые ростки нового отношения к труду, появившиеся в организации коммунистических субботников. С тех пор прошло много времени, и новый взгляд на труд как дело чести утвердился у огромного большинства советских людей. Поэтому вполне закономерно, что в период развернутого коммунистического строительства в народных массах родилось новое широкое движение коллективов и бригад коммунистического труда, которые начертали на своих знаменах девиз: «Работать, учиться и жить по-коммунистически». Это могучее движение охватило всю страну.

Только в Кузбассе за звание коммунистических борется около 5500 коллективов.

В этом движении, которое поистине становится всенародным, с исключительной силой раскрывается высокий моральный облик советского человека, его горячий патриотизм, его несокрушимая уверенность в правоте великого дела коммунизма, его неистощимая инициатива, его живой, творческий, новаторский подход к любому делу.

Ленин указывал, что утверждение коммунистического общества не сводится только к росту материальных ценностей, к созданию изобилия материальных богатств. Коммунизм предполагает накопление духовного изобилия, духовных богатств, изменение морального облика людей. Стало быть, воспитание социалистической сознательности есть необходимое условие перехода к высшей фазе коммунистического общества, для которой будет характерен труд на общую пользу, перешедший в привычку, в потребность здорового организма.

Ленин не раз возвращался к этой мысли. Он писал, что коммунизм «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного» (Ленин. Соч., т. 25, стр. 441).

В процессе революционного преобразования общества вырос новый человек, человек новой социалистической морали. Но было бы ошибочным считать, что мы уже освободились от всех пороков и родимых пятен прошлого. Ликвидация пережитков капитализма в сознании людей является в настоящее время одной из актуальных практических задач. Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» подчеркивает, что создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономического могу-

щества СССР, достижение изобилия материальных благ находятся в прямой зависимости от повышения уровня сознательности трудящихся.

ЛЕНИН учил, что воздвигнуть здание нового общества можно лишь при самом активном, самом деятельном участии миллионов масс трудящихся. Ленин непоколебимо верил в несокрушимые силы масс, в их творческий гений, он говорил, что «только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества» (Соч., т. 26, стр. 259).

Партия, верная заветам Ленина, принимает все меры к тому, чтобы постоянно повышать политическую и трудовую активность народных масс, их сознательное участие в политической и хозяйственной жизни.

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма ознаменовало собой и новый этап в развитии социалистической демократии и Советского государства. Принципиально новое направление в развитии демократии — это постепенная передача некоторых функций государства общественным организациям.

Нет сомнения, что этот процесс будет школой для советского человека по усвоению правил общежития коммунистического общества. Это в то же время путь развития социалистической государственности в общественное самоуправление, подготавливающий условия для отмирания государства.

ЧЕМ ГРАНДИОЗНЕЕ становятся победы социализма, тем величественнее встает перед нами образ великого Ленина.

Ленин — вождь нового типа, вождь многомиллионных масс — подлинных творцов истории. Люди, лично знавшие Ильича, имевшие счастье работать вместе с ним, отмечают его глубочайшую веру в творческие силы масс, его неразрывную связь с ними. Они отмечают его необычайную скромность и простоту, чуткость и внимательность к людям. Вся его жизнь — это постоянное горение, титанический труд, отданный делу революционной борьбы пролетариата, его партии. Для Ленина партия революционного пролетариата была всем, он был органически спаян с нею, не отделял себя от нее.

Ленина всегда отличала глубокая принципиальность как в теории, так и в практической деятельности. Принципиальная политика есть единственная правильная политика, — любил повторять Ильич.

Ленин был беспощаден к врагам партии и революции. Он был последователен и непримирим в борьбе с ревизионизмом и всякого рода оппортунизмом. Он сам писал об этом следующее:

«Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д... И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками» (Соч., т. 35, стр. 209).

Беспощадный к врагам народа, Ленин проявлял величайшую заботу о трудящихся, внимательно и чутко относился к людям, к товарищам по работе, к рабочим, крестьянам, представителям интеллигенции.

Ленин был создателем социалистического государства. До него мировая история еще не знала такого государственного деятеля, в котором бы так счастливо сочетались глубокий ум ученого с политической мудростью и прозорливостью руководителя. Он видел пути мировой истории, ее зигзаги и повороты на целые десятилетия вперед и глубоко знал сокровенные желания, неотложные нужды, чаяния и надежды простых людей, глубоко веря в их творческий разум и силы.

В памяти человечества В. И. Ленин будет вечно жить как величайший вождь, учитель, друг и защитник угнетенных и эксплуатируемых масс, отдавший всю свою жизнь делу освобождения рабочих и крестьян от гнета помещиков и капиталистов, делу коммунизма.

Быть настоящим ленинцем — вот к чему стремятся представители нашего поколения.

«Быть настоящим ленинцем, — говорил Н. С. Хрущев, — это значит всегда и во всем, на любом посту, в любом деле быть борцом и революционером. Это значит — ясно сознавать, что родился ты не просто для того, чтобы прожить положенные тебе годы, ты родился в социалистическом обществе и живешь не только для себя, но, прежде всего, для общества, идущего к великой цели. И поэтому все твои дела, помыслы и поступки должны быть подчинены этой благородной цели».

**В. СОКОЛОВ,
М. ЧЕРНОБРОД.**

Отсюда он видел семнадцатый год

«На эти 220 верст железной дороги уходит тоже сутки: чем дальше, тем тише ползут поезда... голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, изредка лес, а то все степь. Снег и небо — и так в течение трех дней».

(Из письма В. И. Ленина к его матери).

«Чем дальше, тем тише ползут поезда...»
Лишь небо да степи видны из вагона.
Тракт рядом Московский.
По нему иногда,
Как темная туча,
Проходит колонна.
К далеким острогам
Ведут каторжан,
В тяжелую тьму золотого забоя.
Колонну окутал морозный туман.
И иней и лед на штыках у конвоя.
И снова — равнина, глухая и голая.
Деревни редки,
Деревенские хаты
По самым крышам пурга замела.
...Такою Сибирь
Он увидел когда-то.

И каждая строчка для нас дорога.
И каждое слово бесценно навеки!
Он слышал,
Как глухо шумела тайга.
Он видел, как быются волной в берега
Могучие наши сибирские реки,
Сам узником был он.
И видел — в плену
Хакасскую степь
И прозрачную Шушу.
И снежную
Горных вершин седину.
И эту,
Не знавшую счастья страну,
Он принял в свою
Необъятную душу.
Июль.
Серебрист енисейский проток.
Тропа выбегает из зарослей ивы.
Устал он.
Прилег на горячий песок.
И спутник его — добродушный щенок
Не прячется в тень,
А мостится у ног.
...По небу степному
Бегут торопливо
К вершинам Саянской гряды облака.
Жужжат пауты.
Раздвигая осоку,

У белых кувшинок
Плывут два чирка.
Все — будто на Волге,
Но Волга далеко.
И так же, как там, пролетит стрекоза
И в воздухе реет.
Как жемчуг крылатый.

А где-то уже громыхает гроза,
Все явственней, ближе
Подходят раскаты.
И ветер горячий врывается вдруг,
Готовый все смять
И смести пред собою.
Земля напряглась,
И нахмурился луг
Как будто в предчувствии
Грозного боя.
И сделалась серо-свинцовой волна.
Песчаные косы чуть-чуть потемнели,
Бушует Сибирь!
И не знает она —
Ни силы своей настоящей,
Ни цели.

А он,
Как и в юные годы свои,
Тужуркой прикрыв по-студенчески плечи,
Сквозь мокрые травы
И через ручьи
Идет неумному ветру навстречу.
Порыв за порывом.
Но Шуша видна.
Когда торопливо подходит он к дому,
Гроза затихает.

И зреет она!
Но будет уже грохотать
По-другому!
Гроза в его мыслях
И в сердце растет.
Отсюда он видит
Семнадцатый год.

...Тяжелая туча окутала горы.
И кажется, там,
У саянских высот,
Гремят орудийные залпы
«Авроры».

В. И. Ленин о Сибири

22 апреля 1960 года исполнилось 90 лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Жизнь и деятельность Владимира Ильича — это непрерывный, бесподобный подвиг во имя счастья народа, на благо всего человечества. На протяжении всей своей кипучей деятельности Ленин систематически проявлял внимание и к нашему сибирскому краю. С чувством бесконечной благодарности и законной гордости отметили трудящиеся Кузбасса 90-летие со дня рождения великого гения человечества, незабвенного Владимира Ильича Ленина.

Молодого революционера, считавшегося одним из наиболее подготовленных марксистов, Владимира Ульянова, царское правительство сослало в Сибирь.

8 мая 1897 года двадцатисемилетний Владимир Ильич прибыл на место поселения. В Сибири он прожил почти три года, по 29 января 1900 года. Пребывание в ссылке Ленин использовал для глубокого изучения сибирской деревни, для ознакомления с жизнью и бытом народов Сибири. Немало удивился он, узнав, что выдающийся русский художник Суриков родился в Красноярске. «Великие люди не особенно стесняются в выборе места для своего рождения», — шутя и задумчиво заметил Ильич, внимательно осмотрев дом, в котором родился художник.

Находясь в ссылке, В. И. Ленин не прекращал титанической революционной работы. Более тридцати произведений Ильича написаны в Сибири. Здесь он формулирует вывод о решающем значении марксистской теории, подчеркивая, что «без революционной теории не может быть и революционного движения»¹⁾.

В сибирской ссылке Владимир Ильич написал свою работу «Развитие капитализма в России», завершившую идейный разгром народничества. Для ее написания он использовал более 600 различных книг. Значительная часть их была прочитана в красноярской городской библиотеке и в библиотеке купца, библиофила и издателя Юдина, по поводу которого в беседе с одним из своих красноярских

знакомых Ильич заметил: «Да-да!! Много грехов простится вашему кабатчику за его библиотеку».

Ленин из Сибири громил легальных марксистов и развертывал борьбу против экономистов. Отсюда он обратился с призывом к объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую **социал-демократическую рабочую партию**²⁾.

Мысль о создании партии не покидала Владимира Ильича. Он прилагал все усилия для того, чтобы ее осуществить. Ленин видел, как на местах все более ширилось социал-демократическое движение в стране и с особой силой подчеркивал необходимость его объединения. Об этом он писал: «Местная социал-демократическая работа достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей заброшены уже повсюду в России... Нам не достает теперь именно сплочения всей этой местной работы в работу одной партии»³⁾.

Ведя работу по созданию партии, Ленин в конце 1899 года написал «Проект программы нашей партии»⁴⁾. Здесь же, в ссылке, зреет ленинский план использования газеты для борьбы за создание партии. С этой целью он соглашается сотрудничать в «Рабочей газете». В своем «Письме к редакторской группе» и написанных для газеты статьях⁵⁾ Владимир Ильич говорит об издании тесно связанной со всеми местными группами газеты, которая обеспечила бы построение строго организованной революционной партии.

Как только окончился срок ссылки, 29 января 1900 года, Владимир Ильич покинул село Шушенское. И уже по дороге из Сибири он принялся за осуществление созревшего в ссылке плана издания общерусской политической газеты как основного звена в общей цепи борьбы за создание марксистской партии рабочего класса. Такой газетой стала ленинская «Искра», первый номер которой вышел 11(24) декабря 1900 года.

Ленин видел тяжелую жизнь сибирских крестьян, обратив особое внимание на их бедственное поло-

²⁾ Ленин, т. 2, стр. 323.

³⁾ Ленин, т. 4, стр. 196.

⁴⁾ Ленин, т. 4, стр. 207—233.

⁵⁾ Ленин, т. 4, стр. 185—206.

¹⁾ Ленин, т. 2, стр. 319.

жение в Алтайском округе, в который входил и Кузнецкий уезд, объединявший почти весь современный Кузбасс. Когда царским правительством был издан закон об отводе частным лицам казенных земель в Сибири, направленный на дальнейшее усиление эксплуатации крестьян и их зависимости от помещиков, Владимир Ильич опубликовал в «Искре» (№ 8, 10 сентября 1901 года) специальную статью «Крепостники за работой», в которой разоблачал эксплуататорскую сущность закона и с негодованием заявлял, что «новый закон прямо о том и заботится, чтобы создать поскорее новый рай для помещиков и новый ад для крестьян»⁶).

Указав, что на крестьянскую семью нарезалось не более 15 десятин и предписывалось вперемешку с площадями, наделенными крестьянам, нарезать дворянам участки размером до 3 тысяч десятин, т. е. в 200 раз больше, Владимир Ильич писал: «Наше дело теперь — просто распространить сведения о новом законе. Ознакомившись с ним, самые неразвитые слои рабочих, самые серые и забытые крестьяне поймут, кому служит правительство и какое правительство нужно народу»⁷).

Закладывая основы союза рабочего класса и крестьянства в грядущей революции, Российская социал-демократическая рабочая партия в предложенной Лениным и принятой на II съезде РСДРП программе выдвинула задачу добиваться «учреждения крестьянских комитетов... для устранения остатков крепостного строя, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства»⁸).

Спасаясь от крестьянского гнева и стремясь задушить первую русскую революцию, царское правительство прилагало особые усилия к развитию крестьянских переселений в Сибирь, чтобы «разрядить» атмосферу в центре России. Эта работа проводилась под флагом «заботы о крестьянах». Именно поэтому на места новых поселений, включая районы Кузбасса, предпринял поездку вдохновитель «новой» аграрной политики Столыпин, произносивший торжественные речи, воспевающие царские «милости». Жестоко высмеивая и разоблачая сущность этой затеи, Владимир Ильич писал: «Вот картинка поездки в Сибирь Столыпина, премьер-министра и г. главноуправляющего земледелением и землеустройством Кривошеина, в августе 1910 года. Речь с площадки министерского вагона на станции «Тайга»,... «все обстоит великолепно и потому благополучно»⁹). И далее Ленин приводит оценку этой поездки, которую дал ей тогда либеральный чиновник А. М. Комаров, назвавший ее буффонной и сравнивший ее с путешествием Екатерины II по Новороссии. Ленин отмечал, что только на чetyре года (1906—1909) удалось вдохновителям «новой» аграрной политики «приоткрыть клапан» и «разрядить атмосферу». А затем снова началось нарастание революционного движения в стране, включая заново заселенные районы Сибири.

Ильич глубоко изучил историю освоения Сибири и систематически наблюдал за развитием в ней промышленности, поддерживал революционные действия сибирских и кузбасских рабочих. Он разоблачал хищническое стремление империалистов к богатствам Сибири: «Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии... Закаспийская дорога стала «откры-

вать» для капитала Среднюю Азию, «Великая Сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строящих ее рабочих) открывала Сибирь»¹⁰).

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали вызвало резкое увеличение добычи угля в Кузбассе. Крупный предприниматель Михельсон хищнической рукой развивает добычу угля на Судженских каменноугольных копях. В 1912 году на иностранные капиталы было создано «Акционерное общество кузнецких каменноугольных копей» («Копикуз»), жестоко эксплуатировавшее рабочих. Кузнецкие шахтеры энергично боролись против угнетения и эксплуатации.

После Февральской революции 1917 года по призыву партии большевиков они начинают устанавливать рабочий контроль на предприятиях, ведут решительную борьбу против владельцев шахт и заводов. Созданные на Судженских копях Совет рабочих и солдатских депутатов и союз служащих 29 апреля отстранили от работы девять работников администрации, назначенной Михельсоном, и возложили управление копиями на группу инженерно-технических работников, подконтрольную Совету рабочих и солдатских депутатов. Михельсон отказался признать администрацию, назначенную Советом, и обратился к председателю Временного правительства князю Львову за помощью против «самоуправства» и «захвата». Совет рабочих и солдатских депутатов и союз служащих обратились с телеграммой в Петроградский Совет и к трем министрам Временного правительства с просьбой принять необходимые меры и решить судьбу копей, вплоть до их конфискации. Ознакомившись с телеграммой, Ленин, решительно поддерживая кузбасских шахтеров, пишет в «Правду» статью «Еще одно преступление капиталистов». «Недавно, — писал Ленин, — разоблачены были в Петрограде докладом донецкой рабочей делегации господа донецкие углепромышленники, преступно дезорганизуящие производство... Сегодня мы получили телеграмму с известием о таком же наглом и преступном поведении углепромышленников в другом конце России... Нельзя найти более правильного выражения, как то, которое употребил в этой телеграмме пославший ее Совет раб. и солд. депутатов и союз служащих: «преступное провокационное ведение дела» капиталистами»¹¹).

Как только в пламени революционного пожара, зажженного ленинской «Искрой», рухнуло царское самодержавие, Ленин призвал трудящихся, свергнувших монархию, не останавливаться на полпути и перейти ко второму этапу революции, к революции социалистической, которая должна завершиться установлением диктатуры рабочего класса, победой власти Советов.

Ленинский призыв к свержению власти буржуазии и помещиков вызвал их звериную злобу. 6 июня 1917 года Временное правительство переходит к решительному наступлению против сил революции. Начинаются преследования большевиков, отдается приказ об аресте В. И. Ленина, организуется гнусная кампания травли и клеветы по его адресу. Большевики разоблачали эти провокации. В это время рабочие всей Сибири от Омска до Читы с огромным вниманием слушали лекции видного партийного работника, замечательного пропагандиста, активного большевика Я. Е. Богграда. «Кто такой Ле-

⁶) Ленин, т. 5, стр. 80.

⁷) Ленин, т. 5, стр. 83.

⁸) Ленин, т. 6, стр. 17.

⁹) Ленин, т. 19, стр. 48.

¹⁰) Ленин, т. 5, стр. 74.

¹¹) Ленин, т. 24, стр. 405—406.

нин и почему его травит буржуазия»¹²). Они прониклись еще большей любовью к вождю революции и ненавистью к его врагам.

Рабочий класс Кузбасса, возглавляемый испытанными большевиками Францем Суховерховым и Михаилом Рабиновичем, всецело поддерживает курс партии на победу социалистической революции и установление Советской власти. На II съезд Советов трудящиеся Кузбасса и всей Сибири направили 18 делегатов. Среди них были: А. И. Исаев — от Кузнецкого уездного Совета рабочих и солдатских депутатов, И. Л. Наханович — от Томского Совета рабочих и солдатских депутатов, М. К. Цаплин — от Алтайского губернского и Барнаульского Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и другие.

II съезд Советов закрепил победу Октябрьского вооруженного восстания и провозгласил Россию Советской Республикой. Делегаты-сибиряки вместе с другими делегатами съезда единодушно голосовали за ленинские декреты, за избрание вождя революции В. И. Ленина председателем первого рабоче-крестьянского правительства.

В первые месяцы после Великой Октябрьской революции В. И. Ленин в качестве одной из основных задач Советской власти выдвигал задачу развития топливной, металлургической, машиностроительной и химической промышленности, нацеливая на создание собственной тяжелой индустрии. Окидывая при этом мысленным взором страну и отмечая выгодное положение Советской России, он обратил внимание и на Сибирь, и на Кузбасс. Ильич писал, что молодая Республика Советов обладает «гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д.»¹³).

Это ленинское внимание явилось определяющим в дальнейших судьбах развития Кузбасса, в осуществлении здесь гигантских социалистических преобразований. Руководствуясь программой партии и указаниями В. И. Ленина, большевики Кузбасса начинают борьбу за переход крупных промышленных предприятий в руки Советской власти. Рабочие Анжерки, Судженки, Кольчугина, Кемеровы, Прокопьевска и других промышленных пунктов Кузбасса требовали перехода предприятий в руки государства. Активное участие в борьбе за национализацию в Кузбассе принимали председатель Западно-Сибирского бюро союза горнорабочих и член Западно-Сибирского совнархоза Ф. Суховерхов и член бюро союза горнорабочих М. Рабинович.

В Петроград на I Всероссийский съезд профсоюзов, а также на III съезд Советов, состоявшиеся в январе 1918 года, делегатом от Кузбасса был направлен М. Рабинович.

Представитель Кузбасса стремился выполнить наказы посланных его рабочих, требовавших национализации промышленности. 23 января (4 февраля) 1918 года он сделал об этом специальный доклад в Высшем Совете Народного Хозяйства.

В одном из писем М. Рабинович в те дни писал: «Сегодня пойду в Таврический дворец на заседание фракции Пленума ЦИК. Вчера Ленин делал доклад на объединенном заседании фракции больше-

виков и левых с-р. Сегодня будут прения... Живу напряженно, как и весь Питер».

М. Рабинович работал над подготовкой проекта декрета о национализации предприятий Копикуза и Судженских копей, чтобы передать его в Высший Совет Народного Хозяйства. Вскоре было получено решение Томского губисполкома о национализации каменноугольных копей в Судженске.

В. И. Ленин поддержал стремления рабочих Кузнецкого бассейна. 11 мая 1918 года он подписал постановление Совета Народных Комиссаров, в котором говорилось:

«1) утвердить национализацию Судженских каменноугольных копей, принадлежащих акционерному обществу «Л. Михельсон», ассигновать Западно-Сибирскому Совету народного хозяйства три миллиона рублей для государственных Судженских копей...

2) ассигновать Западно-Сибирскому Совету народного хозяйства... одиннадцать миллионов рублей на заготовку топлива, шпал и крепежного леса...

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)¹⁴).

Вскоре в Москву, куда в марте переехало правительство, на I Всероссийский съезд Советов народного хозяйства приехал Ф. Суховерхов. Он продолжил начатую Рабиновичем работу. С глубоким вниманием Франц выслушал речь Владимира Ильича и в своем выступлении, охарактеризовав положение в горной промышленности Западной Сибири, заверил съезд, что при осуществлении национализации «Копикуза» Западная Сибирь даст в 1918 году народному хозяйству Советской Республики до 100 миллионов пудов угля.

Учитывая волю трудящихся, в целях борьбы с хозяйственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса 28 июня 1918 года В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома о национализации всей крупной промышленности. Согласно декрету, наряду со многими другими предприятиями, собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики объявлялись копи и заводы «Копикуза».

Однако национализация полностью не была осуществлена. Этому помешала начавшаяся гражданская война и иностранная интервенция.

Владимир Ильич Ленин неослабно руководил организацией обороны Сибири.

Высадившийся во Владивостоке японский десант положил начало иностранной интервенции в Сибирь. В связи с активизацией действий интервентов ЦК партии ночью 6 мая 1918 года по предложению В. И. Ленина принял специальное постановление, в котором призывал «направить все силы на защиту уральско-кузнецкого района...»¹⁵). Вслед за высадкой японских войск империалистические правительства стран Антанты организовали на территории Советской России мятеж военнопленных чехословацкого корпуса. Белочехи заняли огромную территорию вдоль линии Сибирской железной дороги от Волги до Тихого океана. Были заняты Барнаул, Томск, Бийск, Кузнецк, Мариинск и другие города. Со всех сторон на Россию хлынули полчища интервентов. Отмечая сложность положения терзаемой со всех сторон страны, В. И. Ленин в те дни указывал на необходимость усиления борьбы на Вос-

¹²) Славное сорокалетие. Из истории Красноярской партийной организации (1918 — 1957 гг.). Красноярск, 1957, стр. 102.

¹³) Ленин, т. 27, стр. 228.

¹⁴) «Национализация промышленности СССР». Сборник документов и материалов. Госполитиздат, М., 1954, стр. 320.

¹⁵) Ленин, т. 27, стр. 320.

токе. Он говорил: «Спасение не только русской революции, но и международной, на чехословацком фронте»¹⁶⁾.

Опираясь на иностранную помощь, бывший царский адмирал Колчак в ноябре 1918 года объявил себя верховным правителем России и обосновал свою резиденцию в Омске. На борьбу с колчаковщиной поднимаются трудящиеся всей Сибири, создавшие многочисленные партизанские отряды. Возглавляемый Лениным Центральный Комитет партии 17 декабря 1918 года для руководства деятельностью партийных организаций и партизанским движением создает Сибирское бюро ЦК из пяти человек, в которое включает сибирских подпольщиков А. Масленникова, А. Нейбута и Ф. Суховерхова.

Огромная работа большевистских организаций способствовала тому, что не только рабочие, бедное и среднее крестьянство, но местами даже зажиточные крестьяне и интеллигенция включались в борьбу против белогвардейских насильников и угнетателей. «Мы казались бессильными, когда Сибирь была в руках наших врагов... — писал В. И. Ленин. — Мы бесконечно сильными стали потому, что миллионы научились понимать, что такое Колчак; миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму...»¹⁷⁾.

Для усиления сопротивления колчаковцам и координации усилий многочисленных партизанских отрядов ЦК РКП(б) 19 июля 1919 года принял специальное постановление о партизанском движении в Сибири.

Всероссийский Центральный исполнительный комитет и Совет Народных Комиссаров 16 августа 1919 года в обращении «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири», подписанном М. И. Калининым и В. И. Лениным, объявили Колчака и его правительство вне закона.

Постановление ЦК партии и обращение вожда революционной России к трудящимся Сибири обусловили новый этап в борьбе за освобождение от колчаковщины. Партизанские отряды объединяются в крупные части и соединения. В Западной Сибири и на Алтае создается партизанская армия во главе с Мамонтовым и Громовым, в Восточной Сибири — партизанская армия под командованием Кравченко и Щетинкина.

На территории Кузбасса активизируется деятельность многочисленных партизанских отрядов, среди которых особенно выделялись отряд под руководством Г. Д. Шувалова (Иванова) и отряд под руководством В. П. Шевелева (Лубкова), носивший название «Российский имени В. И. Ульянова (Ленина) советский партизанский отряд».

Под ударами Красной Армии с фронта и партизан с тыла колчаковские войска таяли и поспешно отступали. Восхищаясь успехами на восточном фронте, В. И. Ленин обратился к рабочим и крестьянам с письмом, в котором говорил: «Красные войска освободили от Колчака весь Урал и начали освобождение Сибири... Надо напрячь все силы, чтобы изгнать Колчака и японцев с другими иноземными разбойниками из Сибири...»¹⁸⁾.

Призыв вожда еще более активизировал боевые действия советских бойцов и красных партизан. Ранее разрозненные партизанские отряды Кузбасса объединяются в Советскую партизанскую армию

Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов во главе с Шевелевым и Кузнецовым. Партизанские части и соединения с осени 1919 года проводят ряд операций, в ходе которых изгоняют белогвардейцев со значительной территории Сибири, особенно Алтая и Кузбасса.

Приход Красной Армии закрепил победы партизан. Трудящиеся Кузбасса с восторгом встречали части 35-й дивизии 5-й армии, навсегда очистившие наш край от иностранных интервентов и белогвардейцев.

В ходе начавшегося восстановления народного хозяйства страны В. И. Ленин продолжал уделять огромное внимание щедро одаренному природой богатому сибирскому краю. «Еще в ходе борьбы с остатками колчаковских войск реввоенсовет 5-й армии 1 января 1920 года послал Владимиру Ильичу телеграмму, в которой докладывал о полном освобождении Кузнецкого бассейна. В телеграмме реввоенсовета также сообщалось о том, что организовано специальное правление группы Судженских и Анжерских угольных копей, а рабочие Кольчугинской группы копей взяты на все виды довольствия (кроме денежного) Красной Армией. Заботясь о путях повышения добычи угля в Кузбассе, В. И. Ленин наложил на телеграмме резолюцию: «На повестку Совета Обороны... взятие рабочих на довольствие армией»¹⁹⁾. 16 января Совет Обороны рассмотрел этот вопрос, и в ряде районов Кузбасса рабочие стали получать армейское обмундирование и паек.

Борющаяся против интервентов страна переживала огромные трудности. В январе 1920 года по заданию В. И. Ленина в Сибирь прибыла правительственная комиссия, которая должна была организовать поставку стране сибирского хлеба и угля.

20 января 1920 года было создано объединенное правление каменноугольной промышленности — «Сибуголь». Его руководителем был назначен присланный с мандатом, подписанным В. И. Лениным, рабочий — коммунист Чучурин. С чувством высокого сознания своего революционного долга шахтеры Кузбасса стали наращивать добычу топлива.

Преодоление огромных трудностей в восстановлении и развитии народного хозяйства, руководство им немислимы были без строгого единого плана. По инициативе и указаниям В. И. Ленина специальной комиссией был подготовлен перспективный план развития экономики Советской страны на 10 — 15 лет — ГОЭЛРО. Особое место в этом плане, который Владимир Ильич назвал второй программой партии, придавалось дальнейшему развитию Кузбасса. В нем Кузнецкий бассейн характеризовался как район каменноугольно-железной промышленности с широкими перспективами дальнейшего развития. Планом ГОЭЛРО предусматривалось строительство трех электростанций (Кемеровской, Горловской и Южной) общей мощностью 195 тыс. киловатт. Вскоре был разработан урало-кузнецкий проект, по которому предусматривалось строительство в Кузбассе металлургического завода, развитие угольной, коксохимической и металлообрабатывающей промышленности, улучшение транспортных средств.

Начала оживать и развиваться экономика Кузбасса. Возобновились строительство железной дороги от станции Кольчугино до Прокопьевска, начато еще «Копикузом». Руководимый Лениным Совет Труда и Обороны в январе 1921 года обсудил вопрос об улучшении жилищных условий строителей железной дороги и решил направить для них 50 ва-

¹⁶⁾ Ленин, т. 28, стр. 65.

¹⁷⁾ Ленин, т. 29, стр. 430—431.

¹⁸⁾ Ленин, т. 29, стр. 511.

¹⁹⁾ Ленинский сборник XXIV, стр. 78.

гонов-теплушек и фанерных бараков на 1000 человек. А 20 мая 1921 года Совет Труда и Оборона объявил ударными работы по добыче угля в районе Киселевска и Прокопьевска, по строительству железнодорожной линии Кольчугино — Прокопьевск с веткой Белово—Гурьевск, пуск домны на Гурьевском заводе и второй коксовой батареи на Кемеровском химическом заводе.

В специальной телеграмме от 2 октября 1921 года В. И. Ленин сообщал, что по просьбе Сибревкома и Сибсовнархоза приняты меры к улучшению снабжения строек Кузбасса и что строители железной дороги будут обеспечиваться продовольствием в первую очередь.

Согреты ленинской заботой трудармейцы работали с огромным энтузиазмом и осенью 1921 года завершили строительство железнодорожной линии Кольчугино — Прокопьевск и рапортовали об этом по телеграфу Ленину. По линии началось рабочее движение поездов. Совет Труда и Оборона в отсутствие Ленина принял постановление передать новую железнодорожную линию во временную эксплуатацию Наркомату путей сообщения. Однако Сибревком опротестовал это постановление, опасаясь, что оно может вызвать оттяжку работ по прокладке железной дороги до Кузнецка. Получив об этом сообщение, Владимир Ильич решительно поддержал Сибревком. И новостройка была возвращена в ведение местных сибирских органов, организовавших ее завершение.

В. И. Ленин, борясь за развитие Кузбасса и использование его богатств, энергично поддерживал стремление иностранных рабочих участвовать в восстановлении народного хозяйства Советской Республики и своей кипучей энергией способствовал организации автономной колонии иностранных рабочих в бассейне во главе с голландским коммуни-

стом инженером С. Ю. Рутгерсом и американским коммунистом В. Д. Хейвудом.

На следующий день после принятия Советом Труда и Оборона постановления от 20 октября 1921 года, положившего начало образованию в Кузбассе Автономной индустриальной колонии (АИК—Кузбасс), Ленин направил в Сибирь телеграмму: «Соглашение с Рутгерсом достигнуто... мы обязуемся заготовить к весне 50 000 бревен для работы в Кузбассе. Примите необходимые меры»²⁰⁾.

Заготовленный стройматериал иностранные рабочие использовали для строительства жилья. Вместе с рабочими Кузбасса они участвуют в развитии шахт и заводов Кемерова, Прокопьевска, Гурьевска и других промышленных центров бассейна.

Как к своему лучшему другу обращались шахтеры к Владимиру Ильичу. Когда была задута доменная печь на восстанавливавшемся Гурьевском заводе, из первой плавки металла был отлит небольшой обелиск. Этот кусок чугуна с надписью рабочие завода послали в Москву В. И. Ленину.

Падение добычи угля и даже приостановка работ на некоторых рудниках в 1921—1922 гг. побудила рабочих Прокопьевска направить к Ленину свою делегацию. Шахтеры-активисты Сербин и Туманов вместе с управляющим рудником прибыли в Москву и получили указание всемерно увеличивать добычу угля, расширять производство в Кузбассе. Вскоре в подарок шахтерам по указанию Ленина были присланы динамо-машина и паровой двигатель.

Руководствуясь бессмертными указаниями великого Ленина, советский народ под руководством Коммунистической партии превратил Кузбасс в крупнейший экономический район страны.

²⁰⁾ Ленинский сборник XXIII, стр. 45.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ РЕЧЬ

(Из воспоминаний делегата III съезда комсомола)

В тяжелые дни осени 1920 года съезжались в Москву делегаты III съезда комсомола. Советской республике тогда было всего три года. Рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством под руководством Коммунистической партии ожесточенно боролся с белогвардейскими бандами и иностранными интервентами. Большинство заводов и фабрик тогда стояло: не было топлива и сырья. Население городов сидело без света, в холоде, на голодном пайке.

Разруха сказалась и на железнодорожном транспорте. Поэт Александр Безыменский, участник первых съездов комсомола, в своих воспоминаниях пишет, что казанские делегаты ехали на III съезд комсомола из Казани... пять суток. Несколько дней понадобилось и мне, чтобы добраться в Москву из-под Пинска в Белоруссии, где стояла наша 57-я дивизия, тогда входившая в состав 4-й армии Западного фронта.

И вот я иду впервые по Москве, от вокзала пешком, с вещевым мешочком за спиной. Иду по Арбату, ищу Малую Воздвиженку — там, на Воздвиженке, ЦК партии, и в том же доме ЦК комсомола. Иду по выщербленным тротуарам и мостовым. Магазины, как правило, заколочены, либо заняты какими-то учреждениями. Трамваев не видеть, народу на улицах маловато. У одного из магазинов остановились люди — смотрят и читают в оконной витрине большущие плакаты, нарисованные рукой Владимира Маяковского. На них множество спешно сделанных карикатур и кратких, двустрочных стихов...

«Красноармеец, заруби себе на носу!
Вот что паны и врангели
народу несут...»

Рядом в другом окне — четыре огромные карикатуры Маяковского и под каждой подпись:

«Врангель фон —
Врангеля вон —
Врангель враг —
Врангеля в овраг!»

Нахожу здание ЦК партии. Поднимаюсь по большой лестнице на 2-й этаж. Там мандатная комиссия ЦК молодежи. Сердце усиленно бьется. Неужели здесь, по этим коридорам, по этим лестницам ходит Владимир Ильич?

Никогда не забуду одну из больших комнат в общежитии 3-го Дома Советов на Садовой-Каретной, где я получил место для ночевки. В ней было 40—50 коек. Когда я вошел, в комнате уже было много ребят. Стоял многоголосый шум, каждый расспрашивал друг друга, узнавал новости. Большинство делегатов оказалось фронтовиками, участниками продотрядов, отрядов по борьбе с бандитизмом.

Один светловолосый юноша (как потом я узнал, он был председателем Смоленского губкома комсомола) открыл дискуссию по вопросу о... названии комсомола. Первое слово взял казанский делегат Ефим Гарбер. Он считал, что принятое I съездом название Коммунистический союз молодежи надо изменить и называться Союзом коммунистической молодежи, подчеркивая этим, что в комсомол должны приниматься только сознательные ребята, имеющие уже коммунистическое мировоззрение. Большинство склонялось к другой точке зрения, считая, что союз молодежи должен быть коммунистическим по своим задачам и направлению, организацией не узкой, а широкой, массовой, готовой коммунистически воспитывать сотни тысяч, может быть, еще и не совсем сознательных, но преданных делу коммунизма молодых рабочих, молодых крестьян и лучших из среды революционно настроенной интеллигенции.

Шел горячий спор. И вдруг, в самый разгар полемике, кто-то сообщил, что завтра на открытии съезда выступит Владимир Ильич... Споры тотчас же прекратились. Ведь это же какое счастье! Завтра мы увидим и услышим Ленина! Предстоящая встреча с Владимиром Ильичем взволновала всех. Многие пытались предугадать ход событий. О чем будет делать доклад Ильич? — спрашивали мы друг друга.

— Наверняка — о международном положении, о Врангеле и панской Польше, — говорили одни.

— Да, без «текущего момента» доклад не будет, — говорили другие...

И хотя дело подошло к ночи — а для большинства делегатов это был первый день в Москве и первая ночь после утомительной поездки — спать никто не хотел. Долго ворочались на своих койках, то и дело чиркали спички, зажигались цыгарки, и слышен был бесконечный шепот соседей.

Утром поднялись все очень рано. Ну как можно залеживаться в такой знаменательный день! Перед открытием съезда пошли погулять по улицам Москвы. И хотя время было суровое, множество афиш сообщало о работе театров, о предстоящих концертах, о литературных диспутах.

Прогуливаясь по Москве, мы все время думали о предстоящем вечере, об открытии нашего III съезда, о волнующей встрече с Владимиром Ильичем. И вдруг один из нас, задумавшись, спросил:

— А что сейчас делает Владимир Ильич?

Этот вопрос остался тогда без ответа...

Сейчас мы точно знаем, что делал Владимир Ильич в тот самый памятный для нас день — 2 октября 1920 года до того, как пришел на открытие комсомольского съезда.

В этот день Владимир Ильич написал свое обращение «К незаможным селянам Украины» (т. е. к украинской бедноте):

«Товарищи! Царский генерал Врангель усиливает наступление на Украину и Россию. Поддержанный французскими капиталистами, он продвигается вперед, угрожая Донецкому бассейну и Екатеринославу. Опасность велика...»

Владимир Ильич призывал:

«Товарищи! Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля! ...Все на помощь Красной Армии! Смерть помещикам-угнетателям!...»

И в этот же самый день Владимир Ильич выступил с большой речью на съезде рабочих кожевенного производства. Речь была посвящена текущему моменту. Владимир Ильич подробно рассказал о летнем походе Красной Армии в панскую Польшу, о том, как французские империалисты поддерживали панскую Польшу и Красная Армия вынуждена была отступить. Ленин говорил в этой речи:

«Перед нами снова трудное положение и снова, еще раз попытка международных империалистов задушить Советскую республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля...»

И вот уже вечер. Все мы на Малой Дмитровке (теперь улица Чехова), в доме № 6. Это было здание, в котором тогда учились студенты Коммунистического университета им. Свердлова, а теперь там театр имени Ленинского комсомола.

Зал, где должен был работать съезд, находился на 2-м этаже. Но многие ребята, заняв стулья кепками, буденовками, папахами, картузами или просто бумажками, высыпали в коридор и на широкую

входную лестницу, чтобы дружно встретить Ильича, чтобы увидеть его как можно ближе, приветствовать его со всем пылом, со всей юношеской страстью горячо любящих сердец.

Но Ильич, скромный, простой, обыкновенный человек, тихо прошел вместе с Надеждой Константиновой и неожиданно для всех оказался на сцене. Он уже успел снять свою кепку и осеннее пальто с узеньким, черным бархатным воротничком и положил все это на стул с левой стороны стола президиума.

— Ильич здесь! Ленин здесь! В зале поднялся настоящий шквал. Неслись приветствия: «Да здравствует Ильич!»

Владимир Ильич поднимает руку, просит успокоиться.

Но овация разрастается с еще большей силой. Ленин, улыбаясь, вынул из кармана жилетки часы, показал на них, давая понять, что время очень дорого. Проходят еще минуты. Наконец водворилась тишина.

Владимир Ильич приблизился к краю сцены, вынул из пиджака узкие листки бумаги, положил их на кафедру, стоявшую сбоку от него, и, внимательно глядя в напряженные лица, негромко заговорил:

«Мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.»

В зале стало совсем тихо, а Ленин, как бы беседуя с нами и со всей молодежью страны, продолжал:

«И вот подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.»

Ленин произнес слово «учиться» с подчеркнутым ударением, как-то особенно твердо...

Услышав это, мы были потрясены от неожиданности. Ведь многие делегаты приехали прямо с фронта, другие — с заводов и фабрик, третьи — из деревень. Все они боролись с врагами, неустанно трудились, вдохновенно агитировали, самоотверженно отдавали все свои силы и чувства созданию нового мира. Все знали одно: надо разбить Врангеля так же, как разбили Колчака, Деникина, Юденича... Надо уничтожить мировую буржуазию, на всей земле раздуть пожар пролетарской революции. И вдруг Ленин, Ильич говорит — учиться, надо учиться.

Только спустя некоторое время все поняли, что Ильич, готовясь к встрече с молодежью, на III съезде проникновенно видел будущее.

«Старое разрушено, — говорил Ленин делегатам нашего съезда... оно представляет из себя груду развалин... Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество.»

Слова Ильича о том, что вся задача жизни молодого поколения — строить коммунистическое общество и что оно увидит это общество, произвели на делегатов глубочайшее впечатление.

Отсюда и вытекала главная задача, которую В. И. Ленин выдвинул перед молодежью: учиться

коммунизму, овладевая всеми знаниями, накопленными человечеством.

Зал уже давно замер, слушая Ильича. Ленин медленно ходил по сцене, говорил спокойно и негромко.

«Чтобы это вам пояснить, подходя в то же время к вопросу, как учиться, я возьму пример практический. Вы все знаете, что перед нами сейчас же вслед за задачами военными, задачами охраны республики, встает задача хозяйственная. Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только, когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение...»

Представьте себе делегатов, слушавших тогда Владимира Ильича. Это была молодежь, которая заполняя анкету в мандатной комиссии, на вопрос об образовании отвечала: «грамотный», «читать, писать умею», «прошел двухклассное училище», «кончил приходскую школу». Многие из нас впервые услышали тогда слово «электрификация». Мало кто из нас тогда мог знать, что, несмотря на тяжелейшую разруху, на военную обстановку, вопреки всем трудностям, Центральный Комитет нашей партии, руководимый В. И. Лениным, уже создал специальный орган для разработки плана электрификации под названием «ГОЭЛРО» во главе со старым большевиком инженером-энергетиком Глебом Максимилиановичем Кржижановским.

Владимир Ильич продолжал: «Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научиться этому все подрастающее трудящееся поколение».

Это говорилось в том самом 1920 году, когда в декабре, на VIII съезде Советов в здании Большого театра, для того, чтобы во время доклада тов. Кржижановского осветить десятками разноцветных лампочек карту электрификации Советской Республики, пришлось на время выключить свет во всех кабинетах Кремля. И наш III съезд заседал при тусклом «желтушном» свете, как это правильно отображено на известной картине бригады художников, возглавляемой Иогансоном, «Ленин на III съезде комсомола».

Что сказал бы сейчас Ильич, если бы узнал, что те поколения молодежи, которые он призывал «учиться», построили на берегу его родной реки Волги крупнейшую в мире Куйбышевскую гидроэлектростанцию. А разве не из молодежи, которую Владимир Ильич призывал познать тайны электричества, выдвинулись выдающиеся теперь ученые, конструкторы и прекрасные мастера, создавшие первую в мире атомную электростанцию, атомный ледокол имени В. И. Ленина, искусственные спутники Земли и Солнца?

Значительную часть речи Владимир Ильич посвящал вопросам коммунистической морали. И в заклю-

чение он снова вернулся к вопросу о том, как учиться. Он говорил, что знания сами по себе еще не делают человека коммунистом и строителем коммунистического общества. «Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой», — подчеркивал Владимир Ильич.

И Владимир Ильич говорил о том, что комсомольское племя должно заниматься и ликвидацией неграмотности, и работой на пригородных огородах, и организовывать в деревне или в своем квартале помощь в обеспечении чистоты или распределении пищи, и организовать учение молодежи на фабриках и заводах, и участвовать в субботниках, чтобы воспитывать «всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде».

«Союз коммунистической молодежи», — говорил Ильич, — должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин».

Речь Владимира Ильича на III съезде комсомола, прослушанная с глубочайшим вниманием, ни разу не перебивалась аплодисментами. Они были бы противостественны и невозможны так же, как, например, аплодисменты на увлекательной и задумчивой беседе, которую ведет учитель со своими учениками. И кончил речь Владимир Ильич как-то совершенно неожиданно и очень спокойно, без заключительного нажима, безо всяких громких призывов. Последние слова его были посвящены тому, что если комсомол будет каждый свой шаг рассматривать с точки зрения участия в коммунистическом строительстве и объединит полмиллиона своих членов в одну армию труда, он «возбудит общее уважение к себе».

Владимир Ильич, сказав эти слова, отошел от края подмостков и приблизился к левой стороне стола президиума, а в зале было все еще очень тихо. И только после небольшой паузы, когда Владимир Ильич уже успел чуть прикоснуться к ожидавшей его на столе огромнейшей куче записок, раздался гром аплодисментов и началась бурная благодарная овация.

Был объявлен перерыв. Но Владимир Ильич никуда не выходил. Художник Белоусов в картине, посвященной III съезду комсомола, хорошо изобразил этот момент, когда Владимир Ильич, сидя с левой стороны стола и знакомясь с записками делегатов, одновременно отвечал на устные вопросы окружавшей его молодежи. Многие делегаты ни на минуту не отходили от Владимира Ильича.

После перерыва Владимир Ильич сказал, что записок подано много. Большая часть из них посвящена международному и внутреннему положению. Второй доклад он делать уже не может.

Среди ответов Ильича особенно запомнились его слова о том, что он не видит разницы в том, как называть комсомол: «Союзом коммунистической молодежи» или «Коммунистическим союзом молодежи». Этим ответом Владимира Ильича были сведены на нет тогдашние долгие споры упорных дискутеров, о которых я говорил выше.

Провожаемый бурной горячей овацией, Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной покинул съезд.

Так в тот памятный незабываемый вечер был дан комсомолу бессмертный ленинский наказ, один из важнейших документов ленинизма, посвященный коммунистическому воспитанию молодежи.

Кто-то очень верно сказал, что кому хоть раз в жизни посчастливилось видеть и слышать Ленина, у того никогда не изгладится из памяти его яркий образ — настолько глубокое, неотразимое впечатление производил он на людей. Вместе с тем, когда я вспоминаю нашу комсомольскую встречу с Владимиром Ильичем в суровые дни 1920 года, меня буквально поражает величайшая прозорливость Ильича, который уже тогда видел, что мы, комсо-

мольцы, пятнадцатилетние ребята, будем победно строить коммунистическое общество и это общество обязательно увидим.

Владимир Ильич на III съезде комсомола говорил нам, что учение Маркса овладело миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса. Сейчас мы все знаем — счет пошел другой. Под великими знаменами Маркса—Энгельса — Ленина идут теперь сотни миллионов людей на земле. От десятков миллионов мы пришли к человеческому миллиарду! И все это в границах жизни одного поколения. Какая это великая победа жизнеутверждающего учения Маркса—Ленина!

Евг. БУРАВЛЕВ

МУЖЕСТВО

О мужестве много сказано слов —

Я видел его в лицо.

Его палачи привели к нам в село,

В железное взяв кольцо.

Его должны были сжечь на костре

На страх небольшому селению,

Еще в семнадцатом, на заре,

Нареченному именем «Ленин»...

На окнах домов, на церковном кресте

Метались блики костров.

Во всей первозданной своей красоте

Шло оно мимо дворов.

Как до предела выгнутый лук,

Тотовый метнуть стрелу,

С болью заломленных за спину рук

Шло оно по селу.

Рубашка, сорванная с плеча,

Русая прядь у виска,

Грудь, не знавшие молока,

Взрезанные штыком палача,

А в отрешенных его глазах,

Полыхающих, как смолье,

Были не слезы, не боль и не страх —

Вера в бессмертье свое.

И снег был в ту ночь удивительно ал,

Как струйки в углах сжатых губ,

И кто из нас мысленно не целовал

Следы босых ног на снегу...

Но вот оно вышло на красный круг,

Смерти переступая черту,

И первым желаньем развязанных рук

Было — прикрыть наготу.

И все, когда узел рассек за спиной

Нож палача, остер,

Увидели: девушкой самой земной

Мужество шло на костер,

Той, что осталась чиста и горда,

Слепой непокорная силе...

И нам, обреченным, казалось тогда,

Что это сама Россия:

Казалось, Россия пылала в костре,

Не вставшая на колени,

Россия, которую на заре,

Назвал свободною Ленин.

Мы придем к победе

Великим почином назвал В. И. Ленин первые коммунистические субботники. Он видел в них ростки нового коммунистического отношения к труду, к обязанностям перед обществом. И вот теперь в мощном соревновании за звание ударников, бригад и коллективов коммунистического труда мы видим осуществление ленинского предвидения: «Мы придем к победе коммунистического труда!»

Сотни тысяч трудящихся Кузбасса, участвуя в коммунистическом соревновании, куют эту победу. О них — разведчиках будущего, о их труде и жизни будут написаны книги, сложены песни. И нет более высокой и благородной задачи, чем эта, у литераторов и журналистов земли Кузнецкой.

НА СНИМКАХ:

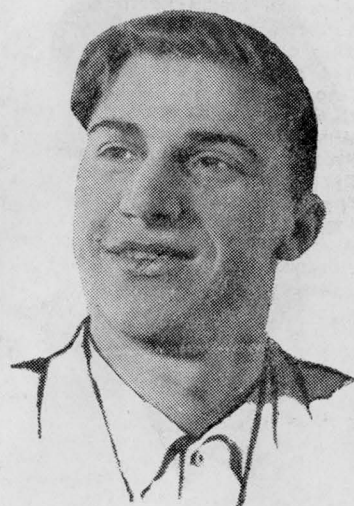
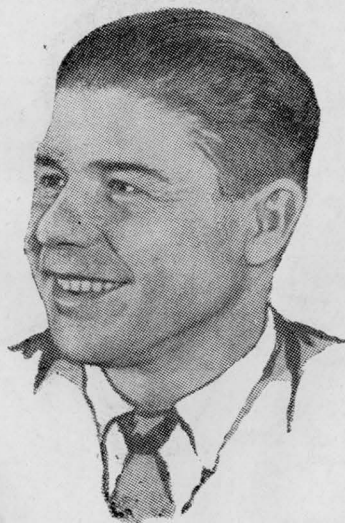
А. К. Петракова, Герой Социалистического Труда, машинист коксовыталькователя Кемеровского коксохимического завода.

Н. Минова, техник-строитель 5-го стройуправления треста «Кемеровоцентрострой». По комсомольской путевке приехала она на стройку Кемерова. Здесь овладела профессией штукатура, без отрыва от производства закончила строительный техникум.

Н. М. Селезнев, осмотрщик, автоматчик вагонов Беловского вагонного депо. Смена, в которой работает Н. Селезнев, резко сократила время обработки поездов.

А. В. Шуварилов, зачинатель коммунистического соревнования на шахте «Полысаевская-2», бригадир горнопроходческой бригады.

Н. П. Корнев, машинист электровоза Ленинск-Кузнецкой шахты имени Кирова. Комсомольско-молодежная смена, в которой он отлично работает, соревнуется за звание коллектива коммунистического труда.

КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА!

Внизу: А. И. Малофеева, птичница колхоза им. Чкалова Промышленновского района. Она добилась высокой продуктивности закрепленных за ней птиц и собирает свыше 170 яиц в год на каждую курицу.

Вл. Керн, звеньевой-кукурузовод колхоза «Родина» Промышленновского района. В 1959 году им получено по 1260 центнеров зеленой массы с каждого из 250 гектаров, занятых под кукурузу.

Сверху вниз: О. Ф. Щупаковская, свиновод Щегловского совхоза, награжденная орденом Ленина. Щупаковская — зачинатель соревнования за производство 1 центнера свинины за каждый час. Она одна ведет откорм 2000 свиней.

Г. П. Давыдова, доярка совхоза «Октябрьский», награжденная орденом Ленина, инициатор всекузбасского соревнования доярок за получение пуда молока в сутки от каждой коровы. Средний надой коров, закрепленных за Г. Давыдовой, достигает до 5000 литров молока в год.

М. Х. Титовец, доярка совхоза «Новостройка», лучший мастер механической дойки. Она одна ведет дойку 120 коров.

Фото П. Костюкова.

Утро ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ

Сталь варится сегодня

...На окраине утонули в снегу палатки. Ветер трепал драный брезент на стенах, срывал с крыш сухие белые дымки...

Теперь это стало уже историей. К палаткам приводят новичков и экскурсантов. Смотрите: так начиналось большое дело!

Здесь жили парни из Москвы и девушки из Рязани, горьковцы, новосибирцы — те, кто первым пришел сюда, чтобы своим дыханием отогреть еще один клочок Сибири.

Маленький брезентовый городок стал форпостом великой стройки, крепостью, откуда началось мирное покорение еще одного уголка земли Кузнецкой...

С этого началось. С палаток возле горы, с десятка каменщиков возле первого фундамента, с проселочных топких дорог. А сейчас вечерами над Антоновкой загорается зарево — первый признак большого города. Выстроились громадные корпуса цехов, появились десятки промышленных установок.

Недавно забилось сердце новостройки — дала пар центральная котельная производственной базы. В начале февраля вступила в строй первая очередь мощного бетонно-растворного завода.

Сделано много. Но неизмеримо больше дел впереди...

* * *

В первой пятилетке все механизированные земляные работы в стране составили три миллиона кубометров. Почти столько же грунта вынули в прошлом году экскаваторщики Антоновского строительного управления треста «Востокгидроспецстрой», а за все время строительства здесь предстоит вынуть 49 миллионов кубометров грунта.

Известно, что на строительстве Кузнецкого ком-

бината одной из самых распространенных была профессия грабарей. Их насчитывалось тогда около пяти тысяч.

— Ваше счастье, что в ваших руках такая техника! — сказал во время последней встречи с молодежью стройки теперь покойный академик Иван Павлович Бардин. — На Антоновской площадке вам бы понадобилось больше 15 тысяч грабарей!

Строителям ударной комсомольской нужно будет уложить два с половиной миллиона кубометров бетона и железобетона, проложить 600 километров подземных коммуникаций и 400 километров железнодорожных путей, смонтировать более 200 тысяч тонн металлоконструкций и 300 тысяч тонн оборудования.

Конечно, невозможно сделать все это без новейшей техники, без непрерывного прогресса строительной индустрии.

Уже сейчас десятки самых совершенных машин помогают людям создавать завод. Скоро на площадку придут шагающие экскаваторы, сорокатонные башенные краны, самые мощные в стране самосвалы.

Строителям предстоит решить много сложных технических проблем. При заливке пня первой домны, например, придется уложить более трех с половиной тысяч кубов бетона. Этот процесс должен быть непрерывным — его надо закончить за двое суток. На помощь придут мощные бетононасосы, каждый из которых будет подавать в гигантскую опалубку до 200 кубов бетона в час.

Впервые в мировой практике прокатные цехи длиной около 500 метров будут построены из сборного железобетона. Их «соберут» из двенадцатиметровых стальных и кровельных панелей.

Каким же будет этот гигант?

Трудно коротко рассказать об этом. Во всем — от большого до малого — последнее слово техники, современная инженерная мысль. Здесь будут самые мощные в мире домны, самые производительные мартеновские печи.

* * *

Западносибирский металлургический — важнейший пусковой объект семилетки: через два года кто-то из самых достойных вскрыет летку домны, и хлынет, сказочно искрясь, первый чугун новорожденного гиганта...

* * *

Пройдет еще немного времени, и из мартенов нового завода польется сталь высших сортов.

А пока на Антоновской площадке варится другая сталь — мужают люди. Многих выковала новостройка. Всех не перечесть, обо всем не расскажешь, но о некоторых хочется написать — о тех рядовых великой армии строителей, кто сегодня стал ее гвардейцами...

Про парня с нашей стройки

...По тайге бродила белохвостая поэмка. Ветер сшибал с елей гривы снега. Он стался белым туманом, слепил глаза. Солнце, будто остывший слиток стали, висело на одном месте. Свет его бросал на сугробы синеватые ломаные тени кедров.

Было жутковато, и Толька приостановился, дожидаясь попутчика — хотелось говорить.

— Ты море видел? — спросил он.

— Не, — равнодушно ответил попутчик, прикрывая полую плохонькой телогрейки накаленное холодом лицо. — Зачем оно мне, море твое?

— Дурак.

Дорога длинная. Шаг правой, шаг левой. Лыжи тяжеленные да еще салазки с барахлишком — самодельный сундук. В нем — роба да заскорузлые кирзовые сапоги. Мало вроде, а тоже тянет. И ветер в лицо. Сколько шагать вот так, не знает ни он, ни случайный попутчик, подозрительный парень. Спер, наверно, что-нибудь в леспромхозе и бежит теперь. И моря не видел...

А Толька видел море, когда работал в таганрогском порту помощником машиниста на кране. В кабине всегда пахло солнцем, солью и маслом. Внизу, словно усыпанное осколками стекла, сверкало, серебрилось Азовское море. К причалу, волоча за собой космы дыма, приползали баржи, похожие на усталых черепах, или залатанные пароходишки.

Кран скрипел и раскачивался, напрягая стальные жилы.

— Вира! Майна!

В обед все в порту замирало. Толька бежал купаться. Садился на горячий камень, черный и блестящий, как спина откормленного вола, и смотрел на волны. Они катились к берегу одна за другой, размеренно и бесконечно, сперва горбатые и крутые, потом острые, как лезвие ножа. И откатывались, позванивая камушками, оставляя пенный след.

Хорошо было там! Но когда молод, не существует насиженных мест, не пугают большие расстояния. Через год Толька Пилявский уже работал в Терсинском леспромхозе, что в Кемеровской области.

АНАТОЛИЙ ПИЛЯВСКИЙ

Валили лес на участке Отрадном. Сперва нравилось.

Выходили из барака рано, в крошечной тьме, и возвращались в сумерки. Весь зимний день в тайге. Одно за другим десятками падали, ухая, деревья, поднимались облака снега, и в них на минуту-другую вспыхивали радуги. Воздух звонкий и чистый — дышать сладко. И здесь хорошо! Но ведь мир велик, его надо посмотреть своими глазами, чтобы было потом о чем вспомнить, рассказать людям.

Толк Пилявский имел бурное объяснение в отделе кадров:

— Не стану больше работать здесь! Скучота.

— Ты скажи лучше — слаб.

— Не слаб! С семнадцати лет вкалываю. Грамоты имею. Не дадите документы?

— Нет.

— Все равно уйду!

Над ним посмеялись: через тайгу и бывалому пробраться не так-то легко да и куда он без бумаж-то! Но Толька все равно ушел, выклянчив у знакомого охотника дряхлые лыжи. Парень этот в последний момент подвернулся. Вдвоем все веселее...

...Поэмка все метет и метет, и солнце висит на одном месте, словно привязанное. Молчать Толька не умеет.

— Ты почему бежишь? Украл?
 — Вроде этого...
 — Куда идешь?
 — Не знаю...
 — А я — на Антоновскую. Говорят, завод строить начали. Народу — тьма. Может, кран дадут.
 — За длинными рублями гоняешься?
 — Дорогу свою ищу.
 — Летунам везде почету мало.
 — Какой я летун! Мне бы где интересней, веселей, где ребята, а не бородачи.

Так появился два года назад на Антоновской площадке Анатолий Пилявский.

И вот утром стоит Толька перед заведующей отделом кадров и рассказывает все, как на духу, одну правду.

Родился в Донбассе. Город там есть такой — Амвросиевка. Ремесленное окончил. Работал в Ростове, Таганроге, Цхалтубе, потом завербовался в леспромхоз — Сибирь посмотреть захотелось.

Заведующая молчала, недоверчиво покачивала головой.

— Да не летун я никакой, не колобок, который от дедушки и от бабушки ушел! — Он выложил на стол смятые грамоты — за хорошую работу. Смотрите!

Договорились в конце концов так: его примут на работу, примут крановщиком, а весной, когда наладится дорога, он поедет в леспромхоз за документами.

* * *

— Кто опять отличился? — вздохнув, спрашивал у мастера начальник пятого строительного управления Абрам Михайлович Нухман.

— Пилявский, — кто больше!

— Беда, крановщиков нет, а то бы гнал в три шеи. Говоришь ему, говоришь — все как об стенку горох. Расхлябанный парнишка...

...Толька с каменщиками сошелся быстро. Сыпал сверху беззлобными шутками, скаля в веселой улыбке беззубый рот.

— Поспевай, братва! Не к теще на блины приехали — завод строить.

Особенно доставалось Светлане Горовой.

— Кума! — кричал Пилявский, — сколько кирпичей за смену бухнула? Десяток есть?

Светка сердилась:

— Неумно.

— Государство на вас деньги зря расходует, — не унимался беззубый крановщик, — что толку от девки! Другим мешать — и то не умеешь как следует.

Светка чуть ли не в слезы, оттого что не знала, как поставить на место человека, для которого, кажется, нет ничего святого. Совестила: на комсомольскую стройку приехал, комсомолец — и хулиган!

— Мы здесь временные, — неизменно отвечал Пилявский.

Раз (это было в ночную смену, когда бригада простаивала — не привезли материал) Светка забралась к Пилявскому в кабину.

— Боюсь, думаешь?

— Здесь — ерунда. Ты на конец стрелы полезь.

— И полезу! — в неестественно округлившись голубых глазах маленькой каменщицы крановщик разгадал вызов.

— Валий!

Светка шла по стреле. Бригадир носился по лесам и кому-то гневно грозил. Он не понимал и не хотел понимать, что наверху идет спор принципиальный и что нашла коса на камень. Девчонка словно оглохла — не обращала внимания на суету и ругань. Пристроилась в люльке на конце стрелы и стала болтать ногами.

Этого Толька вытерпеть уже не мог. Стрела дрогнула. Двинулась. Быстрой, быстрой. Людей внизу на мгновение ослепили прожекторы. Они выхватили из темноты кусок пустыря за домом. Стало тихо. Так тихо, что услышали на недостроенном доме паровозный гудок с дальней станции.

Потом бледная Светка стояла рядом с Пилявским.

— Ну как? — хрипло, без особого торжества, спросил крановщик.

— Ни чуточки не страшно, — заикаясь ответила каменщица.

— Один — ноль в нашу пользу! — закричали с лесов.

На другой день шутили каменщики. Пилявский огрызнулся вяло: за вчерашний трюк его лишили прогрессивки.

...Много разных историй ходило и ходит о молодом крановщике первого строительного управления.

О том, например, рассказывают, как он пообещал накрыть трехтонной плитой стакан, не раздавив его. Высокая точность! Класс! Вполне, мол, можно. Ведь есть же кузнецы, которые закрывают молотом крышку часов, а кран тоже машина точная.

В общежитии у ребят все стаканы поотбирал и в столовой многих не досчитались. Зато теперь подкраном часто собирались любопытные.

— Учись, плотва! — кричал Толька. — И блок «деликатно» прикрывал стакан, легко отрывался и полз вверх.

— Как в аптеке! — восторгались приятели.

— То-то же.

Если бы из одних шуток складывалась жизнь! Случались вещи и посерьезней. Тольку вечерами не раз и не два приводили пьяного в комсомольский штаб. Стыдили, уговаривали: с подозрительной компанией связался, вниз катишься, по наклонной плоскости, нянчиться с ним больше не будут — другие меры есть. Это в общем-то мало помогало. Пилявский считал себя на стройке человеком временным, а раз так, то кто укажет — смотает удочки и точка: ищи ветра в поле.

...В ту зиму о нем услышали еще раз.

Декабрь позапрошлого года выдался ветреный и снежный. Строили жилой дом в первом квартале. Как-то в конце смены Пилявский подал на крышу последний груз. Все. Теперь монтировать снова. Долгая история. «Две недели из жизни вон» называют эту процедуру крановщики. Спустился вниз. Закурил.

Пришел напарник — Венка Кузьмин. Сел рядышком. Помолчал. Больше, кажется, делать нечего. Слушали, как бьется, бушует на улицах сизая метель.

— Опять волынка?

— Опять... — оба посмотрели на фундамент метрах в ста, где торчали из-под снега доски, арматура. — Туда теперь?

— Туда...

Появился старший крановщик Иван Тарасович Матюшин. Тоже сказал:

— Опять волынка...

— Можно и покороче, наверно, — неуверенно начал Венка. И все трое подумали вдруг об одном и том же. Иван Тарасович засуетился.

— Я мигом! — и убежал куда-то, придерживая от ветра шапку.

Через час примерно зарокотал где-то совсем рядом бульдозер. Он появился из-за угла, остановился возле крана. Из кабины выскочил Иван Тарасович и стал размахивать руками, что-то объясняя бульдозеристу. Машина с опущенным ножом направилась к фундаменту, оставляя сзади грязную ленту скобленной земли.

— Трудно, слушай! — крикнул Толька. — Там же горка как раз. Выключат ток — хана.

— Колени затряслись, — презрительно сплюнул Венка. — Я поведу кран.

— Я тебе поведу! Сам!

Бульдозер кое-как расчистил дорогу. Тогда Иван Тарасович дал команду:

— Начнем, ребята.

Раскрепили путь, и кран положил впереди пролет. Громадина клюнула носом, закачалась, пошла медленно-медленно. Толька крепко закусил папиросу, на лбу мгновенно выступил пот, но вытирать его было некогда.

Внизу суетились товарищи.

— Стоп!

— Вперед!

Кран сам шел на новое место работы к фундаменту. Шел медленно. Каждый метр — целая жизнь, каждый метр сбрасывал с плеч огромную тяжесть. Вспомнил Толька, как советовал ему в Таганроге старый крановщик: «Видишь дело плохо, в будке не оставайся — живому не быть...»

Бросить бы все — и вниз. Будто кто тянул за нити.

Если ток выключат (его выключали в поселке почти каждый вечер) — тогда все: покатится машина назад, запнется колесами о землю и ...

— Вперед!

Думать некогда, некогда даже выплюнуть изжеванную папиросу. Венка внизу чем-то недоволен — дергается, как игрушечный, и кричит, задрал голову. Ветер глушит слова, но Толька понял: клянет его за что-то напарник. Загудела лестница. Ближе, ближе. В люке — лицо Венки. Брови дугами, глаза навывкат.

— Вылазь, хохол! — орет Венка.

— Цыц! — Пилявский занес огромный заплатанный валенок над венкиной головой. — К-ы-к дам — крутанешь сальто отсюда. На место!

Напарник ворчит, но уступает.

— Дурак! — кинул Толька в него окурком. — Пацан же у тебя, женатик несчастный...

Впереди — ковет. Как быть? Выдержит ли пролет? Выдержал, только кран качало, как на рессорах.

Последние метры машину вел Венка. Пилявский не мог — падал от усталости.

...Где-то за серой пеленой пожаращем заалел расцвет. Неохотно уходила темень.

— Все! — сказал Иван Тарасович и расслабленно сел на рельс. Снял шапку. Над его спутанными волосами клубился парок.

— У смерти гроши воровали, хлопцы... И попадет же нам от начальства!

— За что?

— За самовольство.

На это Вениамин рассудительно заметил:

— Каменщики и так почти две недели стояли — нас ждут, кирпичи на горбу таскали. В глаза смотреть стыдно людям. Может, от них спасибо заработали.

...Начальник управления Абрам Михайлович Нухман не верил: ходил вокруг крана, хмыкал, морщил лоб, потом улыбнулся.

— А что, это и есть герои!

Так прошел Толька на стройке первое большое испытание. Понял после этого, что значит настоящее уважение. С ним теперь, казалось, и здороваются как-то по-особенному, улыбаются теплой.

И может, с этого дня, может, чуть позже исчезло навсегда из его лексикона это «мы здесь ненадолго». Еще один случай помог.

Вечером как-то в клуб ломился огромный детина — пьяный и потому смелый.

— Открой! — орал он. — Дверь выломаю — задавлю щенков!

Дверь и на самом деле прогибалась будто слон давил с улицы. Дружинники переглядывались растерянно — треснет такой раз — и фамилию забудешь, кулачищи у малого с электрические чайники.

— Погодите-ка секунду, — решил Толька.

Встретились лицом к лицу. Пьяный ухватил Тольку за грудки, тряхнул, так, что затрещала фуфайка.

— Чего прешь, салажонок?

— Дурак. Не успел приехать — двери ломать. Мы строили. Вот, руками этими, — крановщик поднял к самому носу богатыря просмоленные ладони. Клуб маленький, строителей всех не вмещает, а для шантрапы и вовсе места нет. Заработай! Ясно, или доказательства требуются? — Анатолий озорно оглянулся на товарищей.

Но до парня дошло — и он медленно повернулся, сгорбил и ушел прочь.

А через неделю Анатолий домой написал, наконец, определено: «Не жди мамо, не приеду скоро. Ты лучше, мамо, в гости приезжай...»

Кто скажет, где та грань, перешагнув которую стал крановщик смотреть на мир по-новому? Многие помогли ему в этом — комсорг стройки Владислав Карижский, лейтенант милиции комсомолец Павел Луценко, каменщица Светлана Горовая, начальник управления Абрам Михайлович Нухман. Их много, вся стройка.

В конце мая позапрошлого года приехал на стройку 10-й класс «А» 47-й школы, что в Куйбышевском районе Сталинска. Сперва посмотреть решили, а после, через месяц, явились навсегда — строить, жить, учиться. Интересовались кто чем, но Александра Ермоленко хотела обязательно видеть, как работают крановщики. Забралась в кабину Анатолия.

— Покажи.

— Покажу, курносая!

Разве они знали в ту минуту, в тот час, что к ним так неожиданно придет настоящая любовь? А может, знали?

* * *

Мы с Толькой приятели. Видим его в поселке часто, о жизни говорим. Она несется, жизнь, не останавливается, спешит. Дни заполнены до отказа: работа, собрания комсомольские, дружина.

А недавно мы видели, как он писал на чистом листке, писал старательно и аккуратно: «Прошу принять меня кандидатом в члены КПСС, так как я

хочу быть в первой шеренге. В такое время, когда советский народ запускает ракеты и строит коммунизм, в стороне оставаться не могу.

Правильно, Толик, в стороне оставаться нам нельзя...

* * *

...Полтора года назад в тепловозоремонтном цехе Москва-Сортировочная зажглась искра нового замечательного движения — соревнования за право называться коллективами коммунистического труда.

Кузбасс от Москвы далеко, но через тысячи километров весть о начинании железнодорожников доносилась молнией. Вы знаете теперь, как откликнулся Кузбасс на это веяние новейшей человеческой истории.

Сказали свое слово и строители Западно-Сибирского — больше десятка коллективов на Антоновской площадке стали соревноваться за это высокое звание.

Так пришла вера

Худой парень в дырявой майке сидит на краю котлована и лениво бросает куски глины на дно, в зеленоватую воду.

— Бесплезное дело, говоришь? — переспросил его коренастый человек, стоявший на бровке котлована.

— Конечно! — обернулся парень. — Тут у нас так: хошь работай, хошь сиди — все одно. В конце месяца по тарифу двадцать один двадцать в зубы — и будь здоров!

— А если попробовать по-другому, так, чтоб кости трещали?

Парень отмахнулся.

— Старая пластинка... Уже играли.

— Ну и как? — не унимался коренастый.

— А вы кто, собственно?

Коренастый присел на корточки:

— Ваш новый бригадир.

Парень присвистнул и, не оборачиваясь, сказал:

— Скоро убежите...

— Это мы еще смотреть будем...

— Не вы первый, не вы последний...

...Работа в бригаде по-прежнему не клеилась, и этот разговор Грушко вспоминал теперь каждый день. И всегда думал одно и тоже: «Неужели прав паренек?»

На первом собрании сказал бетонщикам:

— Плохо дело, хуже некуда. Как дальше быть-то? Работать станем или камушки в воду бросать? Смотрите, хлопцы, сами. А если решим работать, — закон! Объяснять нечего, решайте.

Решили. А дело по-прежнему в руках расплзлось. Говорит бригадир с бетонщиками. Ругается, убеждает, но в глазах почти у всех сомнение: знаем, мол, чего там. Ты-то здесь без году неделя, а мы уж хлебнули всякого...

Поэтому и думает вечерами бригадир о своем первом разговоре у котлована: может, и в самом деле уйти, пока не поздно? Не он первый, не он последний... Почти каждый день зовут его на ста-

рую работу. Место, как говорится, насиженное — стаж десятилетний... Вот и вернуться бы, пока звать-то не перестали...

Но тут же и другое: никто ведь не тянул насильно в самую захудалую бригаду — сам напросился. Взяла тогда верх уверенность, что любой коллектив, если его расшевелить, горы своротит может. А теперь — на попятную? Наобещал, значит, молочные реки с кисельными берегами — и в кусты. Не годится! Люди, может, ничего и не скажут, но сам себе не простишь, Федор Грушко!

В конце июля закрыли наряды. Оказалось: план выполнили на полтора процента.

— Случай! — поговаривали в бригаде. — Раз на раз не приходится...

И все-таки народ повеселел.

Федор Федорович опять собрал бригаду. Снова пошел разговор о делах, покрепче первого, посерьезней. Доказывал: можно хорошо работать. Надо только взяться, надо в силы свои поверить. Если дисциплина была настоящая, три нормы давать можно. Вполне. Значит — дисциплина. Отсюда и плясать.

Бригадир понимал: следующий месяц будет решающим. Удастся поднять народ — дальше пойдет легче, размахистее. А если не удастся?..

Чтобы этого не случилось, сам был там, где трудней всего, показывал, как нужно, как лучше.

Присматривался к людям. Когда немного пообщался, организовал звенья. Звеньевыми стали Николай Нестеров, Игнат Пинигин, Григорий Костин — люди самые опытные.

Доверил им — и не ошибся: стали ему настоящими помощниками.

Помогло и другое — каждый день в обеденный перерыв устраивали короткие совещания — «утра-сали», обсуждали срывы, наждачком протирали тех, кто «косопали».

Участок достался бетонщикам трудный — работали на фундаментах ТЭЦ. Котлован глубокий, вода стоит высоко; грязь, ил по пояс. Но с этим уже не считались.

В августе надо было залить опалубку под фундамент большого трансформатора.

С вечера прошел дождь. Утром стлался над землей легкий пар. Воды в котловане заметно прибавилось.

Быстро установили опалубку, вычерпали из нее ил. Непрерывно подходили к железному желобу самосвалы с бетоном — только успевай!

И они успевали, да так, что некогда лишний раз закурить.

Бригадир был вместе со всеми и только иногда отрывался, хитро прищурившись, смотрел, как справляются бетонщики. «Умеют ведь работать, черти!»

Вечером к котловану подошла нормировщица. Что-то записала в блокноте, крикнула:

— Эй, герои! Хватит рекорды ставить. Знаете, сколько у вас?

Подняли головы.

— Триста тридцать три!

В котловане загудели.

— Ну, что скажете, хлопцы? — улыбнулся Грушко.

И все-таки снова нашлись скептики.

— Не загадывайте, Федор Федорович! Посмотрим, как платить будут! У них там своя бухгалтерия...

Однако бухгалтерия не подвела. Заработали они по сорок рублей в день — в два раза больше

обычного. И стало ясно: все зависело от них самих.

Грушко снова думал. Разве это предел для бригады? Надо, чтобы не ускокаивались люди, не сдали позиций... Посоветовался со звеньевыми, с бетонщиками поговорил.

Сам понимал, что и рановато, может, за такое дело браться, но решил вынести вопрос на обсуждение: что скажут? Именно теперь надо увлечь товарищей на большое дело.

Остались как-то после работы. Сидели недалеко от котлована, говорили кто о чем. Тогда и предложил бригадир.

— А что, хлопцы, если вступить нам в борьбу за звание, а? Коммунистической? Работать мы, кажется, умеем, а что касается быта, добрых отношений друг к другу — за это и будем драться.

Начинать было трудновато. То одно, то другое. Особенно женщины подводили. И немного их — всего три, а нет-нет да и вспыхнет ссора. Накричат друг на друга, надуются. Парни посмеиваются.

— Тещами быть, а не бетонщиками!

И опять серьезный разговор. Сначала мужчины одни потолковали, потом Грушко с женщинами отдельно поговорил.

Те заявили:

— Не хотим с Сидоровой работать! Ее вон отовсюду повыгоняли, а мы что?

Нахмурился.

— А что легче: выгнать или человека из нее сделать?

— Какой там из нее человек!..

Отослал Грушко Сидорову в склад по делам, а всех остальных собрал, чтобы о Сидоровой Юльке поговорить — заполошной девчонке из Москвы, которая не нашла пока в жизни своего пути.

И другие вступились за Сидорову: помочь человеку надо.

— В общем так, — подытожил Грушко. — Тяжелой работой не загружать, по мелочам не придирайтесь. Требовать, конечно, построже, но и справедливым быть надо... Если что случится — не скандалить: будем разбираться вместе...

А когда Юлька вернулась со склада, бригадир попробовал поговорить с ней по душам.

Кажется, поняла. Даже курить пообещала бросить. Но через несколько дней опять заметили: курит, спряталась за фундамент и — дым в кулак.

В обеденный перерыв сидели в тепляке, Федор Федорович спросил:

— Все собрались?

И, отвечая на вопросительные взгляды, сказал:

— Вопрос тут у нас есть один. Расскажи-ка нам, Юля, как твои дела...

Поняла сразу Юлька, в чем дело, покраснела.

— Что, неправда разве? — спросил Федор Федорович.

Отрицательно качнула головой.

— А я тебе верил, — вздохнул бригадир.

Девчонка еще ниже опустила голову, потом сунула вдруг руку за пазуху и рывком опустила на стол. На гладко отструганных досках осталась лежать пачка «Беломора», спички.

— Насовсем? — спросил Федор Федорович.

Юлька подняла глаза:

— Честное слово!

Прошло недели две, и все поняли: не зря повели Юльке. Работать стала лучше, и курить на самом деле бросила.

...Не успели еще забыть случая с папиросами,

как снова в бригаде случилось «ЧП». На этот раз в звене у Игната Пинигина.

Три дня не выходил на работу Василий Головин. Потом появился, и сразу с заявлением к начальнику: рассчитывайте! Тот на уголке бумажки написал: «На усмотрение бригадира».

Грушко — к начальнику.

— Смотри сам, — сказал ему тот. — Ты хозяин...

— А куда он пойдет-то! В те же ворота, откуда вышел?

Василию двадцать один. Ошибся в свои семнадцать лет, и тяжело пришлось расплачиваться. Знал это Грушко. Знал и другое: оставь сейчас парня без присмотра — опять с пути собьется.

— Ладно, — сказал. — Сами решим...

Подошел на участке к Головину.

— Ну, что у тебя, Василь? Может, бригада не нравится?

— Бри-га-да!.. — протянул тот. — Я голодный уже три дня — вот что!

— Только что тыщу двести получил, как и все! — удивился Грушко.

— Получил... — угрюмо буркнул Головин.

— Ну, пойдем в тепляк, расскажешь...

...Почти весь день пролежал Василий на деревянной скамейке в тепляке — отдыхал. Накормили его, дали взаймы денег.

Посоветовал ему Грушко в бригаде остаться и ушел. Напоследок сказал:

— Ты уже мужик самостоятельный... Сам путь выбирай... А дружка твоего выселить потребую из вашей комнаты, если еще к тебе с выпивкой приставать будет...

В конце месяца подошел Василий к Грушко, загнул на руке краешек рукава.

— Вот, видите...

— Часы купил? — улыбнулся бригадир. — Хорошо!..

— Вам спасибо, Федор Федорович!

— А мне-то за что? На свои деньги купил, не на мои...

— Это само собой, — тихо произнес Василий. Только сказать хотел... Никуда я больше из бригады не уйду. Вот какая просьба.

— Правильная просьба, — взял его за рукав бригадир. — Чего по свету мыкаться? Ищи, Василь, тут свое счастье. Найдешь!

Вдруг спохватился:

— Да! Щиты-то ты свои доделал?

— Доделал, Федор Федорович!..

— Ну, вот тебе еще боевое задание...

Когда Головин отошел, Игнат Пинигин кивнул ему вслед, сказал:

— Плотник из парня хороший выйдет!..

Грушко хитровато улыбнулся:

— В том-то и табак, Игнат. Топор у парня в руках словно птица летает.

Дела в бригаде шли в гору, но Грушко смотрел дальше. Однажды летом, когда шли с прорабом к управлению, сказал ему:

— Сорвемся скоро, Александр Степанович!

— Твоя-то бригада?

— Что бригада, зима на носу, а бетон прогревать нечем.

— Да ну тебя, — отмахнулся прораб, — напугал человека, я-то думал на самом деле что-нибудь такое...

Зря отмахнулся. Выпал снег, начались морозы. Бетонщики стали.

Появился прораб.

— Вот она, петля-то! — кивнул на котлован Грушко. — Что будем делать дальше, прораб?

Бригада занялась опалубкой, щитами. Сам Грушко пропадал в управлении, в тресте — «пробивал» котельную. Обойтись без нее стало невозможно. Могли снабжать бригаду соленым бетоном, но укладывать его в фундаменты по техническим условиям было нельзя.

Разыскал как-то Грушко главного механика ТЭЦ, предложил:

— Пока там суд да дело, Иван Петрович, возьмемся-ка за котельную сами... Сколько надо моих бетонщиков — бери, только выручи. Стоят ведь хлопцы — смотреть больно...

— Да что они могут, — усмехнулся механик. — Гиблое дело предлагаешь. Работа ведь совсем другая — вам не под силу.

В бригаду Грушко пришел хмурый. А там вдруг стали подбадривать его:

— Ничего, Федор Федорович, не переживайте. Сто пятьдесят процентов все равно наши будут. Если дней за шесть до конца месяца котельная пойдет — свое все равно возьмем.

В управлении треста решили поручить монтаж котла на ТЭЦ управлению механизации. В понедельник пришли в котельную монтажники. Сели, принялись курить.

Зашел к ним механик Иван Петрович Шамко. Сидят. Второй раз забежал — та же картина. В третий раз не вытерпел:

— Вы, ребята, когда-нибудь с котлами дело имели?

— Нет, — ответили, — никогда.

— А как же работать будете?

— Да вот сидим, не знаем, с чего начать...

Постоял Шамко, тоже покурив, потом твердо сказал:

— Знаете, что, ребята? Шли бы вы лучше отдыхать. Сами, пожалуй, справимся...

В котельную пришли слесари из отдела главного механика. Пришли бетонщики из бригады Грушко. Вокруг котла закипела работа.

Не хватало деталей. Не хватало и умения, взялись ведь все-таки не за свое дело. Зато было другое — энтузиазм. По две-три смены не уходили из котельной слесарь Александр Грушин, газосварщик Владимир Бутов. Локоть о локоть с ними работали бетонщики Анатолий Волков, Николай Шапошников, Василий Головин.

Федор Федорович взял на себя роль снабженца. Мотался по управлениям. Побывал на своей старой работе, достал дефицитные шланги.

Наконец, обвязка была закончена. Оставалось только поставить трубу. Краном положили ее на крышу, прикрепили к котлу. За другой конец зацепили трос, и от котельной медленно начал отходить трактор. Сантиметр за сантиметром поднималась труба. А наутро из нее пошел дымок. Он то низко висел над котельной — пушистый, как лисий хвост, то ровно поднимался вверх.

С надеждой смотрели на него бетонщики. А еще через два дня бригада Грушко приступила к работе.

После обеда привезли бетон. Посмотрел Федор Федорович на своих хлопцев, спросил пылливо:

— Ну, как? Будут наши сто пятьдесят?..

И по тому, как дружно взялись за работу бетонщики, понял — будут.

* * *

Гремела и гремит на стройке бригада Грушко. Но появились у нее недавно соперники — солдаты из бригады Келина.

И стройка стала сильнее, намного сильнее!

Все это было обычно и необычно. Обычно в каком смысле: на перроне стоял оркестр, поблескивал трубами. Трибуну заменил грузовик, обитый лозунгами. Ораторы заглядывали в бумажки, боясь забыть, потерять в суматохе самые хорошие слова... Стройка встречала солдат.

Как их ждали!

Девушки снимали со стен своих комнат картины, безжалостно стаскивали коврики, скатерти и несли их в новый дом, приготовленный для солдат. Ребята разносили по этажам кровати. Постройком послал в город нарочного с категорическим приказом:

— Достать цветы! Самые лучшие достать!

На дворе осень, звонкая и холодная. По утрам изморозь пепелила тротуары и ветер нес откуда-то запахи зимы. Но цветы были — самые лучшие.

Три тысячи демобилизованных приехало на Антоновку — три тысячи горячих сердец, шесть тысяч сильных рук!

И стройка стала сильнее, намного сильнее!

...На столе с белой скатертью стояла аккуратная латунная пепельница. Сели вокруг стола.

— Ну, приехали... Здравствуй, Антоновская площадка!

— Закурим?..

Закурили штатский «Беломор», оглядели комнату.

— Слой на стене слишком толстый, — прищурился Михаил Лаухин.

— Угол не затерли, — поддержал Виктор Дрямов.

— Говорят, спешили они очень эти дома строить — нас ожидали... Спешили вот, а сделали будто неплохо...

Снова посмотрели ребята на стены, покурив.

И Михаил за всех решил:

— Хорошо все-таки сделали...

Никто не возражал.

Им предложили идти на ТЭЦ. Работу пообещали по специальности, но предупредили: очень может быть, что в скором времени придется им переквалифицироваться на бетонщиков...

Сначала в бригаде было восемь человек. Семь из них однопольчане, в одном взводе служили. Бригадиром своим избрали Михаила Лаухина.

Дали им для начала отштукатурить маслосклад. — Вспомним, ребята, — решил Михаил. — Нажмем!..

— А чего теперь жать? Внеочередного отпуска домой все равно не заработаешь.

— Отпуска-то не заработаешь, но ты другое не забывай: старшина тебя здесь на довольствие не поставит. Что, так сказать, посеешь, то и пожнешь!..

Работать умели. Но ведь одно дело уметь, когда все под руками, а другое...

Бригадир целыми днями «сидел на инструменте», делал терки и полутерки. Не ждали, пока придут плотники и установят леса, — сами брались за дело. А тут еще раствор донимал. Его, собственно, не было, штукатурили бетоном.

Первый месяц план свой солдатская бригада выполнила на 140 процентов...

Скоро для штукатуров работы не стало, и им предложили перейти на бетон. Опыта у них в этом деле было маловато, и все обрадовались, когда пришел новый бригадир — Ефим Петрович Келин, старый строитель.

Работа была у них теперь та же, что и у бетонщиков Грушко. Присматривались ребята к передовой бригаде, и с первых же дней каждый про себя решил: надо постараться обогнать. В середнячках ходить не привыкли — научила служба.

Однако это оказалось не таким простым делом. У Грушко дисциплина, опыт. Каждый на своем месте. Иногда казалось, что трудно лучше организовать работу, чем у него.

Всему этому они могли противопоставить одно: волю, солдатское упорство.

Работали изо всех сил, а в тепляке, во время отдыха, только и было разговоров, что о бригаде Грушко, о том, как лучше наладить свои дела.

Как-то в тепляке Келин сказал ребятам:

— Дают нам компрессор на два дня: верхушки у свай сбить. Боюсь, не уложимся — дня четыре надо бы, и то мало будет!..

После обеда пришел компрессор. За молотки взялись Долгаль и Лаухин. Посмотрел Келин — ловко работают!

А те рады. Оба до армии работали на шахте, решили сейчас тряхнуть стариной. Дрожали в руках молотки, и кусок за куском рушились сваи.

За полчаса до окончания работы сказали бригадир:

— В буфет сходим, Петрович...

— Чего это? — удивился тот. — Домой ведь сейчас поедем...

— Компрессорщик говорит, что он и во вторую может остаться...

Бригада уехала домой. Над котлованом опустился морозный вечер. Посидели ребята с компрессорщиком, покуривали. Подошли к молоткам, надели очки. Однако работать теперь в очках было невозможно. Темно, ничего не видно.

Мороз жег щеки, острые крохи больно били по лицу. Остановившись на минуту, и чувствуешь, как за спину забирается предательский холодок. Руки наливались свинцом — работали все-таки вторую смену...

Решили передохнуть. Поеживались, разминали руки, постукивали ногой об ногу, чтобы согреться... Мишка кивнул на соседний котлован.

— Гремят мужики на стройке!..

Витька потер щеки, хрипло ответил:

— Обставим!

Когда кончили работать, сонный шофер корбочки, позевывая, сказал:

— Подождите маленько... Сейчас двух грушковских до Антоновки доброшу — потом вас...

Мишка устало улыбнулся:

— Тоже не спят мужики...

В кабине ехали на стройку.

— Почет какой, — подмигнул шофер, — одних вас везу...

...В конце месяца было чему радоваться — Грушко остался позади. Обошли на пять процентов. Казалось, немного, но что они значили для солдатской бригады!

Цена им была велика...

И в декабре первенство тоже осталось за келинцами.

— Вполне баскетбольный счет, — шутили ребята — 181:175 в нашу пользу!..

* * *

...Возле тепляков лежат горы снега. Около них, как в котловане, кружит метель. Рядом с небольшой обжитой площадкой покорно гнется под вьюгой голый тальник. За ним, за поземкой — черная стрела экскаватора...

Маленький форпост бетонщиков на промышленной площадке завода — фундаментные работы на распределительном устройстве ТЭЦ закончены.

Снова рядом бригады Келина и Грушко первыми обживают пустырь. С трудом приходят сюда машины, доставляют материалы, привозят лес трактора.

Работать тяжело. Поднимается вьюга, и в двух шагах ничего не видно. Грушковцы подвесили к стропилам тепляка двутавровую балку. Когда бушует метель, в нее стучат, чтобы строители не заплутались в снегу.

...Повернувшись спиной к ветру, стоят два бригадира. Высокий Грушко в синей телогрейке, приземистый скуластый Келин. Советуются. Их соревнование — взаимопомощь. Вместе им обживать голое место, трудиться локот к локтю. Обе их бригады борются теперь за высокое звание коммунистических.

...Утро выдалось ясным. Только над далекими холмами за Томью полосами лежал пепельно-сизый туман.

Рядом послышался шум мотора, и бетонщики подняли головы. Ефим Петрович махнул ребятам:

— Везут!..

Самосвал подался к траншее. Шофер Вера Иноземцева стала на подножку.

— Можно?

— Давай! — крикнули из ямы.

Медленно поднимается кузов, и, мягко шурша, посыпался в траншею бетон...

Первый бетон на промышленной площадке самого завода!..

Принимать его выпала честь бетонщикам бригады Ефима Петровича Келина, однополчанам из Москвы.

Первая машина бетона — всего два куба, но как это много значит! Много до этого было пройдено дорог, еще больше предстоит пройти. Но это — новая веха, начало еще одного рубежа — одного из самых значительных.

Пройдет немного времени, и здесь раскинется первый цех завода — цех металлоконструкций...

Успеха вам на новом рубеже, бетонщики!

Успеха вам, однополчане!

Виктор БАЯНОВ родился в 1934 г. в дер. Дедюево Кемеровского района. В 1951 г. окончил железнодорожное училище. Работал слесарем по ремонту паровозов, затем помощником машиниста. Первые стихи были опубликованы в армейской газете в 1955 г. Затем печатался в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». В сборнике «Молодые голоса» (Кемерово, 1959) опубликована поэма В. Баянова «Трудная весна».

Я ЗНАЮ, КАК СТИХИ ПРИХОДЯТ...

— О чем писать? — твердят
вздыхая...

А мне припомнилась весна:
Лежала плотная, глухая,
Нетронутая целина.
Томила, волей человека
В большую жизнь не введена,
Как будто здесь земля от века
Нам под пустырь отведена.
Но мы пришли к ней не
случайно.

И в густотравные меха
Вонзились с первыми лучами
Плугов стальные лемеха.
Играли солнечные блики.
Ложился черноземный пласт
Страницей самой лучшей книги,
Еще не читанной до нас...
Я этот день запомнил крепко.

Жара глумилась все сильнее.
Мы лица вытирали кепкой
И руки вытирали ей.
У нас от шума и от тряски
Гудели плечи и виски.
А на щеках — земли и масла
Темнели жирные мазки.
Нам пели ветры полевые,
И чист был купол голубой,
И в жизни, кажется, впервые
Довольны были мы собой,
Тем, что умеем не сдаваться —
Пускай жара, пускай дожди, —
Что нам всего еще по двадцать,
Что основное — впереди.
Дыша взволнованно и часто
Ковыльным воздухом сухим,
Я чувствовал: приходит счастье
И зарождаются стихи.

НАШ ЦЕХ

Наш заводской порядок мил,
Нас ждет утрами цех огромный,
Рабочий мир, привычный мир
Станков и тружеников скромных.
Лишь разум и сноровка рук
Здесь человека перевозносятся.
Здесь чувствуется слово «друг»,
Хотя его не произносят.
Среди побед, среди помех,
В разногласной перемене
Здесь ценится хороший смех
И презираются ужимки,

И никого и никогда
Здесь неудачи с ног не велят.
Ругают крепко, до стыда,
И очень осторожно хвалят,
Здесь знают все, дадут ответ,
Куда идет цемент и битум,
Какой роман выходит в свет
И где сейчас Хрущев с визитом,
Живя любовью и трудом,
Скажу, кого-то повторяя:
Наш цех — второй любимый дом,
А люди в нем — семья вторая.

БОР

Бор разлегся исстари
Косматою медведицей.
Крикни или выстрели —
Издали ответится.
Двигаешься боязливо
Прогалинами редкими,
Кланяешься поясню, —
Гляди, исхлещет ветками,
И смотришь, мраком залитый
И комарами жалимый,

На этот гордый, замкнутый,
На мир неподражаемый.
Что в росте, что порушено —
Здесь рождено и прожито,
Не взято, не подслушано,
Ни у кого не спрошено.
И хочешь обязательно
Взять к своему обличию
Его самостоятельность
И гордость и величие.

Г. УМНОВ

ГРОЗА НАД ТАЙГОЙ

повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

УСТАЛЫЙ, голодный, с невеселым раздумьем в глазах, Петр Федотов сидел на прибрежном камне. Перед ним неоглядно распахнуло свои просторы великое студеное озеро. Оно ворчало у самых ног, накатывало на мокрые камни звенящие, с белыми гривами волны. А над ними — в косом полете белокрылые чайки, крики их тоскливые схожи с думами Петра.

С гор, из глубин таежного бурелома, падал упругий восточный баргузин. Он пронизывал, казалось, насквозь, и Петр, в изодранном зипуне, то и дело передергивал плечами — холодно.

Нехорошо на душе. Удивительное, тоскливое, каторжное море-озеро... Отдыхают ли птицы на нем? Отдыхают ли воды? Неизвестно. Совсем как в его, человеческой жизни.

Вот и нынче он прошел верных верст тридцать, столько же вчера да еще больше в позапрошлый день... Идет и идет по древней сибирской земле. Когда поест, а то и так, без корочки хлеба. Вторая неделя, как шагает на запад. Идет от самой Куэнги. А сколько еще верст впереди немеряных — неизвестно.

Судьба-судьбина забросила Петра в безвестную Куэнгу из далекой Каменец-Подольской губернии. И во сне, как наяву, и наяву, как во сне, он видит этот далекий путь, свою молодую нескладную жизнь. Четырнадцать лет в холодное росное утро впервые выгнал он на луга стадо помещика Журавского. И чем больше работал, тем хуже жилось. Еще горше стало, когда началась русско-японская война. Управляющий, сухой и прямой, как жердь, немец, спрашивал с него как со взрослого мужика, а платил как малолетке.

Умер отец, а затем и мать. Больше жить у Журавского Петр не захотел. Через год — война уже кончилась — в Станиславке появился вербовщик. Он звал людей на строительство железной дороги,

манил в сказочно богатый край, обещал хорошие заработки, привольную жизнь. Петр, очертя голову, кинулся в неведомую даль.

В пути по ночам ему снились удивительные крылатые сны. Он видел тучные земли, светлые, пронизанные солнцем рощи, неоглядные поля и... просыпался от голода. Проплывали на запад большие и маленькие селения, и чем дальше к востоку, тем реже они попадались. Все холодной дули ветры, все багрянее разгорались вечерние зори. Байкал проезжали ночью. Петр спал и не видел знаменитое море.

Работа на стройке выдалась тяжкая, а плата невелика — на хлебушко да на жидкую похлебку. Рядом с вербованными ворочали землю прикованные к тачкам каторжане. Партия от Куэнги вела дорогу к Хабаровску. Выходили на насыпь рано, в синий рассвет, занимавшийся над вершинами темной, взъерошенной тайги, а тащились на отдых, когда золотое солнце падало в дальних голубоватых сопках. А потом слух прошел, что на зиму на строительство останутся только каторжане, а вербованным — скатертью дорога. Так оно и вышло: осенью всех рассчитали. Остался без дела и Петр.

И вот он у озера. Славное море — Байкал... Волны без счета. Все здесь огромно: и горы, и взлохмаченная тайга, и это озеро-море. И ни одной живой души. Пусто. Сердце щемит.

Но вот у самых далеких гор, подпиравших серое неприветливое небо, мелькнул белый треугольник паруса, мелькнул, скрылся и снова засветлел. Петр пристально вглядывался в синюющую даль. А парус вырвался на простор и понесся к берегу. Петр с интересом и опаской следил за ним:

— Смелый!

Приняв на себя баргузин, упругий и сильный парус гордо парил над волнами. Маленькая лодочка то и дело зарывалась в кипящую воду, качалась на бугрящейся зыби. Чьи-то сильные руки умело управляли утлым суденышком. Вот парус накренился, и лодка круто повернула к тому месту, где сидел Петр. Парень встал. В лицо ему летели холодные брызги.

— Эй, на берегу! — зычно крикнул плотный, крепко сбитый мужчина. — Держи конец, — и он ловко кинул мокрую веревку. Распуская черные кольца, она пружиной оторвалась от лодки. Видать, привычное дело делал смельчак.

Петр схватился за бичеву, но в это время ударила тугая зеленоватая волна, превратившаяся в тучу брызг и клочья пены. Когда он опомнился, веревки уже не было. Ее сноровисто выбирал на лодку мужчина. Затем он убрал парус и снова, теперь уже молча, кинул конец. Петр на этот раз не сплывал, схватил его и потянул лодку на себя. Мужчина выпрыгнул на землю, закрепил конец веревки за выступ камня и только после этого вытер полый брезентового плаща мокрое лицо.

— Здравия желаю, братишка, — насмешливо проговорил он. — Искупался, стало быть? — И он заглянул добрыми глазами в лицо Петра. — Не моряк, сразу видать...

Мужчина улынулся. Ровные с щербинкой зубы пелескивали, слова он произносил с присвистом.

— Не моряк, — согласился Петр. — пеший хо-
жу...

— Вижу, что пеший. А куда путь держишь?

Петру понравился этот сильный человек, и он без утайки, не спеша рассказал о своих мытарствах. Моряк внимательно слушал, а под конец нехитрой исповеди кивнул понимающе:

— Видишь, как оно у тебя...

— Хуже некуда. Ложись да помирай, — подтвердил Петр. Собеседник посмотрел на него недоуменно:

— Умереть — раз плюнуть, да видишь, братишка, жизнь нам выдается, чтобы жить. Человек приходит на землю разьединственный раз, и дел у него на земле, и слез, и песен — как это вот море неоглядное! — сказал и усмехнулся вприщурочку. — А море-то каково!

— Смотрю. Шумит — не унять!

— Сила! Ни бог, ни царь не сладят.

Слова о боге и царе насторожили Петра, он спросил:

— Ты кто?

— Я? Карабутов. Моряк черноморский. Мичман.

— А зачем здесь?

— Да вот с Черного на Байкальское списали. А ты куда теперь?

— В Станиславку, Каменец-Подольской губернии...

— К помещику Журавскому? Зря. Ступай в Черемхово, на шахту. Обломаешься среди шахтеров. Дело говорю. Что тебя там, в Станиславке-то, с медом ждуть?

— Погляжу... — равнодушно отозвался Петр. — До Черемхова, сказывали, рукой подать. Верст полтора...

— И то дело!

Посидели, глядя на волны, на далекие сизые горы, потом мичман достал из кожаной сумки краюху ржаного хлеба, две луковицы и маленький кусочек сала. Хлеб разломил на две части, одну отдал Петру. Протянул луковицу, отрезал сала. Перекусил.

— Махорочки не окажется, братишка?

— Нет, — виновато отозвался Петр. — Ничего нет.

— И то дело.

На прощание мичман оглядел с ног до головы худую высокую фигуру парня, на котором вместо одежды висели лохмотья, и решительно снял плащ. — Держи. Дорога у тебя дальняя, пригодится.

Петр отказывался было, но мичман решительно тряхнул головой и крепко пожал ему руку:

— Будешь в Черемхове — встретимся!

А потом Петр широко зашагал на запад. Осеннее небо дышало холодом. Баргузин все усиливался, раздувал полы дареного плаща, рвал лохматые свинцовые тучи, обнажая невинную чистоту неба. Дорога, попетляв между скал, взбежала на высоту. Отсюда неоглядно раскинулось до невозможности огромное озеро-богатирь, горы, покрытые дремучим сосняком, кедрами, лиственницами.

На том месте, где была привязана лодка, на высоком мокром камне, теперь виднелась фигура женщины в цветном полушалке и зеленом пальто. Откуда она взялась — Петр не знал. Женщина смотрела в море, на уходящий парус. Кого он уносил в голубую даль — знала только она одна.

Розовые от заходящего солнца чайки, кося разрезая воздух, с плачем и стоном падали на воду и снова взмывали вверх...

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕВЫСОКОГО роста человек с тонкой и мягкой бородкой вышел из вагона и опасливо огляделся. На голове у него старенький картуз с коротким козырьком, на плечах мешковато сидел черный

пиджак. Одна рука, сухая, за пазухой, в другой — небольшой деревянный сундучок.

Здесь, в Тюмени, железная дорога кончалась. Человек, присев на лужайке, не спеша перекусил чем бог послал и, прихватив сундучок, пошел дальше. Охотники рассказывали, что видели такого уже далеко на востоке. Сухорукий, достав лодку-набойницу, пробирался по своенравным сибирским рекам до самого Томска. Отсюда шел пешком по пыльному тракту все дальше и дальше в глубь Сибири.

Неведомая, необъятная, темная тайга. Сколько несчастий человеческих похоронила она, сколько укрыла людей! Вот и еще один канул в ее глухомани. Канул и вынырнул в сибирском шахтерском поселке Судженске. Старожилы с любопытством приглядывались к новоселу. Он чем-то не похож на всех. Незамысловато одетый сухорукий человек с добрым лицом чуть виновато, чуть растерянно улыбался встречным, несмело заводил знакомства.

Никто до поры до времени не знал, что это бывший хозяин бакалейной лавки и булочной в Казани Андрей Степанович Деренков.

Каким образом он оказался здесь, в медвежьем углу, — не допытывались: мало ли людей перекинулось с российской стороны в Сибирь, подальше в глушь.

В Судженске Андрей Степанович открыл мелочную лавку. Торговлю он начал с малого — вначале ходил с ящиком, в котором были иголки, нитки, гребешки... Но вот счастливый случай — большой урожай малины — помог ему развернуться. Местные женщины охотно сдавали ему ягоды, просили привезти из Томска кому платок, кому лент для девчат. С того и пошло. А там завел лесной склад для михельсоновской шахты, подрядил мужиков из нескольких деревень на подвозку крепи.

Однажды в Томске, зайдя в книжный магазин, Андрей Деренков обратил внимание на портреты писателей. Вот с большой окладистой бородой граф Лев Толстой. Его хорошо он знает, старик приметный. А кто же другой, лицо вроде знакомо, но имя — Максим Горький — ни о чем не говорит. Деренков обратился к продавщице:

— Кто этот Горький?

— Это знаменитый писатель Алексей Максимович Пешков, — ответила она.

— Олеха! — изумился Деренков.

Да, это он! Вспомнились Казань, пекарня, студенты. Набежали, нахлынули воспоминания о минувшем, защемило деренковское сердце.

В большой, шумный город Андрея Деренкова привез отец и поставил к прилавку. Разные разговоры доходили до молодого Деренкова, к разным людям приглядывался он. В то время в России происходили громкие процессы пятидесяти, ста девяносто трех, Веры Фигнер. Молодого купца заинтересовали речи подсудимых, особенно Алексеева, Мышкина. Найти правду, понять ее существо стало необходимо, и он ищет ее в книгах.

Журналы и запрещенные правительственные книги можно было найти на толкучке. Нередко Деренков покупал их очень дешево, по весу, как оберточную бумагу.

Молодежная Казань знала Деренкова. Он к тому времени «обладал лучшей в городе библиотекой запрещенных и редких книг, ими пользовались студенты многочисленных учебных заведений Казани и различные революционно настроенные люди».

Тогда-то и встретились Деренков и Пешков.

Привел Пешкова в деренковскую лавку студент. — Пристроить надо парня. Нужен будет, — сказал он и ушел.

Молодой купец занимался с покупателями, а сам все посматривал на высокого новичка. Он, в широком пиджаке, картузе и сапогах, напоминал крестьянина. Держался скромно, с достоинством, но смело.

Так и остался в деренковском доме Алексей Пешков. На другой же день он забрался в теплую, забитую книгами комнатушку и три недели не выходил, пока не перечитал десятки книг.

Чтобы как-нибудь обеспечить растущие расходы на книги, печатание брошюр, Деренков открывает булочную, на Мало-Лядской улице. В ней стал работать и Пешков. Пока не начались преследования и аресты выслеженных полицией людей.

В донесении жандармского управления упоминалось, что булочная «имела чисто конспиративный характер, служа местом подозрительных сборищ молодежи, занимавшейся там между прочим совместными чтениями тенденциозных статей и сочинений, выдержанных в противоправительственном духе, в чем участвовал и Алексей Пешков».

Деренков в Казани был приметным человеком. Оставив на произвол судьбы свои дела, он с семидесятью рублями в кармане бежит от начавшихся арестов в Сибирь.

Вернувшись из Томска, Деренков сразу же написал письмо Алексею Пешкову, просил его: «Пришли, дорогой, мне твоей стряпни».

Прошел месяц, и в Сибирь, на Судженские копи, на имя Деренкова пришло письмо и три книги Горького. Это были — «Бывшие люди», «Фома Гордеев» и пьеса «Мещане». Библиотека Деренкова пополнилась. Замечательная библиотека! Ее Деренков очень ценил: ведь окрест такая глушь — хоть сутки и хоть двое скачи по старому Московско-Иркутскому тракту на перекладных — не соберешь и десятка книг.

Вечером, закрыв лавку, Андрей Деренков садился за книги. Строчка за строчкой, слово за словом — и снова перед ним встала далекая и такая близкая жизнь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КУДРЯВЦЕВ, коренастый, с жестким лицом шахтер, оглядел с высокого крыльца старого осевшего дома пустую улицу поселка. Деревянные строения скатывались с пригорка к самому породному отвалу, за которым синел густой гребень тайги. Холодный ветер свежо бил в лицо, кружил под ногами солому, подметая двор.

У Кудрявцева пытливые карие глаза. Кожаная тужурка плотно облегла его крутые плечи, фуражка упрямо сдвинута на лоб. С первого взгляда в нем угадывались железная сила, собранная воля.

«Кажется, время, — подумал он. — Василий ждет. Поиду».

Он шел неторопливо, крепко припечатывая шаги. Сумерки сгущались. Кое-где замелькали желтые огни. Шахтерский поселок утихал. Слышно было только, как разноголоса лаяли собаки, у шахт пыхтели паровики, где-то возле угольных эстакад погромыхивали вагонетки.

Сибирские каменноугольные копи жили своей обычной жизнью.

По утрам в обычный час открываются лавки.

Больше всего покупателей у Деренка — так прозвали шахтеры Деренкова. Он охотно дает продукты в кредит, аккуратно заносит фамилии в свою затрепанную долговую книгу.

Большинство бедствует, единицы богатеют. Вечерами из особняка управляющего копиями Прошковского льются звуки рояля. Это развлекается скользящая по Петербургу дородная мадам Прошковская.

Все шло, казалось, своим чередом. Но все чаще по кривым переулкам прохаживаются полицейские, а на центральной улице Судженки на рысаке гарцует урядник Вальтер — высокий седой старик. Зоркие глаза стражников цепко вглядываются в хмурые лица прохожих. Особенно присматриваются они к новичкам, появляющимся на коях.

В сибирской ссылке собрались смелые, решительные люди из всех крупных промышленных центров — Питера, Риги, Харькова, Иваново-Вознесенска, Ростова-на-Дону. Окрест рудника не было села или деревни, даже самой захудалой, где нельзя было бы встретить политических ссыльных.

Кудрявцев также не был старожилом Судженки. После девятьсот пятого оказался на далекой угрюмой Лене. Незадолго до войны золотоискатель прибыл на михельсоновские копи.

В Судженке судьба свела золотоискателя с Василием Ивановым, моряком мятежного «Потемкина». Выданные в руки царского правительства революционные матросы были преданы военному суду. Одни из них — казнены, другие сосланы на каторгу. Загребели кандалы и на ногах Иванова... Акауты, Алгачи, страшные тюрьмы Керчинской каторги... Много был слышан о них Кудрявцев.

Неволя не доля. Холодное железо сковало ноги, но дух, орлиный дух девятьсот пятого укротить было нельзя. Иванов бежал. Как-то он обронил мимоходом, что бежать ему помогла смелая женщина, и Кудрявцев невольно проникся уважением к неизвестной.

...Вот сидят они в бараке друг против друга, оба коренастые, сильные, один с карими пронзительными глазами, у другого — серые, с непоухающими озорными искринками.

— Думал я, братишка, — говорит тот, что с золотой искринкой в глазах, — самое время начинать. Все вроде к тому клонится.

Он вглядывается в непроницаемое, спокойное лицо собеседника, ждет ответа.

— Начинать, так начинать, — отвечает тот. — Я тоже считаю пора, томские товарищи ждут, — и Кудрявцев настороженно оглядывается, но никто их не слышит, и он успокаивается. Говорит он скупо, слова его коротки и тяжелы.

Иванов горячится:

— Правильно. Рабочие сами уже поговаривают: не терпится! — Василий порывисто встает, но тут же садится снова. — Поторапливают нас...

— Самому тебе не терпится. Вижу, готов в драку.

Кудрявцев уважает моряка за смелость, но частенько осаживает, сдерживает его порывы: не всегда торопливость принесит пользу. А дело проиграть нельзя — подсечь под самый корень веру людей.

Горняк окидывает взглядом барак. В нем человек шестьдесят. Трехъярусные нары кишмя кишат рабочим людом, в углу плачут ребятишки, шикают на них матери. Душно от спертых, тяжелого воздуха. Махорочный дым синими облаками поды-

мается к прокопченному дочерна потолку. Тускло горят керосиновые лампы, роняя дрожащий свет, кругами озаряя потолок.

В углу тонко вполголоса кто-то поет:

...Родная, матушка моя,
Меня убило в темной шахте...

А другой, пьяный с хрипотцой голос подтягивает, жалуется на обидную, до слез несправедливую судьбу:

А ты осталась одна...

Живут в бараке бедно, скучно. Не хватает хлеба, не хватает всего, чем жив человек. Невелики заработки, только-только на прокорм, квартиру, инструмент. День-два, глядишь — ни копейки. Где же выход?..

— Надо бороться. Ждать — время зря проводить, — слегка шепелявя, говорит Иванов. — Тем более, если Томск согласен.

Томск — это значит подпольный комитет.

Они еще долго потаенно толкуют между собой, перебирают имена рабочих, называют фамилии артельщиков.

— Ребятишкам подзаимем малость продовольствия у Деренка. Я уж столковался, — обнадеживающе сказал Кудрявцев и, склонившись ниже, добавил: — Выдюжим, Василий?

Поздно ночью Иванов провожает Кудрявцева. Ночь обступает их теменью, прячет от назойливых чужих глаз.

В поселке трубно брешет собака, ей откликается залистый лай другой, пыхтят паровики на шахте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСТЫЙ, до боли надрывный кашель часами душил больного человека. Он сидит на печке, в грязных подштанниках, в расстегнутой холщевой рубашке, свесив босые синеватые ноги, и все кашляет, кашляет. Его руки, в рубцах и узлах бугристых жил, безвольно лежат на коленях. Сухой хрип вырывается из впалой его груди, на глазах выступают слезы.

За спиной больного прячутся ребятишки — трое маленьких белоголовых мальчишек и не по-детски серьезная девочка.

Хозяйка, еще молодая женщина, перетянув талию мокрой тряпкой, стирает в деревянном корыте рубахи. Густой пар поднимается к черному потолку, выгоняя из щелей тараканов. Они стайкой бегут по грязным доскам и прячутся в углу, за черными потрескавшимися иконами.

Петр сидит на лавке, у маленького косенького окна, зажав в зубах черную смоленую дратву, чинит сапоги. Лицо его сосредоточенно, задумчиво, спина согнута над низким подоконником. Не найдя места в Черемхове, пришел он на Судженские копи и теперь живет в этом домишке нахлебником, квартирантом. Ест он вместе с семьей хозяйина из единственной большой глиняной чашки. За все это Петр по договоренности должен отдавать половину заработка. Но он после получки, не считая денег, выкладывал хозяйке все.

— Что ж себе-то ты, Петр, оставляешь?

— Ладно мне. Ребятишкам вон хоть справь обувку. Себе я потом.

— Ну, дай те бог, милый, светлой жизни да хорошей невесты, — хозяйка прятала деньги в столешник. Завтра они все уйдут в продуктовую лавку, за долги.

— Да где она та светлая жизнь, — вздыхал хозяин, — тyani лямку, пока не выруют ямку... — Договорить ему не удавалось, — начинал душить надрывный затажной кашель.

Петр не спеша латает сапоги, смоленая дратва скрипит, туго проходя через проколотую шилом кожу. В корыте у хозяйки хлупает вода, шипит мыльная пена, за иконами шуршат встревоженные тараканы. Все молчат, каждый думает о своем.

Петр смотрит в окно. Там живет той же темной безысходной жизнью шахтерский поселок. В нем царит капиталист Михельсон, а рядом, в Щербинке, присосался другой владелец — Мачини, в соседнем поселке — Анжерке — хозяйничает Эдельштейн, чьи шахты накопаны рядом с казенными. Говорят, полегче на казенных шахтах, принадлежащих министерству железных дорог, но кто его знает: хорошо там, где нас нет...

Петр заканчивает починку, убирает инструмент, встает. Хотел во всю силушку потянуться, но мешал низкий потолок.

— Вскрапну часок, — сказал он, будто извиняясь.

— Отдохни, отдохни, Петруша, — отозвалась хозяйка.

Через час в домике все затихло.

Опережая рассвет над поселком, вспоров тишину, пропел свою песню шахтерский гудок. Он звал людей на работу.

Петр быстро поднялся, свесил длинные ноги с кровати. Посидел так, спросонья никак не мог вспомнить что-то неотложное.

У Петра сила еще не истрачена. На шахте ему завидуют: у этого, мол, все впереди. А десятник Иван Богачин не раз говаривал Петру:

— Женить тебя надо, вола этакого. Вон сколько силы, не работаешь — играешь. — И тихо, заговорщицки доверительно добавлял:

— Ты, Петя поберегай только ее, силушку-то, пригодится, сынок.

Худошавый, сутуловатый, Богачин ходил по штреку легко, словно у себя дома, знал он здесь каждый закоулок. Понимал, любил людей, но почему-то не со всеми сходилась накоротке. Петра тянуло к этому человеку. Он часто беседовал с Богачиным. Десятник не жаловался на жизнь, он просто осуждал ее.

— Вот если бы люди жили по сердцу, душевно болели друг о друге, не обижали бы человека — всем жилось ладно бы. Сердце ведь у всякого имеется, а сил-то не каждый припас. Только разное оно, сынок, сердце-то: у одного пауком шевелится — к такому не просись погреться, не увидит и не услышит. Ему нет дела до ближнего. У кого такое сердце, Петя, а? Смекай! А есть другое, большое, теплое сердце, чистое и хорошее. В нем всякая слеза боль вызывает. Это народное сердце. Золотое, и нет ему меры...

После разговора с Богачиным Петр обычно нырял в глухую заходку. Там стояла непроницаемая тишина. Где-то в темноте размеренно и методично, со звоном постукивала капель да попискивали крысы. Обдавало сыростью и гнилыми стойками. Нет-нет и замаячит одинокий тусклый огонек «ле-

тучей мыши» — это старик шахтер, сгорбившись и нутуясь, тащит корытку с углем к главному штреку. Корытка, зло въедаясь в породу днищем, скрипит и воет, надрывая душу.

Петр сворачивал к своей выработке. Шел часто пригибаясь, обходя сгорбившихся шахтеров, которые несли на плечах толстые бревна для крепления, уступал, прижимаясь к мокрой стене, дорогу трехколесным вагонеткам с углем.

В голове теснились невеселые думы, полынной горечью отзывались воспоминания о прожитом. Единственно светлым пятнышком, солнечным зайчиком были думки о Кате Померанцевой. Она все больше и больше места занимала в сердце Петра. Глядя легкой ладонью, как маленького, по голове Петра, она тихо, матерински ласково говорила:

— Не одни мы, Петичка, не одни мы так живем. Видно, доля уж наша такая. Кабы разбогатеть нечаянно, как-нибудь неожиданно — понимаешь? — тогда бы все иначе стало. Ох, как хочется, ох, как думается об этом! Людьюми бы стали, Петичка...

Голос ее был тихий, вкрадчивый, а слова Петру не по душе. Богачин говорил лучше, немного непонятно, но слова-то какие. Иной раз в них не сразу разберешься...

Вот она, жизнь: запутана, связана таким замысловатым узлом, что и не развяжешь один. А Катя! Встались их тропки, не пересеклись, потянулись рядышком. А нет отчего-то покоя, не может Петр всего сказать ей, вывернуть себя: на, смотри, как-то не поймет, чем-то не одинаковые они родились.

...Петр совсем было собрался на шахту, дав вспомнил, что туда идти незачем — шахтеры начали забастовку, требовали прибавки жалованья.

Петр в нерешительности постоял у ворот и медленно пошел к шахтному двору взглянуть, явится ли кто-нибудь из рабочих? Занималось холодное серое утро. Петр перешел грязный заваленный хламом пустырь, перепрыгнул через канаву и повернул по тропке к шахте.

У входных ворот он еще издали приметил человек пять шахтеров из утренней смены. Подойдя ближе, он услышал ругань. Высокий рябой шахтер с рыжими торчащими усами, заикаясь и размахивая руками, скандалил:

— П-пропустите, вам говорят, с-самовольники, н-нашлись тут хозяева. За-а-абастовку! Н-нет! Вольному воля, а я сам себе указ.

— Закуражился, ошалелый. Поворачивай оглобли, — вразумлял его молодой синеглазый парень, — делу общему потрафить не желаешь.

У парня из-под смятой фуражки упрямо выбивался белый волнистый чуб, синие глаза излучали отчаянную решимость, руки засунуты в карманы, голова слегка откинута назад.

Рыжеусый не унимался:

— Т-ты, что ли, К-Курагин, моих детей к-кормить будешь? П-потрафить!

— Не пустим, слышь! Ступай себе. Общее дело, говорю, понимать должен.

— Т-ты молод меня учить. П-полиция не всыпала тебе в спину, а я п-пробовал г-гостинцев...

Рыжеусого оттеснили от ворот и пригрозили так зло, что он сразу стих.

Парень, который чем-то сразу понравился Федотову, налетел на него:

— А у тебя тоже дети? А? Что пришел сюда? Я тебе вот покажу работу...

— Не на работу я, посмотреть.

— Посмотреть! Ишь спектаклю нашел. Иди назад, пока...

Петра обидело подозрение, но он не стал больше разговаривать, пошел обратно.

— Ишь ты, какой ретивый. Молодой, а задирист-тый петух. Вот-вот в драку кинется, — беззлобно думал он о синеглазом парне.

Подходя к дому, Петр неожиданно столкнулся с десятником Богачиным.

— Там не пушают. Ребята у ворот стоят, — доверительно сообщил он десятнику.

Богачин остановился, как-то осуждающе посмотрел на Петра, с горькой усмешкой покачал головой и шагнул прочь. Потом он круто повернулся и холодно ответил:

— И не пустят. А я не так думал о тебе, Петр.

Богачин досадливо сплюнул и решительно пошел дальше. Петр долго стоял, пока сутуловатая фигура десятника не скрылась за поворотом.

— Что это он? А? — шептал побелевшими губами растерявшийся парень. — Что это он?

И вдруг словно осенило Петра, краска бросилась в лицо: так и есть — и он, Иван Богачин, его наставник, решил, что Петр хотел пройти на работу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВТОРУЮ неделю бастовали шахтеры Судженки. Петр понаслышке знал, что рабочими руководит какой-то комитет. С этим таинственным комитетом были связаны имена Ивана Кудрявцева и Василия Иванова, встречаться с которыми еще не приходилось. Петр представлял их такими же смелыми, готовыми броситься в драку, как тот синеглазый, что загородил у проходной дорогу в шахту. А может, такие, как десятник Богачин, растрепавший сердце наполовину сказанным словом, а ты вот ходи и ищи другую половинку — где она?

Все трудней становилось шахтерам. Дома они встречали печальные недоуменные взгляды детей, попрeki голодных жен. Курили, хмурились и снова собирались где-нибудь у шахты, обсуждали свое положение. Не один мучился: выстоят ли? Кудрявцев говорил: «Выдюжим!» Верили человеку, а иные — нет, но у всех негасимо теплилась надежда на лучшее.

Администрация пыталась склонить шахтеров отказать от забастовки. Инженеры от уговоров переходили к угрозам и снова к уговорам. Горняки стояли на своем — требовали повышения зарплаты.

Осенний ветер кружил опавшие листья, прибивал к шахтовому двору. Так и думки углекопов — все были там, на шахте. В один из таких дней к проходной подкатил на паре Прошковский. Это был высокий, нестарый мужчина, с усталым скупящим лицом.

Сразу же, вслед за Прошковским, к шахте подтянулись сотни две пленных австрийцев. Пленные, люди подневольные, опасливо поглядывали то на запертые ворота, то на рабочих, сидевших у механических мастерских.

— Вместо нас, — скупно обронил рябоватый пожилой шахтер. — Пусть попробует собачий сын...

— Обсекется, — зорко оглянулся окрест щупленький сосед рябого. — Ох, обсекется!

Прошковский, будто не замечая шахтеров, оглядел ворота, переступил с ноги на ногу и стал сбивать замок на железной скобе. Пожилой шахтер поднялся и тронул его за плечо сзади.

— Господин, замочек-то затем и повесили, чтоб, значит, не рвать ворота...

Управляющий резко повернулся. На холемом его лице выступили красные пятна.

— С кем разговариваешь, хам. — вскипел он и, внезапно взмахнув тростью, ударил человека по непокрытой нечесанной голове. Рабочие загудели, угрожающе вскочили с мест. Управляющий попятился, все еще держа трость на весу, как бы загоразиваясь ею от наступающей толпы, затем поспешно сел в фазтон, и лошади резво сорвались с места.

Увели в казармы и австрийцев.

В тот же день к вечеру из Томска приехал исправник, с ним прибыло двенадцать вагонов, и в каждом полным-полно солдат. Поезд остановился на шахтовой железнодорожной ветке, у самого переезда. На крышах двух вагонов стояли пулеметы. Исправник направился к особняку Прошковского.

Жил Прошковский в самом красивом доме Судженки. К особняку вела высокая насыпная дорога, по обочине которой стояли подстриженные деревья. Рядом с дорогой сверкала зеркальная гладь искусственного пруда. Дом утопал в саду. Он был окружен теплицами и парниками, откуда зимой и летом на стол хозяина доставлялись зеленые овощи. Часто по вечерам из окон особняка лилась музыка, слышались нестройные голоса гостей — управляющий любил повеселиться...

Вскоре по домам и баракам шахтеров побежали нарочные собирать народ.

Люди хмуро стекались на площадь, слышался приглушенный говор.

Часа через два появился исправник — приземистый, на коротких ногах человек. Он вошел в нехотя расступавшуюся толпу, не поворачивая головы на толстой шее, поднялся на возвышение, заговорил. Петр стоял далеко и до него долетали только отдельные слова:

— Вздумали бунтовать... требовать... Отечество... Люди на войне кровь проливают... Я вас всех на позиции, чтоб знали...

Покричав, исправник потребовал выделить делегацию, с которой и будет он разговаривать. Толпа загудела.

— Наших ребят арестовать задумал. Хитрит лиса старая, — зло сплюнул рябой рабочий с головой, забитованной после встречи с Прошковским у проходной.

— Надо уходить, пока не обложила нас солдатня.

— Черти бы их с потрохами съели...

Так разговаривали возле Петра. Кое-кто стал протискиваться подальше. И вдруг из середины толпы громко крикнули:

— Расходитесь, шахтеры. Условия неподходящие предлагает господин исправник.

— И то дело! — сказал кто-то рядом, и Петру показался голос знакомым. Он обернулся и изумленно вскрикнул:

— Мичман Карабутов!

— Ошибся, парень. Иванов моя фамилия. — И, взяв за локоть Петра, сильно сжал его: — Иванов! Понял?

Иванов-Карабутов отвел Петра в сторону, в его глазах зажглись веселые озорные искорки.

— Ну, как, братишка, пригодился плащик?

Он улыбался, показывая белые с щербинкой зубы. Петр покраснел, растерялся. Прошло с той памятной встречи на берегу озера много времени,

а ему неудобно признаться, что плаща давно уже нет.

— Пригодился, — сдавленно ответил Петр. — Променял я его в скорости. На хлеб сменял. В Черемхове-то я не нашел места...

— Променял? И то дело!

Ночь прошла у Петра в раздумье. Перед ним вставали день за днем тяжелый труд, когда ворочал он вместе с каторжанами глину на строительстве дороги, бесплодные поиски места в Черемхове, работа на Судженских коях. Все чаще возвращались думы к мичману. Перед раскрытыми бессонницей глазами въяве проносились события. Вот на высоком мокром камне виднеется стройная женская фигура. Она неподвижна, женщина смотрит вдаль, куда чайкой улетел белый парус Карабутова. Порывистый ветер играет ее цветной шалью. Кто она?.. И сколько ни думал Петр — приходил к одному: невозможно одолеть судьбу в одиночку, задавит жизнь. И в забастовке, в общей борьбе он теперь видел силу.

А забастовка все разрасталась. Она перекинулась на другие шахты — десятую, пятую, одиннадцатую.

Дважды собирали народ на площади. На третий вызов горняки не пошли совсем.

Комитет решил начать работу — терпеть больше не было сил. Жаль было детей. Подтянуло и самих горняков. На исходе второй недели, когда администрация и исправник сообщили, что заработная плата будет частично повышена, члены комитета, вопреки запрету исправника, решили созвать горнорабочих на митинг. Что скажут сами рабочие?

Но как это сделать? На шахте постоянно дежурили солдаты, коچهгарка, откуда давался гудок, охранялась часовыми.

— Пошлю Васятку, сынишку, — предложил Иван Богачин. — Он сделает, что нужно.

Васятка, вихрастый, с конопушками на носу, расторопный двенадцатилетний мальчуган, подхватил узелок с продуктами и, насвистывая, пошел на шахту. Дежурным у ворот стоял Петр. Правда, теперь никто не помышлял выходить на работу, но он ревностно выполнял задание комитета, и служащие из конторы неодобрительно косились на высокого нескладного парня.

— Не робей, Василий, — напутствовал Петр мальчика у проходной.

— Ладно, дядя Петя! — отозвался Васятка.

Над поселком взревел гудок — условный сигнал сбора шахтеров. К коچهгарке бросились солдаты, но гудок уже сделал свое дело. Исправник на коротких толстых ногах торопливо шагнул к вагонам.

Богачина окликнули, когда он пробирался к трибуне.

— Иван, сына твоего, Васятку, того... выпороли сволочи...

Богачин кинулся к шахте. У самой проходной встретился Петр. Высокий, худой, он шел согнувшись, а на его руках — Васятка. Голова его была опущена, лицо побледнело, и конопушки на носу будто плавали в капельках пота.

— Сынок мой, кто это тебя так? — хрипло выговорил Богачин.

— Солдаты... побили, тятя!

Васятка слабо улыбнулся отцу и снова закрыл глаза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛОПАТИНЫ жили в небольшом домике. Под окном, застияя свет, росли три раскидистые березы. Одна совсем постарела, свесила безвольные плакучие ветви и жалобно скрипела от ветра.

Росла Нюра длинноногой, голенастой девчонкой, озорной и остроглазой. Ее то и дело видели среди драчливых ребят — Нюра любила водиться с мальчишками. Руки и ноги у девочки вечно в царапинах. Однажды, зацепившись платьем за сухой сук березы, она повисла перед самым окном, пока не снял ее брат Степка. Мать только качает, бывало, головой, когда в их маленький домик вдруг нагрянет гурьба озорных ребят во главе с Нюрой. Она даже пробовала жаловаться мужу, неторопливому, спокойному горняку.

Старший Лопатин помалкивал и, поглядывая на дочь, улыбался в прокуренные обвислые усы.

Но годы шли. Менялась Нюрка, становилась тихой и застенчивой. Но озорство нет-нет да и брызнет звонким ключом. Как-то, листая большую, подаренную отцу хозяином Михельсоном книгу «Россия под скипетром дома Романовых», Нюра углем нарисовала усы царевнам. Зачем? Кто ее знает. Только на этот раз отец аскапел и больно ударил ее по спине.

Скоро после этого в дом Лопатиных пришла беда. Приближалось рождество, на улице лютвал мороз. Отец пришел со смены измученный и за столом выпил стаканчик хмельного. Размороженный и повеселевший, он укладывался спать. В это время его вызвали в шахту: испортилась клеть.

Поздно ночью шахтера, измученного клетью, принесли домой. Нюра не отходила от постели отца. С тоской в глазах смотрела она на его осунувшееся лицо и украдкой плакала. Не было у нее на свете никого дороже этого человека.

Отец бредил. Просыпаясь, он не стонал, только жаловался, что «внутри все оторвалось». Однажды Лопатин проснулся с чувством радостного облегчения. Этим утром кто-то невидимый снял тяжелый камень с сердца девушки. К весне Лопатин стал подниматься.

Мать уговаривала его хлопотать «красную записку» — право на пенсию, ведь в потере здоровья виновата шахта. Но отец не послушался.

— Не дадут жить потом. Все равно тогда конец, — пояснил он. — С богатым не судись, с сильным не борись. Вот поправлюсь — работать пойду снова...

С оттепелью отец слег окончательно. У постели умирающего собрались родные. Простившись с женой и сыном, он порывисто схватил руку дочери, сидевшей рядом: «Не убивайся, Нюра, Степан за отца тебе...»

Весной похоронили старого Лопатина. Не много пережила его мать. Нюра замкнулась, притихла, словно погасла в ней радость молодости.

В дом забегали соседи, наведывались знакомые. По воскресеньям к брату Степану приходила женщина. Приходила издалека, с казенных Анжерских копеек. Звали ее Апполинарией Алексеевной Цивилевой. Она передавала Степану какой-то сверток, и брат прятал его. А на другой день в поселке начиналась беготня полицейских, о чем-то шептались шахтеры.

Нюра тянулась к задумчивой, с печальными глазами женщине, тянулась всей осиротевшей душой. И Апполинария Алексеевна почувствовала это. Она

стала задерживаться в доме Лопатиных, и, когда Степан уходил, оставалась вдвоем с Нюрой.

Они подолгу сидели за книгами, вместе разбирая мудреные места. Апполинария Алексеевна пристрастила свою ученицу к чтению — и Нюра полюбила книги.

Однажды гостя посоветовала сходить к Деренкову, он даст почитать что-нибудь.

Нюра робко поднялась по узенькой лестнице на второй этаж деренковского дома. Ее встретил старик с мягкой бородкой, лукавыми глазами.

— Можно, можно, — отозвался он на просьбу Нюры и засуетился: — Проходи, проходи.

Деренков дал «Подпольную Россию» Степняка-Кравчинского и просил после прочтения непременно вернуть. Так и пошло: Нюра читала, а книгам в деренковской кладовой, казалось, конца-края не было.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВАСИЛИЙ Карабутов ревностно оберегает от людей свою первую и единственную любовь. Она пришла к нему в далекой юности, пришла раз и навсегда. Он не рассказывал о ней никому, бережно охраняя свое счастье.

Василий часами мог сидеть с Феней рядом, не сказав ей ни слова, сидеть и чувствовать ее близко. Это была не сжигающая дотла страсть, не пепеляющий сердце неумолимый огонь. Нет. Любовь Карабутова и Фени, вытканная радостным живым золотом нежного, не тускнеющего чувства, светила чудесным светом. Такая любовь не гаснет до конца дней человеческих.

В памяти Карабутова навсегда запала березовая роща на Дону. Роща начиналась у самого бережка приглушенно булькающей по выглаженным нарядным камешкам речки, взбегала толпой молодых белоногих с чуть розоватой кожей деревьев по круче и широко раскидывалась над рекой. А дальше, на другой стороне, по широкой зеленой пойме рощу вырубili. Осталась только одна старая пригорюнившаяся береза.

В голубую прохладную зорьку на этом взгорье любили бывать Василий и Феня.

— Ты знаешь, Вася, о чем думает эта березка?

— Проклинает свою старость, наверно...

— Не угадал. Она нам завидует, судьбе нашей.

— Судьбе! — отзывался Василий. — Только была бы она к нам с тобой поласковей...

Феня вспоминала свою соседку — мученицу. «Настенька, не знаешь ты, не ведаешь мою судьбину горькую, — жаловалась она Фениной матери. — Только подушка — свидетельница. Глаза высушила... А Ульян все беснуется, все мало ему, готов землю есть ради достатка. И бьет смертным боем. «Зачем девок мне нарожала? Земли-то на них не выделяют!»

И Фене представляется до боли страшная сцена. Тихим вечером, когда солнце садится за березовой рощей, по широкой улице едут на танцующих вороных конях два всадника — отец и сын, а между ними бредет по пыльной дороге женщина в черном полушалке — жена одного и мать другого. У мужчин в руках плетки. Они едут гордо посреди улицы, на виду у всех, конвоируя человека, сбегавшего от страшной, невыносимой жизни.

Неужели и ей судьба готовит то же? Нет, — она боязливо взглядывает на любимого, — нет!

Как-то Феня с Василием пошли за цветами. Луг пестрел от буйных трав. Удивительной сказкой, которую не выдумаешь, стоит перед парнем худенькая с тяжелыми косами девушка по колена в луговых цветах, вся как есть солнечная, вся из песенных надежд. Улыбается.

Феня любила цветы. Она набрала их большую охапку, Василий нарвал незабудок. Они сели на своем излюбленном месте и перебирали их, прижавшись друг к другу. Над головами тревожно шумела березовая роща. Только что светило полуденное солнце, а уж на горизонте виднелась легкая синяя дымка. Она поднималась все выше, заслоняя солнце, и все вокруг темнело, темнело. По небу из конца в конец легонько прокатился гром. Упали первые капли дождя. И вот он нагрел — крупный, чистый, теплый.

Феня вскочила и, забросив за спину толстые косы, побежала к навесу, теряя на тропе цветы. За ней со смехом бросился Василий. Они взяли за руки и так, смеясь, бежали вниз по тропе, а следом, догоняя их, уже стеной приближался дождь. Промокнуть под таким дождем не страшно, но хочется бежать и бежать под его мягкий шум.

У навеса — шаткая лестница. Василий придержал ее, и девушка, быстро перебирая ногами, взлетела по крутым, мокрым ступенькам, потом оглянулась и кивнула: лезь.

В сером сумраке старого навеса Василий каснулся щечкой плеча девушки, глянул в ее испуганно-радостные глаза. Поплыла крыша, земля за синей завесой дождя...

Дождь, ливнем прошумевший по тесовой крыше, ушел в неведомые дали. Сырая свежесть молодой земли ударила им в лицо, наполнила ноющей силой тело. Они тихо и молча пошли домой. Снова проглянуло солнце. В воздухе остро пахло молодыми березками, трава стала еще зеленей, ярче и на глазах подросла. На небе заиграла послегрозовая радуга.

— Веселка — так ее звала мать, — сказал Василий о радуге.

— Ворота в счастье, — отзывалась девушка.

Феня сняла ботинки и пошла навстречу нарядной дуге-радуге. Мутные теплые брызги падали на упругие икры ног...

Как это было давно! Кажется, что счастье произошло раз во сне да так и осталось в памяти на всю жизнь.

Через год Василий ушел во флот, служить. А потом восстание «Потемкина». Там — суд и казнь матросов. Василий этапом ушел в Сибирь, на какому-то торгу.

Феня боялась Сибири, глухой чужой стороны. Боялась. Но там Василий, единственный, самый дорогой человек. И она поехала в Забайкалье, куда были сосланы матросы с «Потемкина». И нашла любимого человека. Встречи были редкими, иногда минутными. Но и они приносили радость, снимали тяжкий груз пережитого, потерянного. В эти короткие минуты они больше говорили о борьбе. Тогда-то и возник план побега Василия Карабутова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МОРОСИЛ мелкий скучный дождь. Тучи, закрывая горизонт, спускались все ниже и ниже над водой. Маленькая лодка терялась в сером тумане.

В лодке два человека — один на веслах, другой на корме.

— Дождь, холодный дождь, — вздохнула Феня и вдруг улыбнулась посиневшими губами. — Ты помнишь, Вася, наш ливень. Ну тот...

Василий улыбнулся.

Приближался темный, незнакомый берег. Отсюда глухой тайгой пойдут они дальше, все дальше от каторжных мест, где оставлено, загублено навсегда столько молодых лет жизни.

Вначале Карабутов намеревался податься на Черемховские угольные копи, где можно было продолжать борьбу. Но Феня отсоветовала. Она связалась с верными людьми, которые рассказывали, что в тех местах много жандармов: побег политический стали частыми, и в Черемхове полиция сделала заслон.

Надо пробираться дальше, в Судженку. Шли далеко от Иркутского тракта, глухими лесными тропами. Шли долго. Василий беспокоился о Фене, но она не жаловалась. По дороге Карабутов пристал к пятерым мужикам, бросившим свое хозяйство и тянувшимся на михельсоновские шахты. Так вместе и пришли. Вместе угадали в одну артель.

На коях Феня поступила медицинской сестрой в больницу. Общительная и умная, она скоро близко сошлась со старшей сестрой Апполиной Цивилевой, политической ссыльной. Апполинария Алексеевна старше Фени. Немного замкнутая и почти всегда печальная, она никогда не говорила о своем прошлом.

Апполинария жила в маленьком домике, тут же при больнице. Феня иногда забегала в ее чистенькую комнату, обставленную простой мебелью. Ничего лишнего — в углу узкая кровать, над ней полочка с книгами, на столе голубая ваза и в дубовой рамке фотография большого мальчика. Он смотрел в упор, чуть-чуть исподлобья, будто о чем-то безмолвно спрашивая. Феня не могла отвести глаз от этого детского лица. И только раз она спросила, кто это. Но Апполинария Алексеевна промолчала, да так тяжело промолчала, что больше Феня не говорила о нем.

У Апполины Алексеевны легкий, как ветерок частый шаг.

Ходит она бесшумно, словно не касаясь земли. Тихо, без скрипа открываются перед ней двери. Долгим, хорошим взглядом встречают и провожают ее больные: легким кажется прикосновение к ранам ее руки.

Хорошо быть с ней рядом. Но некому унять ее тайную душевную боль. Нет его, он один, такой близкий и далекий, пересек ее жизненный путь. Она не сетовала на свою судьбу, не искала сочувствия.

— Не жалость, Феня, человеку нужна даже самая невыносимая минута, а простое внимание... — говорила Апполинария Алексеевна. — Когда любят — не жалеют, а помогают.

Полюбила Феня Апполину Цивилеву, полюбила и поверила ей.

Вечерами Апполинария Алексеевна уходила в поселок и возвращалась поздно. Феня догадывалась, что были это не просто прогулки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗАБАСТОВКА кончилась. Когда волнение улеглось и шахтеры, согласившись на предложенные условия, пошли в забой, грянула полиция.

Урядник Вальтер издал распоряжение, требующее не скопляться на улицах.

По поселку прокатилась волна арестов. Двадцать пять горняков-забастовщиков были забриты в солдаты. Среди них оказался и Петр Федотов.

В самый канун отправки Петра разыскал Карабутов, глянул в глаза сочувствующе, невесело усмехнулся и крепко тряхнул руку.

— Запомни, братишка: как отъедете — бегите. Все. К черту, в самое пекло, но только не на фронт! Поверь — война кончится таким неслыханным народным делом, что силенки нам и кровушка еще пригодятся. Как говорится: имеющий уши да слышит. Не зевай! Такие, как ты, ох как пригодятся!

Отъезжая, Петр насторожился, собрался внутренне, как боевая пружина на взводе.

В тусклом свете парафинового огарка лица конвойных солдат серы, скучны, будто писанные на плоских досках лики неизвестных великомучеников. Двое сидят молча, третий, помоложе, поет печальную, похожую на панихиду, песню. Поет невесело, раздумывая. Перед каждым встает родная сторона, тоска в глазах зазубушки, разудалая, хмельно отшумевшая молодость. А впереди, в багряных закатах — война.

К унтеру подсаживается усатый солдат.

— Песня-то из нашей деревни. Давнишняя.

— Почему же из нашей? — отзывается унтер. — По всему свету она ходит.

— С детства помню ее. Дед и отец певали...

Конвойные притихли, смолкли. Солдат достал из кармана измятое, не раз, видно, читанное письмо, повертел его в руках и несмело попросил:

— Почитай, что там пишет жинка...

Унтер читал медленно, по складам, вполголоса: «Здравствуй, Семушка, кормилец наш. Кручинимся по тебе, свет ты наш, денно и ночью... Исплакалась по тебе, истосковалась. Живем, слава богу, ничего. Накосила ноне сена, да вот подвезти не управилась. Хлебушка этим летом уродилось мало, да и то — откудава ему взяться-то: пахла, сеяла сама...»

— Известное дело, баба, — заметил сухопарый солдат и подвинулся ближе к грамотею.

«Ждем тебя — не дождемся. Когда-то ты возвратишься, — слышится снова глуховатый голос. — Вот дядя Емельян рассказывает, что скоро война кончится, а так, мол, не отпустят...»

Солдаты разом вздыхают и долго-долго молчат.

А поезд все идет, поскрипывают теплушки, кто-то богатырски всхрапывает, пахнет нематым человеческим телом, онучами. Где-то далеко в ночи пытит паровик и временами тревожно вскрикивает.

На станции Тайга стояли долго. У кого-то из маршевиков обнаружился злой до черта самогон. Разлив по оловянным кружкам зелье, один из бывших шахтеров предложил старшему по годам солдату:

— Пей, служивый, такое дело не часто случается. Солдат долго отнекивался, не брал.

— Самую малость, что тебе. Или не хочешь от нашего брата, — убеждал Петр. — Первачок что надо: выпьешь — из ноздрей дымок!

— Трусоват попался солдат, — заметил кто-то из новобранцев.

— Наливай, — сдался, наконец, сопровождающий.

Он лихо хватил огненную влагу, красиво, крестнакрест, вытер усы и потянулся за закуской. Друж-

но поддерживали его еще двое — солдат и унтер. Вторая ноша легче, без уговора, а третью солдат попросил сам:

— Наливай, сатана, — хлопнул он ладонью по спине Петра. — Ты думаешь, мы — кто? Сами мужики. То-то, брат! Наливай!..

«И не знают, для чего мы их потчруем», — не то с осуждением, не то с сожалением подумал Петр. Солдат разговорился:

— У меня вон жинка спрашивает: когда, мол, война кончится. Ты, мол, знаешь, воин! Пишет — хозяйство в расстройство пришло, рушится...

Самогона не жалели, и вскоре солдат прикорнул в углу. Голова его сиротливо свалилась набок, руки плетью свисали вдоль тела. Рядом с ним похрапывали товарищи.

— Ну, — тихо сказал молодому горняку Петр, — ни пуха, ни пера... — и он первым вышел из вагона.

Вышел и почувствовал что-то вроде раскаяния: сопровождающим придется держать ответ. Но долг перед копейскими — превыше всех христовых заповедей.

Ночью Петр был уже на коях.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КОНЕЦ февраля. Зима хозяйничает еще во всю, но сегодня из тайги тянет отсыревшим теплым ветерком. Петр идет не спеша, перебирая в памяти все, что виделось и о чем говорилось в этот вечер. Катя, милая Катя затишала его нынче к себе в просторный отцовский дом.

Померанцевы жили, как говорится, на среднюю руку. Глава семьи Гавриил Семенович работал на шахте районным десятником. Горняки его не то что уважали, а побаивались.

Сын Гавриила Семеновича Николай кайлил уголь на другой, соседней шахте. «Изведай тропки добытчика, вот тогда и станешь человеком», — говаривал Померанцев сыну.

Николай воротился с фронта вместе с другом, Семеном Краснощековым, тоже по ранению. В разговоре с горняками он часто намекал, что состоит в «самой передовой партии», читал на фронте листовки.

Отец не одобрял сына, как не одобрял и других, кто говорил неуважительно о старых порядках. Нового старик явно побаивался. Ему казалось, что у него своя, выверенная десятилетиями линия жизни. Эту линию он и детям втолковывал. Но с сыном за последнее время что-то неладное творилось. И вот в доме повеяло холодком — это сквозило во взглядах, в тоне скупых бесед. Мать — Матрена Ивановна — постоянно была настороже. Катя обычно принимала сторону отца, но он не любил этого. «Не суй нос в мужичье дело!» — одергивал ее Гавриил Семенович.

Старик встретил Петра холодно. Он знал об участии его в забастовке, об отправке на фронт, догадывался о победе. Знал, но помалкивал: как никак, а дочь на выданы.

Все сидели за большим, до желта выскобленным столом, под образами, с которых спускалось белое расшитое полотенце. У печки неторопливо, но ловко орудовала Матрена Ивановна, выставляя длинным ухватом чугуники. На нее лениво щурился с печки рыжий лохматый кот.

На столе сердито фыркал медный самовар. Чай

разливала Катя, и лицом и всей широкой фигурой напоминающая отца.

Не обошлось без спора и на этот раз.

— Все равно через год-два подымется революция. Война истомила народ, — сказал Петру Николай, искоса поглядывая на отца, сказал без веры, равнодушно. В его словах не было тепла, они были холодные, чужие.

Старик опустил голову над чашкой чая, засопел. Смолчал. Его раздражало все: и манера сына говорить напыщенно, и присутствие Петра, и даже горячий чай, поданный Катей. Он дул на кипятки, и седые усы упрямо топорщились.

Гавриил Семенович со звяком отодвинул чашку, откинулся на спинку стула, зло покосил глазами на сына.

— Всыпят по десятое число, как в девятьсот пятом... если я сам такое дело не спроворю. С нынешнего часа — хватит! Не болтай в дому черт знает что, всякие шальные слова не потерплю! А ты, Катя, что развесила уши? Шла бы вон, проводила парня... Мы с тобой, сынок, еще побалакаем.

Катя вспыхнула, прикрыла глаза вздрагивающими ресницами.

А на крыльце сказала:

— Не сердчай, Петя, на отца. Он добра хочет. Зачем путаться в чужое дело, пусть, кому терять нечего, революцию подымают.

— А мне, Катя, терять нечего, — сказал Петр.

— А меня?

— Тебя? Разве ты... если революция... разве я потеряю тебя?

Они стояли, слегка прижавшись друг к другу, такие близкие и такие чужие. Петр думал о своем, а Катя прислушивалась к сердитому рокоту голоса отца, доносившемуся через дверь.

— Запахнись, простынешь, — кивнула Катя и, коротко передохнув, отстранилась. — Иди, Петя...

Мягкий ветерок щекотал лицо Петра. Он тихо шел по узкой улочке, а из памяти не шли слова Кати: «А меня?»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СВЕРГЛИ царя Николая Романова.

На далеких сибирских коях об этом узнали на другой день, 3 марта 1917 года. Узнали из телеграммы комиссара Временного комитета Государственной Думы Бубликова, в которой он уведомлял железнодорожных служащих, что приступил к исполнению обязанностей.

Весть была поразительной, ошеломляющей. Все политические ссыльные были убеждены, что революция неизбежна, ее вызовет война и именно эта. Но все же молния ударила для многих совершенно неожиданно.

Свершилось! Торопливо, тревожно застучали телеграфные аппараты по всей Транссибирской магистрали, понесли удивительную весть.

На коях о случившемся узнали ночью. А утром... Утром на базарной площади стал собираться народ. На шахту прибежал в расстегнутой шинели запыхавшийся Семен Краснощеков. Пройдя к стволу, он потребовал от растерявшегося рукоятчика сообщить в шахту: по случаю революции всем подыматься на-гора. Магические, огненные слова «революция», «свобода» понеслись по темным сырým штрекам, останавливая людей на полушаге, на полувзмахе, опрокидывая недогруженные тачки, отбрасывая инструмент. Сильные, смелые слова!

Их всюду встречали восторженно. И навстречу им, как светлячки, замелькали огоньки шахтерских лампочек. Они стекались из всех закоулков в основной штрек и роем катились к подъему.

Здесь, у клетки, многоголосое гудело, смеялось, незлобиво переругивалось многолюдное шахтерское племя. Откуда-то появился недоумевающий и злой районный десятник Гавриил Семенович. Он закричал:

— Это бунт! Время военное, за такое могут и в кандалы.

На черном от пыли лице шевелились длинные, как у сома, усы, таращились округлившиеся глаза.

Петр протиснулся ближе и сухо проговорил:

— Отошло ваше время, Гавриил Семенович. Никто на работу не пойдет. Кандалами не грози, а то как бы... — и он показал на зумпф, заполненный черной водой. Сказал и тяжело умолк. Перед глазами встала Катя, ее лицо, тревожно приподнятое, и горький вопрос в глазах: «Нечего терять!.. А меня?»

Гавриил Семенович сразу обмяк, отошел в сторону. Петр почувствовал, что ему крепко жмут руку. Подняв выше лампочку, он увидел черное лицо Ивана Богачина. Но чувство какой-то смутной виновности не покидало Петра.

Поднявшись на гора, шахтеры потянулись к трибуне — шли и сами удивлялись: народу-то что привалило, народу. И голоса и лица будто враз изменились, незнакомо помолодели.

Площадь бурлила. Петр вспомнил разгневанный Байкал, бросавший крутые волны на береговой гранит, вспомнил и почти ощутил свежий ветер — баргузин. Вспомнил он и слова мичмана Карабутова, моряка с мятежного броненосца: «Доведется увидеть и не такую бурю. Ни богу, ни царю ее не унять!»

Довелось.

На площадь все вливались и вливались новые людские потоки.

Петр увидел, как Степан Лопатин, крепкий, худощавый, с белесыми глазами горняк, раздвигая толпу, нес трехцветное знамя, опрокинутое так, что белая полоса оказалась внизу, красная сверху. Это было символом революционного переворота. Другой, незнакомый Петру рабочий срывал белую и синюю полосы, оставляя одну — красную.

Петр оглянулся назад и тут заметил новую толпу. Люди смотрели как «снимают» царя.

На самом видном месте висел большой портрет «самодержца всея Руси». У портрета в замасленной одежде собрались горнорабочие. Молодой синеглазый паренек с большим белым чубом силится снять ненавистное изображение. Петр узнал в парне пикетчика Курагина, который когда-то заподозрил его в предательстве. Собравшиеся вокруг веселыми возгласами подбадривали паренька. А народу все больше и больше собиралось посмотреть, как молодой металлист механической мастерской Тимофей Курагин «свергает» царя.

Пришел, протиснувшись бочком и поджав сухую руку, Деренков. Его глаза хитро прищурены, белая борода ветерком сбита набок.

— Стаскивай, Тимофей, Миколку, засиделся, — поддразнивали парня.

Между тем митинг уже начался. На трибуну один за другим выходили шахтеры, говорили неприличные, неумелые речи. Каждый толковал о своем, наболевшем, выстраданном. Когда Петр протиснулся ближе, слово держал Иван Кудрявцев. Он яростно жестикулировал, речь его была полна

гнева и безудержного счастья. Слышали его в самых дальних рядах:

— Товарищи, граждане свободной России! Нет больше царя-душителя, нет ненавистного самодержавия. Русский народ стянул с себя вековое рабство. Но борьба рабочего класса не закончена, она продолжается, и впереди еще немало тяжких испытаний. Их мы преодолеем, выдюжим. Выдюжим ради замечательного будущего, ради великого — свободы!

Петр оглядывался и видел, как у соседа по морщинистым щекам текли крупные слезы. Хотелось крикнуть во всю силушку: Милые! Не верится, но это уже случилось!

Вглядываясь в группу людей, теснившихся на трибуне, он заметил Ивана Богачина, старого шахтера. Лицо его было сурово. Рядом с ним, за спиной Кудрявцева, стоял улыбающийся Василий Карабутов. Тут же кутался в поношенную солдатскую шинель Семен Краснощеков.

После Кудрявцева говорил Селикжанин. Он появился на коях в длинной военной шинели, аккуратный, подтянутый. Представился он фронтови-ком, но ходили слухи, что Селикжанин не воевал, приехал прямо из военно-фельдшерской школы.

Селикжанин поднял руку, склонил слегка голову и негромко заговорил. Но с каждым словом, голос его креп.

— Граждане, друзья, — сказал Селикжанин. На его плоском бледном лице было умиление. — Революция, которую передовые интеллигенты и рабочие ждали с великим нетерпением, совершилась. Твердыни русского царизма пали. У нас теперь республика. Желанная свобода над матушкой Россией расправила свои широкие крылья. Никакой враг теперь нам не страшен. Побьем германца! Верные союзническому долгу, будем продолжать войну до победного конца...

— Кто будет продолжать? Ты же на фронт не идешь!

Выкрик всколыхнул толпу, и она встревоженно загудела.

Селикжанина не дослушали, и никто не заметил, как он слез с трибуны, затерялся в толпе. Кто-то предложил избрать отряд для разоружения полиции. Среди выкрикиваемых имен Петр услышал и свое. Его назвал Иван Богачин. Начальником назначили Семена Краснощекова, и он, жилистый и ловкий, той же минутой прыгнул с трибуны.

ОТ ПОЛИЦЕЙСКОГО участка, в котором уже не было никого, вооружившись винтовками, отряд подходил к дому урядника. Вальтер вышел к горнякам в натальной рубаше и подтяжках. Он внешне был спокоен. Только по тому, как чуть приметно вздрагивали его старческие руки, можно было догадаться, что представитель уже несуществующей власти взволнован.

— Что вы хотите, господа? — спросил он твердым голосом и обвел всех холодным взглядом.

— Урядник нам нужен, а не мужик в исподней рубаше. Оденьтесь! — звонко предложил Краснощеков.

Урядник, словно от пощечины, оскорбленно вскинул седую голову и, шагнув за порог, прикрыв за собой дверь. Его терпеливо, даже вежливо ждали. Вскоре он снова появился на крыльце, теперь уже в полной парадной форме.

С площади докатывался приглушенный шум — там продолжался митинг. Ветер с той стороны, вот и несет шум-то далеко. «Ветер», — подума-

лось Петру, и он посмотрел на урядника. Вальтер стоял, тоже прислушаваясь к чему-то, но лицо его будто ничего не выражало.

— Именем революции предлагаем сдать полномочия и оружие! — властно потребовал Семен.

«Командует как надо!» — восхитился Петр и снова глянул на бывшее начальство. Тот, казалось, колебался еще несколько быстротечных секунд, потом на его властном лице появилась дряблая усмешка, и, отстегнув саблю к темляком, он с театральным жестом подал ее Семену.

И тут Петр вспомнил, как еще недавно покрикивал Вальтер: «Раз-зойдись! Запомняли: католажка по вас скучает». Сердце Петра налилось тяжелой ненавистью к этому старому, с дряблыми щеками, ничтожному человечку. Он шагнул вперед и рванул с его плеча погон.

— Господа... Прошу вас, не пугайте, жена больна...

Он склонил перед народом сивую голову, плечи его дрогнули. Урядник всхлипнул. Принадородно. Значит, в самом деле прошло-прокатилось и бывшем порастет старое, ненавистное.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВОКРУГ шахт от мелкой угольной пыли, сдуваемой ветром с эстакад и террикоников, неприятно, грязно. Но стоит выпасть ночью свежему снегу, как все вдруг преображается. А через день опять чернота, и опять снега, как по заказу, добела отстирывают землю.

Так было и в это молодое синее утро. На рассвете легким пушком оседал снежок, и все, куда ни кинь взгляд, вдруг изменилось, распахнулось в неоглядную ширь. Хмурый поселок вдруг заново вырядился. Снег большими белыми шапками лежал на воротах, свисал с крыш и наличников, покрыв кружевами изгороди. Выбеленные за ночь дома подпирали высокое чистое небо столбами фиолетового дыма.

Петр стоял на крыльце и смотрел за поселок, на тайгу. Там, над краем таежной земли, подымались, как два больших лебедя, облака, дымчатые, легкие. И снова, как в детстве, когда он пас стадо помещика Журавского, Петру показалось, что за горизонтом раскинулась неведомая страна. Поднимись выше, взвейся птицей — и увидишь ее.

Медленно подымалось солнце. Казалось, облака раздвигались, давая ему место. В широкую синь пролился радостный свет, отступили, рассеялись серые сумерки нового шахтерского утра.

Веселее стало на душе Петра, светлее как-то. И он подумал, что этот новый день несет ему, товарищам его счастье. Петр медленно зашагал по улице. Под ногами певуче поскрипывал молодой снежок. Петр шел навстречу подымающемуся солнцу, свету, и тихонько пела, разговаривала со всей землей его душа.

Несмотря на рань, на площадь уже собирался народ. Все кого-то ждали, поглядывали на дорогу, за речку. Петр еще не успел разузнать, что это значит, как Васятка Богачин звонко крикнул: «Идут, идут!»

Вдали, из-за поворота показалось красное знамя. Оно легонько развертывалось на легком ветерке. За ним появилось второе, третье. Впереди, блистая медью, — оркестр. На пригорке поднимались ряд за рядом колонны людей. Слышалась песня, на расстоянии слова были непонятны, но Петр уловил

ее напев — стройный, смелый — и узнал ее. «Вихри враждебные веют над нами...»

Кто-то положил тяжелую руку на плечо, Петр оглянулся — рядом стоял Карабутов. Он улыбался.

— Вот он, праздник, пришел! Идут анжерцы!

Они протиснулись вперед, навстречу подходившей колонне. Петр всматривался в людей, искал знакомых. Он то и дело слышал: «Товарищ». Это слово теперь звучало по-иному, с каким-то необыкновенно теплым значением, и каждый повторял его, радовался ему. Казалось, можно было из одного слова «товарищ» песню сложить.

Первые ряды вступили на площадь, стих оркестр, стихла недопетая песня. Слышался только шум множества голосов.

Петр и Карабутов не успевали пожимать руки, отвечать на приветствия знакомых и совсем незнакомых шахтеров. Тут же кучкой, немного обособленно, стояли инженеры. Они тоже были возбуждены, разговаривали между собой, вступали в беседу с рабочими. Горняки относились к ним настороженно, не чувствуя в них своих.

Не верилось и Петру, что вот этот высокий, с черной бородкой буланже, с дорогой папироской в слегка откинутой руке... не верилось, что забота о шахтерах привела его на площадь, в самую людскую гущу. Знал Петр этого инженера на шахте — там он не такой, неулыбчивый.

Опять, как и третьего марта, говорились речи. С трибуны выступали анжерцы и судженцы. Петр снова видел плоское бледное лицо Селикжанина, слышал его вкрадчивый голос. Долго говорил учитель Опенко, высокий, с залысинами на лбу, с высокомерным лицом. Он все поправлял воротник белой рубашки, трогал рукой красный бант на груди. Опенко слушали плохо, и он кричал, то краснее, то бледнее.

А на следующий день в школе заслушивались проекты приветственных телеграмм новому правительству. И тут Петр услышал, как раздались раздраженные голоса горняков: «Долой!» Один оратор, бледнолицый, с взерошенной шевелюрой молодой человек, видно, из приезжих, взволнованно доказывал:

— Нам подачек не надо, товарищи горнорабочие! Не надо уступок! Я говорю о том, что административная, желая ознаменовать, как они думают, переворот, ввела надбавку 25 процентов к заработной плате шахтеров. На самом деле это сделано, дабы успокоить рабочих, а там... вы сами знаете, что будет!.. Шахтеры, конечно, не забыли, чем кончилась забастовка шестнадцатого года — посулили надбавку, а потом наших лучших товарищей отправили на фронт, в окопы.

«Ну о прибавке зря это он, — рассуждал Петр, — не лишней будет». Он тут же подумал о своих квартирных хозяевах, вспомнил голых и голодных ребятшек. С прибавкой-то жалованья больше бы им досталось. Он по-прежнему не считал денег, ему они были ни к чему все-то, а тут рядом — нужда.

Рабочие подняли вопрос об отпусках, о выделении полей для посева, потребовали провести перекрепку выработок, чтоб предупредить завалы...

«Верно, — про себя согласился Петр, — перекрепка выработок необходима, того и гляди приткнет. Шатковато стало».

Его мысли перебил младший Померанцев.

— Ненасытная душа у нашего брата: дай, а ей все мало, — сказал Петру Николай.

Они сидели рядом, на одной скамейке. Закурив, Николай спросил:

— Ну чего еще требовалось? Царя спихнули? Спихнули. Свободы добились! Добились. Ну и живи да песни пой.

Он сплунул и вышел из школы.

Петр тоже не понимал всех требований горняков. Ему казалось, что сделано много, очень много — все то, за что бастовали рабочие в шестнадцатом, за что он был направлен на фронт. Этими мыслями он поделился с подошедшим к нему Иваном Богачиным. Молча выслушал его десятник, усмехнулся и, обняв за плечи, сожалеючи покачал головой.

— Эх, Петя! Помнишь, я говорил тебе о разных сердцах? Мол, одно — черстное и холодное. Холодное, как змея, а другое — ласковое и большое, все вместит. Помнишь?

— Не забыл.

— Ну вот. Человек с коварным сердцем попал в беду. Вот он и предлагает мягкому, ласковому: ты возьми, мол, то, что я у тебя с кровью выхватил, возьми не все, а немножко. Я знаю, ты доброе: остынешь и забудешь прежние обиды. Вот как. Не верь, Петя, обещаниям врага, особенно когда ты наверху, а он под тобой. Бойся: оправится он и положит тебя на лопатки — охнуть не успеешь!..

Петр скорей почувствовал, чем понял, правду этих слов. Опять этот Богачин вполслова сказал. И нет времени разобраться, обдумать как следует.

Каждый день шли митинги и собрания, и в ораторах недостатка не было. Говорили все, кто хочет, без регламента, предлагали, требовали, жаловались, поясняли, отчитывались, увещевая и доказывая. Выказывали, что было на уме и сердце.

События, закружились, как щелки в водовороте. Из рабочих создавались временные комитеты, порядком поддерживался избранной милицией — и лучше, чем это делали раньше стражники и урядники. При содействии делегатов Томской социал-демократической организации был создан Совет рабочих и солдатских депутатов. Организуются партийные ячейки. Ни одного дня, ни на один час работа копей не прекращается.

10 марта отмечался праздник революции, проводился общий митинг шахтеров Анжерских и Судженских копей, отслужена панихида по жертвам революции и павшим воинам. После молебна и речей тысячная толпа с красными флагами, музыкой и пением революционных песен прошлась по поселку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ТОМСКИЙ губернский исполнительный комитет сформировал техническую комиссию. В нее вошли представители от общества союза инженеров, исполнительного комитета, от юристов. Комиссия была направлена в Судженку, она должна обеспечить нормальный ход предприятий на будущее время.

Вместе с ней на копи с широкими полномочиями приехал направленный томским комитетом комиссар Федор Чучин. Это был среднего роста, с военной выправкой человек, с маленькой бородкой, в пенсне с золотой оправой, через которое смотрели серые умные глаза.

Перед отъездом из Томска к Чучину явились Прошковский и управляющие другими копиями.

Встревоженные, они говорили об угрожающем положении на копиях. Прошковский был обеспокоен больше всех. Со дня своего бегства, третьего марта, из Судженки он не смел показаться туда и панически умолял комиссара выручить его. Федор Чучин, поглядывая через пенсне, внимательно выслушал перепуганных людей и сдержанно обещал все уладить наилучшим образом.

Шахтеры Судженки произвели хорошее впечатление на Чучина. Никакого угрожающего положения, разумеется, на копиях комиссар не обнаружил — шахтеры работали в полную силу. Но поселок, как в котле, кипел — не удовлетворяясь достигнутым, горняки шли дальше, ломали старое, осточертевшее. Нет, нет! Все идет, как надо.

На копиях комиссара встретила группа инженеров и штейгеров. Вкрадчиво предложены были Чучину деньги для томского комитета РСДРП на издание партийной газеты. Чучин вспыхнул, хрустнув пальцами рук, он прошелся от дверей к окну и, подавив вспышку, перевел разговор на другое.

— Занятно, — усмехнулся он. — Я бы просил вас... инженеры, пересчитать нормы и оплату шахтеров. Не откладывайте перекрепку выработок.

Чучин умолк, и на каждом из них выставил свой пристальный, испытующий взгляд. Предложение же помочь деньгами газете он категорически отверг, усмотрев в нем попытку подкупить свободную партийную прессу.

На месте комиссия пополнилась. В нее были приглашены забойщик Иван Кудрявцев, несколько шахтеров, инженеры и управляющий Прошковский.

Комиссия поставила ребром простые, но кардинальные вопросы рабочей политики: о восьмичасовом рабочем дне, о жилищном и продовольственном деле, об отмене премий и штрафов, вычетов и сверхурочных работ, о рабочем контроле над производством, третейском суде и т. д.

Люди вдруг почувствовали в себе дерзкую непреодолимую силу, она подымалась на революционных весенних ветрах медленно, но решительно. Готовились к чему-то очень трудному, но неизбежно нужному.

Петр приглядывался, прислушивался, и перед ним с каждым днем раскрывались все новые и новые вопросы жизни. Были и сомнения. Тогда он шел к Богачину или к Василию Карабутову. Богачин по присущей ему манере говорил немного туманно, над каждым его словом надо было мозговать самому. Карабутов же горячо, восторженно рисовал завтрашний день, в его глазах негасимым огнем светились искорки, и они разжигали душу Петра.

— Круши, братишка, гнилое, это не так уж трудно, но и легкости пока не ищи: в гнилом падаются и крепкие сучки, можно зубы сломать!

Петр всюду видел Федора Чучина. Неизвестно было, когда он отдыхал: дни и вечера комиссар проводил на заседаниях и собраниях, выступал, спорил, принимал решения.

Федотов, не пропускавший ни одного собрания, часто видел этого беспокойного человека с маленькой бородкой и в пенсне. Вспыльчивый, горячий, но скоро отходчивый, он нравился Петру за ясный прямой ум, за твердую волю.

Однажды Петр познакомился еще с одним новым человеком, прибывшим из Томска. Приехал тот в апреле, почти через месяц после возникновения Совета. Худощавый, с тонкими красивыми, почти женственными чертами лица, с широким разлетом черных бровей и мягкими волосами, он сразу обратил на себя внимание. Человек зашел в Совдеп,

когда там был Петр, и, сняв мягкую шляпу, чуть картавя, сказал:

— Здравствуйте, товарищи.

Пожимая мозолистые шершавые руки рабочих, он отрекомендовался каждому отдельно:

— Рабинович. Михаил Рабинович. Направлен к вам, на копи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АПРЕЛЬ изменил все вокруг. Снег осел, подернулся серебристой ледяной коркой, пропитался синеватой водой. Небо стало шире, просторней, выше подняло белые рыхлые облака. Влажный густой ветер, казалось, можно было набрать в пригоршни и выпить.

Тянуло на улицу, под солнце. В полуденный час рабочие металлисты сидели на штабелях бревен, курили.

Михаил Рабинович легко прошел по двору, оставляя на снегу сиреневые следы. Присел тут же, на бревнах.

— Сядем рядком, поговорим ладком, — пошутил он.

На щеках его от быстрой ходьбы и свежего ветра заалел неровный румянец.

— Весна, товарищи. Весна, а? — воскликнул он, оглядываясь вокруг.

— Потеплело. Да и время уже, — отозвался кто-то.

— Потеплело. День, другой — и снега, как на сковородке, подтают.

— Ежели морозец не прихватит.

Слово за слово разговор налаживался. Потолковали о положении в России, металлисты заинтересовались заработной платой: Михельсон, дескать, денег не дает, семьи голодают. И что такое весна на тощий желудок.

— Крутая волна катится по России, ломает все старое и гнилое, а старое не хочет быть смытым, цепляется, как может. Михельсон понимает, куда клонится революция, саботирует, — тихо говорит Рабинович. Его слушают внимательно, доверительно.

— Производство в свои руки брать надо. Кто работает — тот и хозяин. Вот вы, товарищ, согласны?

Рабочий не спеша полез в карман за кисетом с табаком, задумался. Все ждали, что скажет их слесарь, что ответит.

— Думаю я, не обойтись нам без инженеров. А они на Михельсона поглядывают...

— Не все, — ответил Рабинович. — Многие стоят за ваши кровные интересы и пойдут с нами по одной дорожке.

Рабинович поправил густую прядь волос, выбившуюся из-под шляпы.

— Мы создаем, — говорил он тихо, — свои рабочие организации — профсоюз, свои партийные ячейки. Партий, как вам известно, много. В какую бы вы вступили?

Вопрос опять застал рабочего врасплох. Ответил он не сразу.

— В политическую партию пусть вступают господа разные, им привычно. Мы бы в свою, рабочую. А какая она?

— Она — большевистская, та, в которой состоит Ленин.

Долго шла беседа о Ленине. Рабинович растолковал, что ленинская партия — единственная, что

стоит за права и за дело рабочего класса. И крепко, неотступно стоит.

В этот весенний день в механических мастерских родилась партийная ячейка.

Через несколько дней совместное заседание Совета и союза служащих приняло резолюцию, признавшую деятельность высшей администрации копеей халатной к интересам рабочих, даже преступной. Было решено отстранить от обязанностей девять инженеров, в том числе и Прошковского. Управление копиями поручалось особому совету из семнадцати лиц. Об этом в Петроград была отправлена телеграмма с просьбой решить судьбу копеей, конфисковать их.

19 мая в «Правде» появилась статья Ленина. Она называлась просто и понятно — «Еще одно преступление капиталистов». В ней Владимир Ильич поддержал действия судебных шахтеров. Весть об этом быстро разнеслась по руднику.

Читали газету на тех же бревнах, во дворе мастерской.

Ленин приводил полностью текст телеграммы, той самой, что всего три недели назад была послана Судженским Советом в далекий Питер. И голос Тимофея дрогнул от волнения, когда он зачитывал этот текст, ставший частью ленинской статьи.

«Нельзя найти более правильного выражения, — читал дальше Курагин, — как то, которое употребил в этой телеграмме пославший ее Совет рабочих и солдатских депутатов и союз служащих: «преступное провокационное ведение дела» капиталистами.

И соучастниками этого преступления окажутся все члены Временного правительства, не исключая и якобы социалистических министров, если они будут продолжать «бороться» с надвигающимся крахом только резолюциями, комиссиями, совещаниями с предпринимателями, если они будут продолжать «слова тратить попустому, где надо власть (против капиталистов) употребить».

— Та-а-а! Вон куда дело-то поворачивается!

— А Рабинович-то нам тогда дело толковал, — проговорил кто-то.

— Ясно, надо самим брать за ум. Отобрать шахты — и все тут.

— Вон он куда метнул — «отобрать». А кто тебе отдал!

— Потому и говорит «отобрать», что сами не отдадут, — вмешался в разговор Курагин. Он озорно блеснул синими глазами, тряхнул чубом.

Газета пошла по рукам. Каждый хотел своими глазами увидеть ленинские строки, прочесть еще и еще раз, что Ленин, а значит и вся партия большевиков, за шахтеров Судженки. ...А над ними, маленькой группкой рабочих, высоко стояло молодое, горячее солнце.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В МЕСТЕ с Чучиным на копи приехала и его жена Александра, круглолицая, среднего роста женщина. Она легко и быстро сошлась с шахтерскими женами, пришла к им по сердцу. С первых дней Васильевна начала хлопотать об открытии курсов для рабочих, детских садов, об организации пролетарского драматического кружка.

Помогал ей Рабинович, делом и советом. Да только ли Васильевне!

На все события, на все просьбы, на все замечания Рабинович находил время откликнуться, сказать свое горячее слово. Узнав, что Александра Чучина

знает немецкий язык, он поделился с ней своим планом.

— Александра Васильевна, — уговаривал он Чучину, — надо выступить перед военнопленными, сказать им правду и обязательно на их языке.

Речь шла о работе австрийцев на шахтах. Совдеп добивался равноправной оплаты труда пленных, Михельсон упорствовал, называл это «германофильством», даже предательством. Истинная причина отказа, конечно, была другая: владелец не хотел лишних расходов.

— Пленные — это те же рабочие и крестьяне, — убеждал Рабинович Васильевну, и она согласилась поговорить с ними.

— А вы бы, товарищ Рабинович, помогли мне библиотеку для рабочих открыть...

Разговор происходил в доме Чучиных. Михаил часто заходил сюда, в маленькую и уютную квартиру, «отойти душой», как он говорил полушутя.

Васильевна рассказывала, с какой жадностью набрасываются на книги шахтеры, а где их взять? Многие ходят к Деренкову. Чтобы к его книжному богатству открыть доступ для всех...

— Был я у Деренкова. Сверх ожидания, он оказался несговорчив. Как я ни бился — ничего не получилось, жалко ему с книгами расстаться. — Чучин нервно поправил пенсне и, сомкнув руки замком, хрустнул пальцами.

Рабинович знал этот жест. Он всегда предшествовал вспышке, и Михаил торопливо погасил ее:

— Ничего, Федор Григорьевич! Уступит, не так уж Деренков! Слишком дорога ему библиотека, чтобы отдать ее нам сразу. Я поговорю. Вот увидите, уступит!

Рабинович сидел в своей привычной позе, склонившись над столом и подперев рукой щеку.

Зашел Петр. Он смущенно топтался у порога, боясь, что помешал разговору.

— Проходи, проходи, товарищ Федотов, — ободрил его Рабинович. — Ну, как у тебя дела?

— Список принес. Почти все шахтеры вступили в профсоюз.

Петр передал исписанный листок бумаги и сел на стул. Рабинович внимательно читал, уточняя о каждом: кто он, давно ли работает, какая семья, в какой партии состоит.

— Ты с купцами не дружишь, товарищ Федотов? — вдруг спросил Рабинович и засмеялся весело.

— Нет, товарищ! Не дружу. Что они меня хлебом кормят?

— Не кормят, разумеется. Но сегодня пойдем с вами к одному за пищей... духовной. Вместе с вами пойдем. Хорошо?

— Пойдем, коли надо.

Вечером Рабинович и Петр подходили к двухэтажному дому Деренкова. Впереди шел Михаил, за ним неохотно вышагивал угрюмый Петр. «Черт знает, чего ему надо, этому Рабиновичу. Будто на званый обед к родственнику спешит. Ишь, и поет что-то себе под нос», — думал удивленный Петр.

Деренков встретил гостей радушно. Он хитровато поглядывал своими серыми невинными глазами на них, и, поджав сухую руку, отнесясь поклоном, просил проходить в передний угол.

— Чем вас угощать прикажете? — осведомился он и посмотрел на кухню, где возились у печки женщины. В его двухэтажном доме было уютно илюдно: вместе с ним жили три сына, три снохи, были уже внуки.

— От чайку не откажемся, Андрей Степанович. Вот и товарищ Федотов мне говорит: зайдем, мол,

к гражданину Деренкову, все равно вечер некуда убить.

Петр только покосился на Рабиновича.

— А что ж, чайку можно, пожалуйста!

— Если, конечно, не стесним вас, Андрей Степанович!

— Какое там стеснение, рады, рады...

За чаем Рабинович был весел, разговорчив. Он рассказывал о том, как в ссылке ходил с товарищами собирать кедровые орехи.

Помешивая ложечкой в стакане, он незаметно перешел на другую тему, рассказал о своем отце, говорил о революции, о рабочем классе, о том, что ему выпадает на долю строить новую жизнь. Строить впервые, заново. А этому ведь надо учиться, не так ли?

Да, без науки нельзя, согласно кивал Деренков. Правда, на Руси не перевелись грамотные люди, умные и преданные народу, они бы и взялись за привычное дело — перестройку жизни. А сколько их на Руси, боже мой!

Рабинович и с этим соглашался: есть, разумеется. И много их, но, к сожалению, не все они правильно понимают значение и роль в этом пролетариата. Хозяин-то ведь народного добра он, рабочий человек, стало быть, он хозяин и своей собственной судьбы.

А что касается умных людей на Руси — их немало знал Рабинович. Многие вышли из гущи народной и горой стояли за правое дело. Взять, к примеру, Максима Горького. Какой замечательный писатель!..

Деренков насторожился, отставил чашку чая, погладил свою реденькую бородку. Выжидательно смотрит на гостя. Рабинович будто и не замечает этого испытующего взгляда, не спеша, ровно рассказывает о Горьком такое, о чем впервые слышит хозяин. Петр с большим интересом вслушивается в разговор собеседников. Оба умные, знающие жизнь, но по-разному к ней относящиеся.

— А кто поднял до сияющих вершин гений этого человека? Жизнь и книга! Великое сокровище человечества, его самое удивительное создание! Разве не так, Андрей Степанович?

Деренков кивнул головой, задумался. Сколько он видел интересных людей на своем веку, сколько слышал от них страстных речей, новых суждений. И вот перед ним сидит еще один, несомненно, хорошо знающий жизнь и по-своему ее воспринимаящий. Это был умный, смелый человек, широкий во взглядах. И во многом он прав. И то, что Рабинович образован, вежлив и страстен, и особенно то, что он хорошо отзывался об Алексее Пешкове, а с ним у Деренкова связана целая полоса жизни, — по всему этому, вероятно, проникся уважением Деренков к известному на кофях большевику. А может, душевный глуховатый голос, убежденность в своей правоте, — может, это заставило потянуться всем сердцем к Рабиновичу.

— А справится ли один, этот класс-то? Работать, создавать он может, а вот управлять государством ему, кажется, не приходилось!

— Не приходилось, верно, — говорит Рабинович. — А приведется обязательно, к этому идет дело. Вот возьмет рабочий человек власть в свои руки и пойдет в школы, библиотеки, во дворцы, куда его раньше не пускали, и... вы, Андрей Степанович, слышали, что мы собираемся открыть библиотеку и, видимо, догадываетесь, зачем пришли к вам.

Наступила тишина. Петр посмотрел на Рабиновича.

ча, спокойного и невозмутимого. На его щеках горел нездоровый румянец. Он красными пятнышками прожигал щеки. Тонкая рука подпирала щеку и, казалось, он думал о чем-то своем. Петр перевел взгляд на хозяина. Деренков не мог скрыть волнения. Он то и дело поправлял свою сухую руку, теребил бороду и в свою очередь переводил взгляд на Петра, не проронившего за все время ни слова, то на своего страстного собеседника.

— Мы можем, конечно, обойтись и без вашей библиотеки, может, не сразу, не так уж быстро, но соберем свою, Андрей Степанович, — снова заговорил мягко Рабинович. — Но что же вы в таком случае положите на алтарь народный? Ведь судьба простого человека повернулась туда, куда направляли ее столько лет, ценой каких жертв лучшие люди России! История спросит каждого из нас: «А ты где был? Что ты сделал такое?»

— Возьмите! — Деренков встал. — Отдаю. — И тише, как бы извиняясь, сказал: — Только прошу выдать мне сохранную расписку.

— Выдадим, разумеется, — Рабинович повеселел.

Уходили из гостей довольные и Рабинович и Петр. У Петра вдвойне возросло уважение к этому человеку.

А немного позже Петр видел его снова на митинге по поводу открытия большевистского клуба и библиотеки при нем.

Открыли свой клуб и социал-революционеры.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

АПОПОЛИНАРИЯ Цивилева познакомила Нюру Лопатину с Чучиной. Васильевна ввела Нюру в новую кипучую жизнь. С этого времени у Лопатиной мало оставалось времени на беспокойные думы о Василии Карабутове, образ которого еще с лета вошел в молодое нетронутое сердце девушки.

Нюра впервые увидела Василия перед забастовкой шахтеров. Как-то брат Степан сказал, чтобы она тихонько оповестила товарищей о сборе в их домике. Нюра охотно это сделала и с часок посидела у подружки. Когда она возвратилась домой, от Степана люди уже расходились, и только широкоплечий крепкий человек что-то тихо доказывал Степану. Потом он поднялся, не спеша оделся и только тут взглянул на Нюру. Его серые с шаловливыми искорками глаза задержались на порозовевшем лице девушки. Она опустила голову, дрогнули ее крылатые ресницы. Улыбаясь, он протянул ей жесткую ладонь, крепко, по-мужски пожал робко поданную Нюрой руку, сказал:

— Вот она и будет связанной. Хороший помощник!

Нюра смотрела на него с наивным любопытством. Она не придавала этой встрече никакого значения.

Но время шло, а человек в синем пальто, с мохнатым шарфом на шее стоял перед ней и говорил так ласково, так задушевно хорошо:

— Аннушка моя, как ты мне нужна. Я очень, очень скучаю по тебе и не могу без тебя забыть-ся ночами. Ты хорошая и знай: мы будем вместе, как две березки, что стоят у тебя под окном. Так же неразлучны, светлые, как они весенней порой...

Но это говорил не он. Говорило за него Нюрино воображение. А он... нет, бесталанная, он не заметил тебя. Ты ведь совсем еще девчонка, сем-

надцатый год пошел, а ему, Василию Карабутову? Нет, не для тебя он, Нюра!

Почему же не для нее? Любовь не разбирается в годах. Вот пришла и не хочет ничего знать.

А он и не замечает ничего. Даже когда приходит к Степану. Неужели он не приметил сероглазую девушку?

Работа с Васильевной будто приглушила эту неизбывную тревогу. Агитация среди шахтеров за открытие детского сада, наконец, создание его и работа в нем связаны у Нюры с ощущением ослепительно яркого света. А разве можно забыть, какими словами с высоких копеечных трибун лучшие ораторы рассказывали шахтерам о близком будущем.

Нюра вспомнила одно выступление Михаила Рабиновича. Запомнила слово в слово — так он говорил просто и вместе с тем необыкновенно:

— И не дело, чтобы наши дети росли в сырых и душных каморках, среди сивушного перегара и табачного дыма, цепляясь за грязные подолы своих матерей, слушая брань озлобленных и усталых отцов, постоянно глотая вместе со скудной пищей шахтерскую угольную пыль...

Нюра и сама знала, что положение с жильем на копейках ужасное. Люди ютятся на запасных путях в вагонах-теплушках, в легких дощатых плохо отапливаемых бараках, разделенных тонкими перегородками на крохотные убогие каморки. В каждой каморке по две семьи — взрослые, старики, дети. Спят на нарах или под нарами в палатку — мужчины, женщины и ребята, холостые, женатые и подростки. В сумеречных квартирах чадят сальные свечи и керосин, новые коптилки.

Тяжело живет шахтерам. Заработная плата выдается с просрочкой, дороговизна растет не по дням, а по часам, товаров в кооперативной лавке мало, обесценились деньги, подвоз продуктов из деревень сократился.

Какое уж тут воспитание детей в шахтерских семьях.

Нюра с волнением примечала, что речи ораторов горняки слушали внимательно, утвердительно кивали головами. Но многие не верили.

— Как это можно с пяти лет ребенка в школу или, там, в детский сад вести, если он даже и за нуждой не может как следует сходить? Учитель что-ли за ними убирать будет? Смешно право!

С детским садом пришлось крепко похлопотать. Васильевна и Нюра облазили все квартиры служащих. Ничего подходящего. Наконец, одна квартира многосемейного коммуниста приглянулась. Стоит далеко от шахты, от угольной пыли и грязи, на зеленой лужайке. Выметайся, товарищ, подобра-поздорову, здесь разместится сорок ребят-дошколят.

Сказано—сделано!

Но тут опять новые трудности. Воспротивилась администрация: дорого будет стоить ремонт, не на что содержать работников детсада, на оборудование нет денег.

Вопрос выносится на общее собрание рабочих. Шахтеры гудят в один голос: «Даешь детский сад!» И это уже — один из пунктов, занесенных в общий список требований, предъявленных Михельсону делегатами от рабочих. Прочтя его, хозяин зло и едко улынулся. Он спросил старого шахтера-делегата: «И это тоже ваше требование?» Тот сконфузился, замаялся...

Тем не менее, детский сад оказался в числе требований, удовлетворенных хозяином. Васильевна и Нюра торжествовали.

Дело стало продвигаться быстрее. Плотники, внимательно выслушивая советы Васильевны, стараются сделать все получше, поуютнее. В мастерской готовятся необычная мебель: маленькие стульчики, низенькие столики, ящики-столы для песка, сотовые шкафчики, палочки для лепки и самая интересная для ребят штука — строительный материал: кубики, цилиндры, треугольники. Все эти фигурки ярко раскрашены.

Васильевна, встретив в Совдепе военнопленного чеха Антона Гая, уговорила его сделать для детей игрушки. Невысокий, ладно скроенный мужчина с красивым и мужественным лицом стоял перед ней и радостно улыбался. Он слушал ее и говорил: «Это хорошо, это хорошо». А через два дня она зашла в мастерскую, и Гай подал ей нарядные игрушки.

— Хорошо! — одобряла его Васильевна.

— О, хорошо, хорошо, — улыбался он, — еще много будет.

Антон Гай появился на коях позже военнопленных австрийцев. Появился он как-то незаметно, и тоже на правах военнопленного.

Военный санитар, он часто наведывался в больницу к Апполинии Цивилевой, получал медикаменты и, поговорив часок-другой, уходил в казарму. Возвращаясь он не с одними лекарствами, другой, сильно действующий бальзам приносил Антон пленным — идеи Ленина.

Среди пленных Антон Гай пользовался большим уважением, к его словам всегда относились внимательно. Особенно сдружился он с австрийцем Максом.

Когда над Сибирью взвилось революционное пламя, Гай и Макс восторженно приветствовали его.

— Путь на родину каждого из нас лежит через русскую революцию, — говорил Гай. — Только она положит конец народному кровопролитию.

Гая и Макса часто видели в Совдепе. Оба горячились, доказывая несправедливость низкой оплаты военнопленным.

— Кто нас загнал в окопы? — спрашивал Макс совдеповцев и отвечал: — Наши капиталисты. Кто русских загнал в окопы? Ваши капиталисты! Кто нам не хочет платить честно за такую же работу, которую выполняют русские углекопы? Ваш Микельсон!

При этом он зажимал один за другим пальцы и бросал взгляд на Гая. В ответ на каждый зажатый палец Гай кивал головой и улыбался.

Совдеп был на стороне военнопленных. 20 июня 1917 года он принял решение о равноправной оплате труда военнопленным.

Почти за месяц до этого, после майского митинга, на котором Васильевна выступила перед военнопленными на немецком языке, Гая принимали в партию. О, это было не просто! А случилось так. На шахте шло собрание. Сюда и пришел Гай. Он прошел к столу и положил исписанный листочек — заявление. В заявлении Гай писал: «Нам стало известно, что на коях, где мы работаем, организуются ячейки РСДРП, а мы, как интернационалисты, хотя и военнопленные, не можем остаться в стороне от революционного движения рабочего класса России».

Горняки внимательно слушали заявление Гая.

— Надо принять, — раздались голоса.

Присутствовавший на собрании Селикжанин насторожился. Он поторопился выступить с разъяснением, что принять его в партию как пассивного нельзя, а «активного права дать ему не можем».

— Что это — активный, пассивный? — спросил Карабутов Селикжанина.

— На учете он может состоять, — вкрадчиво заговорил выступающий и смахнул пот с плоского лица. — А избирать и быть избранным не может, как гражданин воюющей с нами стороны.

Встал Михаил Рабинович. Он поправил тонкой кистью руки темный хохолок волос, сползающий на лоб, обернулся к горнякам.

— Вы только что, перед этим «разъяснением», слышали иное выступление Селикжанина. Правда, он много ссылаясь на Чхеидзе и ни разу не назвал другого имени — Ленин. — Горняки загудели, зашкрипели скамьями, кто-то шикнул, и снова все стихло. — Но, между прочим, здесь называли известный всему миру лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Как видите, Селикжанин не признает его, толкует нам обратное...

— Довольно канителиться с ними, пора развешиваться, вскочил со своего места Семен Краснощечков. — Говорили же, разделиться нам надо с та-кими... путаются под ногами...

Селикжанин опять взял слово. Он говорил, что это раскол партии, что только в единении сила, всякое расчленение лишь на руку буржуазии...

Гая приняли в партию, а в середине мая ушли из ячейки Селикжанин и его группа. В большевистских ячейках провели перерегистрацию своих членов.

Так, сразу же после крушения русского самодержавия Антон Гай включился в активную работу большевиков на коях. Открыть курсы рабочих? Правильно, он за это, надо учиться. Создать детский сад? Очень хорошо, он, Гай, поможет, как умеет...

...Наконец настал знаменательный день. Приводили детей отцы и матери с запиской от шахтного бюро. Встречали их Чучина и Нюра, взволнованные и радостные. Заходили и те, у кого в записках указывалось, что они являются вторыми, третьими и следующими кандидатами...

Особенно хорошо, празднично было на душе у Нюры. Она так кстати подошла к новому делу, к саду, к копейским детям. Серьезная, отдающая себе отчет в каждом шаге, она как бы нашла то, что не хватало ей самой, рано осиротевшей и одинокой. Дети, чувствуя ее искренность, льнули к ней, быстро и крепко привязывались.

Шахтеры часто по одиночке и группами после работы забегали в сад посмотреть. Многие приводили своих знакомых, у которых вовсе не было детей. Слава сада росла. О нем говорили теперь даже на рабочих собраниях как о большом культурном достижении.

Как-то заглянул в сад рабочий металлист. Женщины поделились с ним, что они не могут приобрести для детей молотки, нет средств. Рабочий ничего не сказал. Глядят — а на другой день он, сияющий, принес двадцать молотков и, довольный, рассказал, что всю ночь сверхурочно и бесплатно проработал. Вот только жаль, что они без ручек, но в слесарной деревянных не делают.

— Ничего, ручки, как-нибудь мы сами смастерим, — заверила его Васильевна.

Вместе с ним при этом разговоре присутствовал его товарищ деревообделочник. Он улыбнулся и промолчал. В следующий раз он принес двадцать деревянных ручек.

ВКЛУБ на лекцию для женщин Нюра пришла рано. В большой чистой комнате с узкими окнами собрались пока одни девушки. Александра Васильевна еще не пришла. Она должна выступить с лекцией — «Женщина при социализме». Послушать Васильевну было интересно. Как жила женщина при капитализме — понятно, а вот каково ее место в новом обществе — не укладывается в голове.

Маленькая пухленькая девушка, постукивая кулачком о край стола, с жаром говорила:

— Я никогда не стану зависеть от мужчины. Не верите? Отдам все силы на то, чтобы строить новую жизнь, такую красивую, такую сказочную, такую... ну, необыкновенную...

— А если влюбишься? — спросили ее, и все засмеялись.

— Я в нее не верю, в любовь-то! — заявила она и тряхнула головой с тяжелыми косами.

— Чудачка ты какая-то, — сказала худенькая и черная, на удивление красивая Сонька Синельникова. — Ну разве проживешь без этого...

Девушки разом повернулись к Соньке. Все знали, что Сонька часто увивается вокруг парней и всегда сокрушенно говорит подругам: «Удивительные дела, девушки: и Сашка хорош, и Васька, и этот беленький, а кто из них лучше — не знаю. Может, Тимофей Курагин?»

Тимофей Курагин нравился многим. Он был из тех, кому, кажется, легко идти по земле. Он сильнее всего на свете любил мать, песню и жизнь. Мать Тимофей любил неуклюжей, стеснительной любовью взрослого, крепкого сына, говорил с ней немного грубовато, но ее сердце слышало, понимало, что за этим скрывается безмерная, теплая сыновья любовь. Тимофей один был у нее, и она не чаяла в нем души, не могла представить жизнь без него, без этих синих, по-девичьи открытых глаз, из ясных глубин которых светит радость, без его песни.

Песня неотступно ходила за Тимофеем в любое время — и тогда, когда солнце заливало потоком света и тепла всю землю, юную и горячую; и тогда, когда надежды затягивало холодным, липким до омерзения туманом. Песня как бы вела парня по жизни.

Ну, а жизнь... Что можно о ней сказать, кроме того, что уже сказано этим коротким вместительным словом. Это жизнь! Она соединяет в себе все — и мать, маленькую, в черном полушалке, и песню, и борьбу, и солнце, и еще что-то необъяснимое...

— Без чего — без «этого»? — задали Соньке вопрос.

— Ну без этого... без любви.

Пухленькая девушка совершенно серьезно ответила:

— Что ж тогда? Откажусь от любви ради спасения свободы.

— Если так все будут рассуждать, то людей на свете не будет, — возразила скромная, тихая девушка лет двадцати двух с безропотно-печальными глазами. Держалась она всегда от подруг в стороне. Говорили, что у нее погиб на войне жених и она не могла привыкнуть к мысли, что он никогда не вернется.

— Как не будет людей? Обязательно будут, — категорически заявила Катя Померанцева, — на то мы и живем.

Катя Померанцева в глубине души была обижена на то, что подошли критические годы, а выбора нет. До революции она, как и Сонька Синельникова, мечтала выйти замуж за человека самостоятельного. Времена переменялись, и она полюбила простого шахтера. А полюбила ли? — она и сама не знала.

Одна Нюра не вступала в разговор. Она думала о сильном веселом человеке со щербинкой. Ее мысли текли по странному пути. Ей хотелось встретить молодого ласкового парня. Парень тот был почему-то похож на Карабутова. И как-то незаметно выпал парень из сердца девушки, и его место властно занял Карабутов.

— Все это ваши выдумки, будем работать и любить, — смело заключила печальная девушка, потерявшая жениха.

— Ну уж если сильно полюблю... Но все равно буду самостоятельной, — сдалась девушка. — А когда замечу, что любовь прошла, что мной тяготиться стали — уйду. Новая женщина будет гордой и смелой.

Нюрино сердце сжалось от обиды за свою безответную любовь. Где же ее гордость, где ее смелость? Где? А что такое девичья гордость? Разве она, Нюра, сказала о своей неразделенной любви кому-нибудь, пожаловалась? Разве принесла покорно свое сердце, измученное любовью, человеку, и он отказался?... Нет, ведь! А счастье? Кто же его не хочет!

Она не заметила, как вошла Васильевна. Все стихло. Началась лекция.

Домой Нюра шла одна, шла медленно и думала: «Как наивны наши девчата. Совсем не так будет жить гордая женщина нового времени. Она встанет в ряд наравне с мужчинами вот так, как Александра Васильевна, Феня, Апполинария Цивилеза».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

М. Небогатов

РОДНЫЕ ПРОСЕЛКИ

Асфальта жаркая смола
Пахнула чадом и застыла.
Глядя — дорога пролегла.
Светла, привольна. Любо-мило!
Привык я к блеску площадей,
И все же в сутолоке дней
Иных дорог не забываю.
Большая радость — пронести
Сквозь все заботы и тревоги
Любовь к отцовскому пути,
К простой проселочной дороге.
Один ее знакомый вид
С тысячелетней прахом-пылью
Так много сердцу говорит,
Такою русской веет былью...
Она ползет среди полей
То в черноземе, то в суглинке.
Темнеют трещинки на ней,
Как на родном лице морщинки.
Не знали деды и отцы

Про мостовые и панели...
Здесь грустно пели бубенцы
И кандалы в пыли звенели.
В глухие годы, в дни невзгод
С мечтой о светлых куцах рая
Гудел печально крестный ход,
С надеждою Христу внимая.
Ступали лапти в эту пыль
И кривобокие обутки.
Стучал здесь посох и костыль.
И плач звучал, и прибаутки.
Вот шрам глубокий — колея,
Где по рейейнику густому
Тень партизанского ружья
Скользила в знойную истому...
Проселки милой нам земли!
Не зря, не зря вас пролагали.
В какую даль от вас ушли
Прямые наши магистрали!

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Усталость — не помеха.
И ужин позабыть.
С крылечка россыпь смеха
Замачиво звенит.
Уж ночь. До сна ли юным,
Когда, как днем, светло!
Тропинка в блеске лунном
Вводит за село.
Там спят стога. Их тени —
Черней самих стогов.
Средь ночи в отдаленье
Отчетлив звук шагов.
Хрустит под сапогами
Промерзлая листва.
А щерки — словно пламя,
А кругом — голова...

Украдкою взглянула:
Заметил? Нет, едва ль.
Духами опажула,
Закутываясь в шаль...
На белой стежке росной,
Темнея, след пролег.
Мерцает папиросный
Уютный огонек.
Идут как вешним садом,
Храня мечту одну,
И смотрят долгим взглядом
На близкую луну.
Гордится парень втайне,
Ступая по стерне:
«А вымпел на комбайне
Видней, чем на луне!»

А П Р Е Л Ъ

Мокрый снег сочится под
 подошвой.
А сверху над самой головой
Самолет незримый
Белой прошвой
Полосует купол голубой.

Гул не слышен, только
отголоски
Запоздало гукают вослед..
Здравствуй, солнце!
Здравствуйте, березки!
Здравствуй, вольный свет!

Ц В Е Т Ы

Вбежал сынишка с улицы—
Уж так он рад весне!
Букетик одуванчиков
Протягивает мне:
— Цветы уже! Хорошие!
Еще не видел ты?

Как маленькие солнышки,
Горят в руке цветы.
А я смотрю на малого,
Цветам не столько рад:
Светлее одуванчиков
Глаза его горят!

Владимир Измайлов

О КАЧЕСТВАХ

Вода податлива, упруга,
Но след трудов ее хранит
Песчаник, что струей оструган,
И полированный гранит.
Алмаз...
В любом его кристалле
Таких глубин спрессован жар,
Что режет он любые стали.
А вот — не прочен на удар!
Подчас той истины не хочет
Ни ум понять, ни видеть глаз:
Мягка вода, а камень точит,
И тверд, но колетса алмаз...
А человек... Он должен сразу
В любой беде, в любом труде
Быть равным твердостью алмазу
И неустанностью — воде!

Александр Маленин

ЗА РЕКОЮ ЗА УСОЮ

В синей дымке за Усою
Утром в тихие часы
Гнутся травы под росой,
Раздается звон косы.
Ярче молнии горя,
Валит в пласт траву густую
Взмах удалый косаря.
Жало синее сверкает —
На заре косить легко —
И роса с косы стекает,
Как парное молоко.

❄ ❄ ❄

В котлован с застывших
веток белых
Осыпает кружева мороз.
Если лом звенит в руках
умелых —
Что он значит, тот
промерзший лесс?
Не вредит здоровью воздух
чистый,
Ветер, обжигающий лицо, —
Я такой же, как и лом,
сталястый
И кален не худшим
кузнецом.

НОВЫЕ СТИХИ

С. Торбоков

РАЗДУМЬЕ

Молчат, призадумались горы.
Но снова — в который уж раз —
Я слышу немые укоры:
— Зачем позабыл ты про нас?
Родные мои, не корите!
Не мог я забыть вас, не мог,
Хоть нет уже силы и прыти
Взобраться на дальний отрог.
Ни вами, ни мной не забыто,
Что было минувшей порой,
Как резвому мне, следопыту,
Был соболь доступен любой.
Года прошумели и скрылись...
Другие анчи*) на виду.
С годами и вы отделились.
Теперь я до вас не дойду.
Не сетуйте, други, не надо,—
Два раза не быть молодым.
Мы рады цветению сада,
Где жить поколениям другим.

*) Анчи — охотник

СОЛНЦЕ

Недолго ты, солнышко,
спишь за горой,—
Особенно светлой июньской
порой, —
В реке искупнешься,
вздремнешь полчаса—
И снова обходишь поля и леса.
Сияешь, горишь, не жалея
тепла,
Чтоб жизнь на земле
хорошела, цвела,
Чтоб рожь колосилась и луг
заливной
Травой покрывался, вбирая
твой зной.
Зимою, когда забелеют снега,
Твои ароматом повеют стога.
Разрежу буханку, вина
я налью—
И вспомню могучую силу твою.
Пусть не обидится тот
аксакал*)
Кто партию солнцем впервые
назвал,—
Хочу повторить я сравненье
его.
У партии с солнцем
большое родство!

Перевод с шорского
М. Небогатова

*) Аксакал — народный певец

В. Махалов

ТРОПКА

Не тихо, не торопко
По буграм да увалам
Бежит куда-то тропка.
А где ее начало?
Об этом неизвестно
Даже самым мудрым.

Схожа тропка с песней,
Рожденною утром.
Тропкой люди связаны,
Простые и славные.
И в том — ее обязанность
Самая главная.

О СЛАВЕ

К сединам приходит слава,
Как отблеск юной зари.
К сединам приходит право
О сделанном говорить.
Но дело совсем не в славе.
Мне хочется для других

На этой земле оставить
Хороший и честный стих.
Чтоб весь он — в каплях
пота —
Светился гордым огнем,
Простое слово «работа»,
Чтоб видели люди в нем.

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

У окошечка очередь длинная —
Будто первой торгуют малиною,
Будто счастье пудами
отвешивают,
Будто ждут чего-то нездешнего.
У мужчины, мне незнакомого,
Брови болью большой
изломаны,
А в глазах — одно ожидание
Неназначенного свидания...
Ну а рядом — совсем
счастливая
Чья-то молодость
нетерпеливая,
Ей самой судьбой предназначено

Счастье брать в ладони
горячие...
А потом они шли по улице,
И мужчина устало хмурился.
И девчонка была растеряна —
В счастье верила и не верила...
Мне бы к ним подойти
непрощенно
И сказать им слова хорошие,
Но стеснительность
обязательная
Помешала мне быть
внимательным.
А ведь эти стихи запоздалые
Там искали свое начало-то.

ДНЕВНИК

Я был примерный ученик —
Не знал оценки «три».
Красноречиво мой дневник
Об этом говорил.
В нем был пятерок строгий ряд,
И я привык считать,
Что мне поставлено не зря
По всем предметам «пять»...
И вот спустя немало лет
Среди стихов и книг

Нашел я в письменном столе
Случайно свой дневник.
Как летопись далеких дней
Я стал листать его.
И так неловко стало мне,
Не знаю отчего...
Совсем, наверно, неспроста
Я понял в этот миг,
Что в жизни «двоек» нахватал
Примерный ученик.

В. Рудин

ПОЛОВОДЬЕ

Рассказ

Вода прибывала.

Вот уже некоторые сутки шелест мелкий майский дождь, и где-то далеко в горах под этими теплыми струями расплзался снег — застарелый, зернистый.

Запань чуть поскрипывала под напором бревен. Их не успевали выкатывать из воды: стремительное течение бросало на запань десятки, сотни новых комлей.

Еще со вчерашнего дня люди на берегу засуетились. Как передавали, в верховьях река уже поднялась почти на три метра. Если вся масса воды дойдет сюда — не миновать беды: запань окажется под водой, и ничем не сдерживаемый лес ринется вниз по течению. Лес — десятки тысяч кубометров, вся зимняя многомесячная работа.

От того, что вода прибывала, а дождь шелестел и шелестел, все муторнее становилось на душе у Виталия Мякишева, у «Витьки-доктора» — невысокого плечистого парня со скуластым решительным лицом.

...Тревожно оглянувшись на пенные волны, он, уперев багор в комель бревна, ловко толкнул его на медленно вышедшую изпод воды звездочку лесотаски. Виткин напарник грузин Гиго, стоявший по другую сторону пощелкивающего конвейера, подхватил бревно багром, чуть подправил его, и огромный ствол лениво пополз по желобу. К самым верхним штабелям. А Витька, все так же тревожно оглядываясь на бившуюся у ног воду, уже ловил другое бревно, а

за ним по стремительной воде наплывали десятки, сотни. Только бы выстоять!

На подаче у головки лесотаски Витька стоял с весны.

Первые две недели работа давалась тяжело. По ночам ломило поясницу, гудели натруженные руки. Потом это почти прошло — Витька будто приловчился к обычному темпу. Он заметил, что бревна надо встречать «на тычок» и чуть придержать — течение само разворачивало другой конец и подносило его к звездочке лесотаски. Все зависело от того, чтобы точно попасть багром в центр бревна. Постепенно Витька натренировался, и руки сами делали свое дело, а мысли уносились далеко, далеко...

Вспоминалось детство в большом приморском городе — он не знал, как назывался этот город. В памяти остался только широкий бульвар, пронизанная солнечными лучами листва каштанов и размеренный рокот волн. Потом, уже связавшись с «блатным» миром и исколесив полстраны, Витька побывал во многих городах на морском побережье — он хотел найти мать. Он выходил на приморские бульвары Одессы и Сухуми, Севастополя и Сочи, но там ничто не напоминало ему картин далекого детства, все было не то и не так.

Между детством и горькой юностью легла война.

Где-то в сокровенных тайничках

памяти — тепло отцовской щеки, грубое шинельное сукно, плач матери, ее большие исстрадавшиеся глаза в синеватых веках. Как Витька оказался один — он не знал, ему было тогда лет пять, не больше. Они с мамой ехали куда-то и то ли он отстал, то ли ушел на какой-то остановке из вагона искать отца... Подобрал его на вокзале милиционер Мякишев — его фамилию и дали Витьке в детдоме. А какая у него была раньше фамилия — кто же сейчас узнает?

...А вода все прибывала.

Витька тревожно смотрел под ноги в мутную глубину. Дождь не прекращался. Ватник и шапка давно промокли. По лицу, по ушам, за воротник беспрерывно скатывались студёные капли. Но это уже чепуха, он видел только бревна, десятки мамолы выплывавшие из-за устоев огромного моста, и еще слышал крики бригадников: от наплавной запани, перегородившей реку, тянули вверх по течению тросы — верховые выносы. Бревна, заполнившие запань, начали кое-где накапывать на плитки, подминать их под себя, и плитки — громадные двенадцатибревные плиты, скрепленные тросами, — нехотя уходили под воду. Поверх накопившихся бревен надо связать плитки тросами, тогда бревна окажутся в сетке. И все. И Витька, толкая лесины на звездочку лесотаски, то и дело поглядывал на бригадников, с руганью тащивших тросы по берегу: успеют или нет?

Он очень хотел, чтобы успели, и еще боялся, что могут и не успеть...

А ведь раньше он вообще ничего не боялся.

В детдоме был драчливым, задиристым, даже ребята старше возрастом избегали с ним ссориться: Витька не тратил слов на перебранку, сразу пускал в ход кулаки, бил зло и молча, не обращая внимания на ответные удары.

Как-то к ним прислали несколько новеньких, среди них Васю Зайцева, долговязого парнишку лет пятнадцати.

От него все и пошло.

По вечерам, после отбоя, Вася увлеченно рассказывал, как скитался по республикам Средней Азии, где фрукты дешевле хлеба, и как хорошо быть вольной птицей, жить без директора и воспитателя, делать что сам захочешь, не делать чего не хочешь... Потом, приглушив голос, он сообщал о каком-нибудь «деле». Прерывистый шепот бередил душу.

— А мы говорим, танцуй отсюда, пока ноги целы... А сторож за ружье... Ну, ему и навернули палкой по голове — враз хвост откинул...

— Чего, чего?

— Ну, кончился, значит, умер... А у меня тоже клычка была — «Веревка». Длинный я, вот меня так и прозвали...

Кто знает, что выдумывал Вася Зайцев, а что было правдой. Но когда Вася через месяц убежал, ушел с ним и Витька Мякишев.

Многое было потом в его жизни. Прошли годы, и стал он одним из тех, кого боятся в уголовном мире, чей голос — закон, хотя лет Витьке было совсем немного — чуть больше двадцати. Трижды был судим, два раза бежал, попадался потом на новых делах, а не за побеги. На суд и милицию смотрел как на неизбежное зло, трудколонию не боялся, знал, как взять в руки бригадников. В общем, был вором, и не в том смысле, как понимают это обыкновенные люди: раз украл — значит вор. В уголовном мире в то время «вор» — это было звание, оно означало принадлежность к своего рода касте, и далеко не каждый преступник в нее допускался.

Но последний год «Витька-доктор» затосковал. Ему было уже 23 года, а жизни он еще не пробоовал. Разве можно было

считать жизнью разгульные ночи в воровских притонах и пьяную любовь? Ночные похождения — трое, а то и пятеро с ножами на одного случайного прохожего, и хватая ноги в руки, когда появится милиционер, — потеряли в его глазах всякий интерес: разве ж в этом храбрость? И перед Витькой постепенно возник вопрос: а что потом? Если его не убьют в пьяной драке, не застрелит сторож, защищаясь от грабителей, если все будет благополучно — на сколько лет хватит его здоровья при такой жизни? Пройдет год, и три, и пять, и десять... А дальше? Ни своего угла, ни друзей: он знал, что блатные «друзья» — каждый за себя, и в трудную минуту не поддержат. И женщины... Да какие же это женщины! Как же будет с жизнью, Витька Мякишев? Он и сам этого не знал, но мысли то и дело возвращались к таким вот распроклятым вопросам.

Однажды, когда к какому-то заключенному приехала на свидание жена с дочкой, Витька увидел их. Собственно, он видел только дочь — веснушчатую девчушку лет пяти. Витька посмотрел на ребенка, потом не выдержал, подошел к бригаднику:

— Слушай, кореш, у тебя свиданка личная? Так на что тебе сейчас девчонка? Ты все равно с женой... говорить будешь. Позволь, я с дочкой твоей поиграю часок. Не бойся, все будет в порядке.

Они копались в песке, строили из щепок какие-то домики, потом Витька взял девочку на колени и стал перебирать ее пальчики — пыльные, с заусеницами. А ведь было, наверно, время, когда его самого вот так держали на коленях... Было ли?

Девочка почему-то притихла потом удивленно спросила:

— Разве дяди плачут?

Витька невольно отмахнулся:

— Чего ты... ерунду-то...

— Совсе не ерунду... вон слезка катится, — девочка провела пальцем по щеке парня, и получился грязноватый извилистый следок.

После этого, после многих мучительных бессонных ночей Мякишев решил «завязать» — покончить с воровской жизнью. Написал письмо в многотиражку:

«Гражданин редактор, если можете и если это нужно для дела, пропечатайте, что я, Виталий Мякишев, по прозвищу «Витька-док-

тор», с этого самого часа решаю кончить воровскую жизнь и отказываюсь от всех воровских обычаев бесповоротно. Я пришел к такому выводу, что человек должен жить своим трудом, строить свою семью, иметь детей, и это будет правильная жизнь человека, а те, кто живет воровством и разбоем, скачет из города в город, чтобы не попасть на глаза ограбленным, это есть подлецы и негодяи, с которыми надо кончать. К сему В. Мякишев».

Письмо напечатали.

Той же ночью к Мякишеву пришли трое вчерашних друзей. Разбудили, один сел на койку, другие стали по сторонам. Помолчали.

— Ты писал? — спросил один, прошуршав белевшим в сумраке листком многотиражки.

— Писал.

— Как же тебя звать?

— Имя знаете.

— Так ты теперь не вор? — спросил один, будто точку поставил.

— Нет.

И тут же удар кулаком в лицо. Ответить Витька не успел; сзади кто-то опустил на голову табуретку.

Очнулся он через какое-то время от хриплых выкриков, от какой-то возни в углу, у самой печки. Шатаясь поднялся, провел рукой по невыносимо болевшей голове — рука стала сразу липкой. Тут же все вспомнил и все понял: в углу бригадники били воров. Такого раньше еще не бывало. Ударить вора — значило навлечь на себя угрозу кровавой расправы — не здесь, так в любом другом месте, не сейчас, так позднее, но расправа была неизбежной. Это знали все. И если люди, наконец, не выдержали, если бросились бить воров — и за него, за Витьку Мякишева, значит, попал он в самую точку, разбередил душу, повернул их все-таки глазами к жизни.

Он нашел в себе силы и шатаясь шагнул:

— Не бей, ребята, остановись! А вы, — он различил в неясном отсвете окна два лица, третий лежал недвижно... — Тащите своего на вахту. — И уже почти спокойно бросил этим двум: — Пусть уберут вас куда-нибудь, хоть себе в карман.

Всю зиму Витька работал на лесоповале. Делал все: пилил, рубил, трелевал, раскрывал. Трудился зло, до соленого пота,

до крови из-под ногтей, тяжким трудом завоевывал право на новую жизнь.

Бывало, иной бригадник отойдет в сторону: «Я этот лес не сажил, и валить мне его без надобности...» Витька Мякишев твердо опускал руку на плечо «шутника»:

— Пойдем, поможешь, у меня без тебя дело не ладится.

А с весны, как только река сбросила ледяной панцырь, Витьку поставили на лесотаски. И вот сейчас, подталкивая бревна на бесконечную цепь, припоминая зимние труды на лесосеках с тревогой думал: какая же стряется беда, если добытый тяжким трудом лес прорвется и уйдет вниз!

...А вода все прибывала, все больше заливала эстакаду, лесотаски, и звенья цепи медленно выползали из-под стремительно kloкотавших струй. И тут Витька понял, что бригадники не управятся. Он крикнул своим:

— Эгей, выключай лесотаски! Пошли, подсобить надо! — Помахал тем, кто стоял у других сортировочных коридоров, и бросился к запани, уверенный, что остальные побегут за ним.

— Эй, начальник, что делать? Запыхавшись от бега, он глянул в глаза давно небритого инженера.

— А что сделаешь? Видишь, как вода идет? Течение — четыре метра в секунду, на такую скорость никаких расчетов нет, — не предусмотрено. Успеем центральный вынос укрепить — наш лес. Не успеем...

— До куда тянуть?

— Вон до тех мертвяков, их еще с вечера врыли.

— По берегу еще час протянем...

— А ты как хочешь?

— Напрямик. По воде, по бревнам...

— Хорошо бы, только послать я тебя не могу — права не имею. Там рядом... погибель.

— Зачем послать? Сам иду. — И, обернувшись к набежавшим бригадникам, спокойно, с усмешкой спросил:

— Кто за компанию? В погибель?

Моросил дождь, монотонно бурлила река, нутужно поскрипывала запань. Бригадники молчали секунду, другую, минуту. Кому же хочется умирать в двадцать пять лет за лес, который ты не сажил и который тебе вроде без надобности?

— Ладно. Пойдем. — Инженер повернулся, прыгнул на запань и деловито зашагал по скользким плиткам, перепрыгивая через навалившиеся кое-где бревна. За ним, балансируя мокрым шестом, двинулся Витька. Остальные замерли на берегу, угрюмо следя за ними.

И тогда Гито не выдержал:

— Эй, слушай, кыто нэ тырус йесть, а? Зачем как бараны стоять будэм, мы — нэ мужчыны?

...Их было тридцать три, по одному через каждые три метра, и каждый волочил свои шестьдесят килограммов, перепрыгивая с бревна на бревно. Тут уж никак не отстать, не бросить, не сбиться с темпа, не уклониться, а ноги скользят, а иное бревно вывернется из-под ног, как живое, — гляди, не оступись!

Вот и берег. Витька и инженер, бросив трос, пропустили мимо себя всех, снова ухватившись за осклизлую, сырую проволоку — давай, давай, поднатужься.

А потом, вдруг, отчаянный крик резанул уши:

— А-а-а-а!

Инженер, лежа на берегу — ноги в воде, — навалился всем телом на трос, за который держался барахтавшийся в реке Витька. Мякишев. И все увидели, как наплывшее бревно толкнуло его в запрокинутое лицо, потом еще три бревна, и пыжи сомкнулись...

Подбежали бригадники, подняли бившегося в ознобе инженера, а тот, что-то вспомнив, рванулся из дюжины рук:

— Я оступился! Это мне... под водой! Он, Витька, меня на берег... Бревна! Бревна растащить!..

Бешено ругаясь, Гито растолкал молчавших людей, с багром в руках полез в воду, навалился на ближайшее бревно — оно чуть подалось, пошло. И тогда на помощь бросились все — руками, плечами и спинами раздвигали, отталкивали скользкие, неподатливые пыжи, не обращая внимания на режущий холод талой воды, на стремительное течение, на судороги, сводившие ноги...

— Вот он, эй! — Гито окунулся с головой, вынырнул; к нему сразу кинулись инженер и еще кто-то из стоявших поблизости, оторвали от троса сведенные судорогой витькины пальцы, подняли, понесли...

От поселка уже гнали грузовик — везли промокших греться, и от затормозившей на той стороне санитарной машины бежала по берегу пожилая толстая докторша, страдальчески прижав руку к сердцу, и еще бежали какие-то люди. Вода все прибывала, — теперь уже нестрашная, хотя по-прежнему был стремителен ее бег и все также рокотали ее неистовые весенние струи.

ВОВКИНА ЗВЕЗДА

Нежно сынишку баюкала мать
У ласковых звезд на виду.
Шутя обещала парнишке достать
Красивую с неба звезду.
— Усни, я достану любую,—
Ему говорила она.

— Хочешь, вон ту, голубую,
Что прямо над лесом видна?

...Состарилась мать, а сынишка
подросток.

И вечером звездным в саду
Ему одноклассница —

вздернутый нос —
На память дарила звезду.

— Возьми себе, Вовка, любую,—
Ему говорила она.

— Хочешь, вон ту, голубую,
Что прямо над лесом видна?..

Родина к славным победам идет,
И можно уже пометать,

Как станет Вовка, отважный
пилот,

На дальние звезды летать.

— Могу полететь на любую,—

Скажет пилот стране, —

А лучше на ту, голубую.

Что с детства обещала мне.

ЛУЧИКИ

Привет вам, солнечные лучики,
Всегда живите, мне светя.
Мои друзья, мои попутчики
На трудных жизненных путях!
Живите резвыми зайчатами
На строгом письменном столе,
Цветами в поле непомятыми,
Огнями дальними во мгле;
Живите детскими улыбками
На той земле, где шли бои...
Звените смехом, пойте скрипками —
Светите, лучики мои!

СОБАКА

Сидит собака угрюмая,

Кусучая, может быть.

Сидит собака и думает,

Кого бы ей укусить.

Людмила ФАДЕЕВА
родилась в 1939 г. в Ленинградской области. В Ленинграде она окончила художественно-графическое педагогическое училище. Стихи пишет со школьных лет. Печаталась в местной районной газете. Была участницей VI Ленинградской областной конференции молодых писателей.

Сейчас работает преподавателем рисования и черчения в Ново-Романовской средней школе Юргинского района.

Стихи Л. Фадеевой печатаются в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса».

„СКОЛЬКО ЛЕТ — ЗИМА?“

Как-то Ирочка и Света
Не пошли гулять во двор:
Было холодно, про лето
Шел серьезный разговор.
— Почему, скажи мне, Света,
Быстро так проходит лето?
Дней шестнадцать или тридцать
И всего-то лето длится.
А зима — такая злая.
Сколько лет идет, не знаю...
— Я не знаю и сама...
Мама, сколько лет — зима?

БАРСИКИ

Барсик ваш
И Барсик наш
Отыскали карандаш.
И спросили удивленно:
— Это что за макарона?

РУЧЬИ, РУЧЬИ...

Ручьи, ручьи — где надо и
не надо
Бегут, весь мир вверх дном
перевернув.
И новый дом, и старая ограда
Из лужицы глядят, приветствуя
весну.
Как озорные малыши на перемену,
Толкаясь, мчат вдоль улицы
ручьи.
И моют гусь и маленькая Лена
В воде сапожки красные свои.

СОРОКА

Белобокий снежный ком
С головою и хвостом
Да две тоненькие ножки,
Чтобы прыгать по дорожке.

В большой семье

С. Пушкаренко

Рассказ

В этот раз у Михаила что-то не ладилось с обувкой — то носки не те, то шнурки рвались. Он сердито посапывал, обиженно опустив уголки губ, а потом в ответ на слова Анны о вчерашней лекции, вдруг глянул на озабоченное лицо жены, подумал, опрокинулся на постель и захохотал тихонько с мальчишеским ойканьем. Отдышался и, влажно поблескивая глазами, сказал:

— Сто академий не разберутся: откуда в этой маленькой худенькой девчонке столько... этого... ну, как его?

— Любви? — спросила она чистым голосом, а потом нарочито будничным тоном закончила: — После полочки надо будет, Миша...

Он не дал ей говорить.

— Купить телевизор? Не вытянем, женушка.

— Вытянем! Надо будет... кое-какой материал взять... на пеленки, на детское приданое...

Он в эту минуту так стремительно и близко подошел к ней, что Анна почувствовала его теплое дыхание на своем лице.

— Аня, голубок мой... ребенок?!

Но прежде чем он положил ей руки на плечи и притянул к себе, она увидела совсем близко его глаза, — ох, не надо, чтобы она в эту минуту видела эти глаза, — в которых мелькнул на мгновенье, на самое малое мгновенье, плохо скрываемый леденящий испуг...

Уже потом Анна вспомнила, как встретила Михаила с белокурой пышноволосой девушкой.

— Талантливая, — отозвался о белокурой Михаил. — В консерваторию подала. Только легкомысленная, как все девчонки...

В другой раз Анна увидела их в автобусе, потом еще где-то.

Однажды он не ночевал дома. Страшно вспомнить про ту ночь. А когда это стало повторяться все чаще, она изо всех сил хотела верить Михаилу, что он — то на холостяцких, по старой памяти, вечеринках, то... не важно, где это бывает, — хотелось верить, что нет в этом ничего дурного.

На лице Анны проступили неровные пятнышки. Она наивно пробовала их припудрить. Дело не в пятнышках, она сама вся менялась у себя на глазах. И во взгляде, и в движениях, и в голосе, когда она приглашала Михаила в кино, в театр, она непонятно как угадывала его внутреннюю недовольность или стеснительность.

Было до жара в глазах обидно. Но она заставляла себя понять Михаила. В чем? Как-то входя в аптеку, она увидела себя в громадном трюмо: «Ох, матушки, ну и разукрасилась же ты!» — усмехнулась она, и ей даже чуть легче стало. Надо

За вечерним окном настороженно, таинственно зашумели тополя, в комнату ворвался по-весеннему холодный ветер. Анна зябко повела плечами. Как этот вот нечаянный ветер, ворвалось в ее жизнь рядовое, человеческое горе. В горе все еще не верилось. Кровашки что ли не хватило в сердце.

А ветер какой, а жить как хочется во всю силу, у жизни ведь край непочатый.

Анна не слышит, как позванивает стеклышко в неприкрытой форточке, как где-то у соседей требовательно вскрикнул ребенок, призывая материнское тепло. Она устало опускает голову.

— Какого же я счастья хотела? Какое же оно, если не то, которое вдруг истаяло, как снежинки в теплых ладонях?

Отзвене в стеклах, где-то на беслестных пригорках, в приречных тальниках прячется ветер.

Маленькая светловолосая женщина ложится на диван, прижимается щекой к прохладному дерматинову валика...

Один раз, другой раз дрогнули темные ресницы, сошлись брови над переносицей, но тут же расправились. Анна уже не слышала, как, тихо ступая босыми ногами по половицам, к ней подошла мать, как она, сурово поджав губы, хотела коснуться рукой светлых волос на голове дочери и как не донесла руки и ушла потом, и будто в своих немолдых, знающих глазах унесла с собой свет дочернего сонного худенького лица.

По утрам Анна и Михаил вставали очень рано — до завода не ближний свет.

же понять и Михаила — ну как она выглядит рядом с ним?

И все же однажды она не сдержалась. Михаил попросил новый галстук, тот, который она купила ему ко дню рождения. Анна взглядом показала на ящик комода, а потом, также молча, отошла к окну и, ничего не видя, смотрела на улицу: это, чтобы Михаил не заметил, как она одним пальцем смахнула со щеки глупые, упрямые слезы.

В тот раз он забеспокоился тоже, отчего-то взволновался и положил на стол абонемент.

— Видишь, какое дело, Аня... Третье занятие, музыка. Тебе, конечно, тяжело постоянно одной.

— Ну что ты! — воскликнула она и обратила к нему лицо такое просветленное, с глазами, полными невыплаканных слез.

Михаил поцеловал ее губами, холодными, сухими, и вышел. Вечер, когда она осталась одна, был не первым. Но в этот раз что-то особенно тяжело было. Она включила репродуктор. Любимая песенка, но Анна тут же выдернула штепсель. Он раскачивался на проводе как маятник, она ходила медленно по комнате, ходила и думала: «Шпионить? — Ни за что!» Но получилось как-то так, что руки будто сами доставали из шкафа платье, тянулись к гребешку, торопливо бегали по пуговицам, застегивали, надевали туфли на неподатливые ноги. И вот она уже в клубе.

Из-за массивных дверей глуховато доносилась музыка. Лекция уже началась. Анна торопливо поднялась на балкон и осторожно, боясь обратить на себя внимание, направилась к свободному месту.

Она не слышала слов лектора, не видела соседей. Ее глаза напряженно искали Михаила. Вот просмотрен первый ряд партера, второй, третий... «Как было бы хорошо, если бы Михаил сидел один или рядом с товарищем», — подумала она и в это мгновение увидела знакомый серый костюм, его, Михаила, голову, склоненную к девушке — той, которую она встречала с Михаилом уже много раз. Правая рука его — на спинке кресла, а ладонь на плече девушки. Он что-то шепчет. Их головы совсем рядом, и его волосы почти касаются пышной девичьей прически.

Уйти, скорее! Но Анна не двигалась. Все вдруг стало безразличным, ненужным. И Михаил, и она сама, и музыка. Издалека слышался голос лектора, казалось, он монотонно повторял одно и то же: ту-ту-ту. И от этого еще тяжелее. Болели виски, и к ним боязно было прикоснуться.

Потом она вновь увидела зал, услышала музыку. Осмотрелась и почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Подошел Владимир — друг школьных лет. «Он наблюдал за мной, заметил, конечно, Михаила с той девушкой и меня здесь одну. Сейчас спросит, в чем дело», — подумала она, и от одной мысли ей стало так больно, что она едва сдержала стон.

— Аня! Вот здорово! — услышала она. — Место не занято? Можно?

Она кивнула. Конечно, можно.

— Лекция нравится? — прошептал Владимир. Шепот-то у него слава тебе господи. Одна из соседок назидательно произнесла:

— Здесь же музыка! Тише!

Владимир, чтобы скрыть неловкость, сосредоточенно кивнул:

— Догадываюсь, сам сочиняю, шумовую...

Он шутил, а сам смотрел на Анну, даже не пы-

таясь погасить в глазах простенькую человеческую радость.

Анна теперь была уверена, что он видел Михаила, и понимала, что он ничего не хотел замечать. Ей стало чуть легче, по крайней мере она могла уже прямо глянуть в мальчишеские глаза Володьки.

— Хорошая лекция... и музыка.

И на самом деле на какое-то мгновение, а может быть, на минуту почти полностью отдалась музыке.

Последние аплодисменты. Марши лестниц. Владимир посторонился, давая дорогу Анне.

— Хорошо! — причмокнул он и добавил: — А сам кроме патефона так ничего и не освоил, вундеркинд.

В очереди у гардероба Владимир, улыбаясь, поднял брови и вопрошающе взглянул на Анну, молча спрашивая: проводить!

Она поняла его и, как бывало в далекие школьные годы, прищурила глаза и скороговоркой ответила:

— Не надо, Володя, спасибо. До свидания.

Получила пальто и вышла на сырую площадь. И чем дальше уходила от голубых огней, все темнее, непроницаемое становилась ночь. На уснувших улицах гулко раздавался стук каблучков. Шла медленно, стараясь отдалить тягостное возвращение домой.

О чем они будут говорить? Как? А шаги какие гулкие! Под лампочками домов она видела только четные номера: двенадцатый, четырнадцатый, шестнадцатый, а вот и огонька не видно. Дальше номер двадцатый. Все по порядку. Все ли? Михаил... муж! Но разве так может быть?

Она разглядела перед собой отблеск лужи и остановилась, раздумывая, как обойти, и тут же услышала позади шаги. Кто-то шел и тоже остановился. Услышав это, она заторопилась и почти произвольно метнулась в первый же подъезд. Шаги неподалеку снова затихли.

Заметив, что Анна скрылась в подъезде, Владимир остановился. Всю дорогу от самого клуба он спорил с собой: зачем идет? Перед ним встало ее лицо, глаза, искавшие и находившие Михаила, тени, мелькавшие и таявшие на этом знакомом до мельчайшей черточки лице.

— Остановись! — просил он себя и... шел. Почему? Да потому, что не мог, потому что ноги его будто сами несли.

Видимо, капризничавший фонарь неожиданно снова засветился. Испуганная Анна и растерявшийся Владимир оказались лицом к лицу.

Она облегченно передохнула:

— Ну тебя! Напугал до смерти! Нужно же придумать...

— Я же тихо... — признался он. — Шел и думал о... музыке.

Несколько шагов прошли молча. Володька мысленно ругал себя, что пошел, что заговорил с человеком в горькую для него минуту, что не может обманывать себя и... благословляет эту ночь, эти гулкие тротуары и неяркие подслеповатые фонари.

— Не сердись? — спросил он и взял Анну под руку. Она доверчиво кивнула.

— Не люблю сердиться на ночь глядя.

И еще что-то такое она говорила, а сама думала о Михаиле. Пришел ли? Может, ждет и волнуется? И почти счастливо улыбнулась, когда оказалась у калитки.

— Я дома. Спасибо тебе, Володя. Беги домой. Смотри — осторожно. Счастливо!

Владимир пожал ее прохладную руку, подождал еще немного и только потом, сутуло приподняв плечи, тронулся прочь.

Анна открыла дверь. Михаила дома не было. Она сняла пальто и, не включая свет, не раздеваясь, легла на кровать. Не хотела, но прислушивалась к каждому шороху, стуку в подъезде, на лестничной клетке. «А если он скажет правду, что был в клубе, с той девушкой. Хоть бы сказал!» Вот он. Идет! Это его шаги. Скинув платье, она забралась под одеяло. Михаил осторожно, на цыпочках подошел к кровати, прислушался. В темноте Анна хорошо слышала его облегченный вздох. Упал коробок спичек, Михаил долго искал его, потом включил свет. И при свете увидел, что Анна какими-то необычно большими глазами смотрит на него.

— Не спишь? Ой, Анна, до чего же интересный доклад, не о музыке, нет, — не пошел я туда. На техсовещании был. Вот это проблема. — Он коротко всхотнул. — Потом вскладчину с ребятами поужинали. А ты, женушка, уже выпалась? — спросил он и осторожно прикоснулся к ее плечу.

— Не надо. Ложись на диван... Я, кажется, больна.

— Вот как нехорошо, — опечалился Михаил. — Извини, что побеспокоил...

Он уснул. А она все думала, решала... и...

Мать встретила Анну сухо:

— Торопыга. Ни село ни пало — и сразу «уйду». Все они, черти, одним миром мазаны. Поскачет, да пристанет. Не ты одна. От отца реченьку слез выплакала.

Упрямая сила подняла Анну со стула, будто не было ни слез, ни усталости.

— Нет, мама. Ненавижу слезы... Горе ненавижу... Сына научу этому. Я, мама, не буду плакать. Не буду!

Почему она перешла из своей квартиры в домик матери, почти некому было объяснять. Бригадир, он же комсорг цеха, понимающе кивнул:

— В твоём положении прямой смысл быть у матери, а Мишка подождет, тем более в командировке на полтора месяца.

Анна была благодарна этому шустрому чернявому парню, она не обиделась даже на его грубоватый намек на ее положение. Иначе не скажешь. А Кольцов, подумав, вдруг доверительно посоветовал:

— Знаешь, Аннушка, переходи-ка ты к нам... за коммунистическую бороться. Руки у тебя до дела золотые, голова на плечах в самый раз. А?

Невольно рассмеявшись в ответ на все эти комплименты, Анна потом долго и трудно думала: в бригаду с таким высоким полетом? С ее так незадавшейся жизнью? А что, при коммунизме люди тоже будут обманывать своих близких в самом дорогом, чистом — в любви?

Помимо прямой работы в бригаде Кольцова, у Анны прибавилось много новых, до того неведомых дел: встречи с гостями с соседних заводов, совещания, учеба в вечернем университете.

Она всей душой отдалась этим радостным хлопотам. Каждый раз, уходя из клуба, она чувствовала, что уносит в себе что-то новое, чего не знала раньше, становилась будто выше, видела дальше.

Как-то само собой повелось так, что на занятиях она оказывалась рядом с Владимиром. И в перерывах, и в пути, и дома часто спорили, и Володька

не без тени мальчишеского превосходства, что очень смешило и примиряло с ним, оказывался победителем, были ли причиной спора история древнегреческого театра или художники Ренессанса. Володька свободно оперировал такими понятиями, как «ченто», «кватроченто», а потом, спохватившись, озабоченно спрашивал:

— Я тебя не заговорил? В случае чего, ты одеривай меня.

— Толк-то какой, если и одернешь тебя, — усмехалась Анна.

* * *

Командировка Михаила затягивалась. Почти решив порвать с ним, Анна все еще тайно даже для себя надеялась: авось, образуется как-то. Всякое бывает в жизни. Конечно, она нашла бы в себе силы забыть, а может и простить Михаила. Она с тоской ждала его писем, а писем все не было.

Мысленно она еще и еще раз входила в их уютную маленькую комнату. Так мучительно хотелось поверить в это.

Несколько раз Владимир заходил за Анной. Мать с парнем здоровалась сухо.

— Смотри, парень, соседи в зятя запишут, — коротко пошутила она однажды.

Владимир зарделся и заторопился уходить. По дороге в клуб оба долго молчали. Потом Анна попросту, по-товарищески попросила его больше не приходить, избавить ее от лишних, никому не нужных пересудов.

Владимир невесело pokrивился:

— На чужой роток не накинешь платок. Это так важно?

А пересуды начались с пустяков. Член бригады, чемпион завода по боксу атлет Васька, скаля белые зубы, как-то обронил мимоходом:

— Смотри, Володька, сотворит тебе Мишка нокаут. Он уехал, а ты тут как тут.

Владимир всерьез огрызнулся:

— А ты хочешь, я тебе этот нокаут немедленно сотворю?

Шутка была кем-то повторена в клубе. Слушок заметался по цеху, в кружке. И еще эти настороженные, вопрошающие взгляды товарищей по бригаде, горьковатая жалость к себе, если тебя слушают и не слышат.

Михаил по-прежнему молчал, а думала она о нем, не переставая. Перед сном долго читала и вставала утром с тяжелой головой. Как-то утром почувствовала на своем плече руку матери.

— Ну, девка, беда с тобой — не добудись. Снова чуть не проспала. Смотри!

Надежно себя чувствовала только в цехе. Привычный шум, бригадные заботы, встречи с товарищами помогали на время избавиться от неотвязных тревог. А на этот раз до обеденного перерыва остались минуты, когда она услышала:

— Товарищ Забелина! Забегите ко мне в перерыв. — Это приглашал к себе парторг завода.

— Обязательно, товарищ Хромов, — улыбнулась она и тут же потерялась в догадках: зачем понадобилась?

По этой серой с бордовыми полосками ковровой дорожке она проходила к столу парторга не впервые и почти всегда празднично взволнованной. А сегодня, еще издали глянув на лицо Хромова, она почувствовала себя как-то необъяснимо неуютной, будто позабыла все добрые слова, родившиеся, живущие рядом с ней, как негасимые огоньки. А

ведь ничего особенного, необыкновенного в парт-орге даже и не заметишь. Тот же самый — те же спокойные, улыбчивые и не улыбчивые глаза, коротенькие черточки бровей над ними. Он сказал обыкновенные слова:

— Садись, Аннушка! Позавтракать успела? — От этих слов стало и чуть проще, и, очевидно, для обоих внутренне труднее.

— Спасибо... — Анна кашлянула и уже потом подняла ладошку к губам.

— Есть тоже надо вовремя... — наставительно проговорил Хромов, переложив справа налево черную авторучку, подумал о чем-то своем и потом стал уже думать вслух:

— Вот пишут товарищи. Вчера читал, сейчас перечитывал. В чем штука? Не верю, а люди пишут... Но что здесь правда и что ложь? — он встал, цепко подхватил со стола лист бумаги и медленно заскользил взглядом по рукописным строчкам. Анна уже почти все знала: она, Владимир, Михаил. Косынка в руках стала сырой, и еще противно, что хотелось не смотреть в глаза парторгу. А потом она нечаянно для себя разозлилась. Что правда и что ложь? Это о ее жизни!

А парторг между тем произнес:

— Прочитай... и подал ей линованную четвертушку бумаги. Обычный листок, исписанный простыми русскими словами, но от слов этих у Анны зареяло в глазах.

«Товарищ Хромов!

Хотим сказать по-нашему, по-рабочему: беспокоимся мы. Нехорошо получается с комсомолкой Анной Забелиной. Знаем ее давно. Девка справедливая, работающая. Обрадовались мы, когда она в коммунистическую бригаду пошла. Заслуживает, думаем.

Но вот муж ее, Михаил, уехал в командировку, а она с Козловым Владимиром, и из дому своего ушла. Народ видит и возмущается. Как же это? Такая бригада! Тут тебе должно быть все чисто. Ну мы смотрели, смотрели и к ней: «Гляди, говорим, Анна, не ошибись. Не туда пошла. Ведь обязательство какое давала: забыла?» А она и слушать не захотела. Еще и на нас: «Эх, вы, говорит, люди-человеки!» Разберитесь, товарищ Хромов. Дело по-нашему, трудное. Может, девчонку поправить надо, может, поддержать!»

Анна даже не попыталась разобрать подписи, всплеснула руками:

— Неправда это, родной... Евгений Харлампевич! — Хромов внезапно смутился. Этот бывший комбат истребительного дивизиона много в жизни перевидал, много мог бы порассказать о сложных человеческих судьбах, а тут вдруг взяла его оторопь перед этими Анкиными глазами, перед ее всплеском ладошками, перед восклицанием, будто совсем ясно она проговорила:

«Отец, да как же ты мог в это поверить!»

А сама Анна, спохватившись, замолкла. Что же я? Есть ведь и правда в том, написанном. Я ухожу от Михаила? Ухожу. Но ведь не я ухожу. А вдруг Михаил станет снова прежним, правдивым. Но кто мне скажет, что же с Мишкой произошло? А может, я вообще не такая... неудобная, что ли?

И тут она нечаянно глянула на свои запачканные, огрубевшие ладони, и вдруг, как молния, ее озарила мысль: однажды Мишка, схватив вот эти ладошки, прижал их к своим небритым щекам и что-то такое хотел сказать, но не сказал, а просто счастливо всхлипнул.

Но сейчас, глядя даже в требовательные глаза парторга, она не могла говорить о Михаиле как о чем-то прошлом. Нет и нет.

— Насчет Козлова... — сказала она резко, — совсем напрасно... Хороший он, товарищ Хромов, а мне просто трудно одной, совсем одной... Вы понимаете?

Парторг почти все понимал, глядя в чистые глаза молодой женщины. Ему надо было какое-то слово сказать, а он не мог найти это слово.

Анна вновь тихо заговорила:

— О личной жизни я сама хотела поговорить, но... как-нибудь в другой раз. Ладно?

Зазвонил телефон. Хромов поднял трубку и кому-то ответил:

— Иду. Сейчас!

Он встал, увидел глаза Анны, о чем-то спрашивающие, снова подумал, что она не все сказала. Но у него в этот раз не хватило обыкновенных нескольких минут, чтобы подойти к ней, притянуть к себе по-отцовски за плечи и спросить: «Ну, дочка, а что же дальше?» Он не сделал этого, торопился. И потом горько покаялся, что торопился.

В это же время у директора сидел заместитель по общим вопросам Малюскин. Он был бледен. Его всегда безукоризненная прическа — бледный проборчик «в ниточку» — на этот раз черт знает на что походила. И дышал он тяжело, и ноздри его длинного носа подрагивали. Причины — хоть отбавляй! Сами посудите.

Полчаса тому назад он встретил в коридоре Володьку Козлова. Этого... как его... пригласил к себе. Имел он право как старший побеседовать с этим Володькой? Имел такое право! А как дело обернулось? Он сказал:

— Садись, товарищ Козлов. Неладно, дружок, ве-дешь себя.

Володька вместо того, чтобы смутиться, как в данном случае положено, вдруг строго приподнял свои дурацкие брови.

— Не понимаю...

Малюскин осклабился:

— Она же, так сказать, замужем. Муженек вот-вот, говорят, вернется. А ты как-то уж очень смело... — он покрутил округло кистями рук, почти зажмурился и, переходя на доверительный шепот, продолжал: — Забелина, конечно, бабеч, что надо. Как говорится, был молодцу не в укор! Но, дружок мой, надо же понять, что вокруг не необитаемый остров. Все видят. Понимаешь? Не умеешь — не лезь через плетень, хоть и шапка набекрень. Ха-ха-ха!

Козлов медленно поднялся, губы его странно побелели. Черные широкие брови совсем сошлись на переносице. Сжав кулаки, он шагнул к Малюскину, почти перегнувшись через стол и глухо проговорил:

— Бабеч! Ты... мразь!

Что оставалось делать Малюскину! Он бочком скользнул к двери, озираясь на этого взбесившегося парня, и, так и не поняв, почему «разговор по душам» не состоялся, исчез в просторном коридоре.

Заместитель директора даже вспотел от возмущения.

— Понимаете, так и сказал, осклалив зубы: «Мразь!» Так же до убийства рукой подать!

Еще в самом начале этого разговора директор распорядился вызвать Козлова. Тот не заставил себя ждать. Вошел стремительно и остановился у самого директорского стола. Малюскина это окончательно возмутило.

— Вот он, артист!

Директор кивнул.

— Выкладывай, артист!

А когда без всяких предисловий, упрямо приподняв голову, рассказывал о столкновении с Малюскиным, руки его снова недвусмысленно сжимались на спинке стула.

— Да как же ты можешь говорить! — прервал парня Малюскин. — Надо понимать. Я же по-хорошему, по-товарищески... а ты? Я думал, с тобой как мужчина с женщиной, а ты? — он трагически взмахнул руками.

Владимир опустил голову, но тут же опять поднял глаза на директора. А тот между тем намеренно неторопливо подошел к окну, открыл форточку, возвратился к столу, постоял, раздумывая, и грузно опустился в кресло. Потом, заложив пальцы за тесный надоедливый воротничок сорочки, оттянул его.

— Парень ты как парень, — сказал он недоуменно, — а тут этаким фортель: с кулаками на старшего товарища? А?

Владимир сжал челюсти, но потом все же проговорил:

— Извиняюсь, конечно, но так получилось... глупо. — Он резко повернулся к Малюскину. — О такой девчонке... такое грязное сказать... да я бы с него исподнее снял и гонял по управлению, как...

— А еще что? — очень заинтересованно спросил директор и сделал рукой будто бы мимолетный незначительный жест, а на самом деле прикрыл усмешку в глазах.

— А еще что? — удивился Владимир. — Если мои слова... если этот ползучий... я уйду!

И ушел.

— Вот, — снова всплеснул коротенькими ручками Малюскин. — Тип! Выкорчевывать!

Почти столкнувшись в дверях с Володькой, вошел парторг. Глаза его близоруко и недобро щурились.

— Видите! — воскликнул Малюскин. — Нет дыма без огня! А еще с кулаками, щенок!

Хромов не столько неприязненно, сколько удивленно глянул на покрытое багровыми пятнами лицо Малюскина и, словно не услышав выкрика про щенка, недоуменно бормотнул, будто сам себя:

— Обвиняются в пресловутом прелюбодеянии, а люди-то какие!

— За этим и побескоил тебя... — директор чуть приметно повел глазами в сторону Малюскина. — Полюбуйся на этого сердцеведа. На сажень под землей видит. Анна Забелина у него попросту «бабец», Козлов попросту козел...

— Но, Иван Ефимович!.. — приподнялся Малюскин и умоляюще прижал к груди короткопалые ладони, — факты, факты, Иван Ефимович!

— Не ври! — оборвал директор и, строго выпрямившись в кресле, холодно приказал: — Ты свободен.

А когда Малюскин вышел, он спросил у парторга. — Ну, что ты думаешь? Это, брат, кажется, потруднее, чем месячную программу дотянуть, а?

Утром из Солегорска возвратился Михаил. Первым, кого он встретил в заводоуправлении, был Малюскин.

— С приездом! — неожиданно для Михаила обрадовался он. — Заходи. Прямо с поезда? Молодец, хорошо съездил. Доверие оправдал. Дома еще не был?

— Пока нет, — Михаил опустил голову. — Признаться вам... дома у меня не все гладко.

— Да, да, — Малюскин сожалеюще вздохнул. —

Слышал, дорогой, слышал. Сочувствую и возмущаюсь не только я — весь коллектив.

— Возмущаются? — насторожился Михаил.

— Будем как мужчина с женщиной. Козлов есть Козлов. Какие там секреты. Крепись, Миша. «Жди меня» не получилось. Супруга твоя не из тех. Поставлен вопрос: не место ей в бригаде высокого полета! Вот как!

Малюскин почти ошупью добирался до цели разговора. Для него было почему-то совершенно необходимо даже самому себе доказать, что отношения Забелиной и Козлова действительно такие... ну, если сказать по-мужски: вот такие. Говорят же!

Михаил искренне удивился и машинально повторил:

— Козлов... Володька... «Жди меня»? — и тут же, осененный облегчающей догадкой, воскликнул: — Подозревал я, товарищ Малюскин! Значит, подтвердилось? Ну не обида ли! — соврал он трагически, чего впрочем Малюскин не заметил, или не пожелал заметить. Он усиленно закивал:

— Вот именно. Неисповедимы пути сердечные. Встретил Михаил Анну в среднем цеховом полете.

— Приехал, — скупо доложил он. — С работы вместе идем!

Она тайно, жадно ожидала этой встречи. Но не такой, не этих слов. Будто из далекого далека смотрела она на него. Михаил несколько растерялся, но тут же, разозлившись, грубо пообещал:

— Дома ты мне сдашь полный авансовый отчет.

Анна вскинула на него глаза, губы ее чуть дрогнули в усмешке. Он посмотрел ей в след, подумал, недоуменно хмыкнул и молодецки расправил плечи.

Задолго до конца смены он был у проходной. Пробасил гудок, и вскоре людской поток заполнил площадку у заводских ворот. Михаил без труда отыскал взглядом ее пестренькое платье, знакомую косынку и направился было навстречу, но сразу остановился.

Он хорошо видел, что Анна смотрела на него, но так, как смотрят на облако пыли, на пролетающего воробья, на пустую коробку из-под папирос. Он не смог подойти к ней, не посмел окликнуть ее.

Стычка Владимира с Малюскиным произошла, так сказать, «при закрытых дверях», но этот «секрет» к концу дня знали уже в заводоуправлении. В курсе событий оказалась и машинистка Люся, подружка Забелиной, и все рассказала ей.

Разговор с парторгом взволновал Анну. Мысленно она все еще продолжала беседу с ним спорила, не могла простить себе, что не рассказала ему о Михаиле. «А поверил бы мне Хромов?»

Мать говорила, что пролила реки слез. Ни за что! Бывает с Владимиром? И что же? Обязательно грязь? Нет! Правда только в том, что ей жутковато одной и, когда приходит этот парень с огромными руками, шумный, с чистой улыбкой в глазах, ей попросту, по-человечески, даже по-матерински становится хорошо. Только в этом — правда. Но разве от этого может быть стыдно?

Только пришла домой, как в дверь постучали. Она знала: так, всей пятерней, стучится только Владимир.

— Ты что это натворил у Малюскина? — сердито встретила она его. — И без этих сердцещипательных историй хоть в прорубь.

— Узнала? Каким образом? — удивился Владимир и помрачнел. — Верно, паршиво получилось, не сдержался. Но, знаешь, к лучшему. Нельзя спус-

как танки, как Малюскин. Туда же — учитель жизни!

— Вот как? Мне говорили, что ты с кулаками на него... Замечательно!

— И не было бы беды. Из таких смертным боем нужно выколачивать дрянь... — Он широко улыбнулся. — Ну его! Даю тебе слово не горячиться. Ведь ты...

— Ладно. Будет склонять. Давай чай пить.

Она подошла к самовару (без него, да еще шумящего, мать чаепитий не признавала) и хотела поднять, но Владимир вскочил и осторожно отвел ее руки.

— Тяжелый. Тебе нельзя.

Она незаметно опустила темные ресницы.

— Мне все можно, заботушка! — и ласково высвободила руки.

И тут же подумала: «А что если бы Михаил взял бы меня за руки! Сам, пусти же — сам!»

Владимир заметил, что она не в себе, и тоже замолчал. Потом попросил:

— Налей чайку, Аннушка. Михаил приехал?

— Да. Ты его видел? — ответила вопросом Анна.

Владимир отставил стакан, пристально посмотрел на нее.

— Нет. Но очень хочу. Мы рацпредложение одно обмозговали. Поговорить с ним надо...

Анна хорошо поняла, что Владимир не скажет, зачем ищет встречи с Михаилом и, невольно усмехнувшись про себя, сказала:

— Врать не умеешь.

Утром по пути на завод Владимир внимательно приглядывался к афишам... Гастроли московских артистов.

В обеденный перерыв разыскал Анну.

— Володя! — рассмеялась она. — Ну куда я с таким лицом?

— При чем лицо? — опечалился он. — Вот глупости. Веселый концерт, и ты смеешься — вот и лицо.

В вестибюле они сразу увидели Михаила. Анна уронила перчатку. Какая-то девушка подала ее Владимиру:

— Жена уронила.

Анна задорно, втайне холодея, тряхнула головой:

— Говорила: не надо ходить. Терпи, казак, атаманом не будешь.

— Есть терпеть и не быть атаманом! — легко рассмеялся Владимир.

Едва они сели на место, Анна пожаловалась: — В фойе не хотела пить, а сейчас умираю. О чем думала?

— Мигом раздобуду! — поднялся Владимир.

— Да сиди ты! До антракта потерплю.

Возвращаясь из буфета, он услышал:

— Погоди! Два слова! — это с придыханием произнес Михаил. — Значит, так?

— Слушай, Мишка, — перекладывая из руки в руку золотистые мандарины, сказал Владимир, — может, ты поумнеешь? А вообще, некогда. Она пить хочет. Давай завтра пораньше, у проходной. Я очень хочу поговорить.

— Ладно, приду, утешитель.

По лицу Владимира Анна поняла: встретился, говорил. И одними глазами спросила: да?

Он кивнул беспечно.

— Почти нет. Торопился. Боялся, что погибнешь от жажды. Все-таки жаль живого человека. — Помолчав, он уже серьезно добавил: — Утром у проходной.

...Владимир подошел к проходной, когда в разрывах облаков еще беспомощно барахталась половинка луны и где-то вот-вот должно было подняться солнце.

— Ну, теперь есть время? Поговорим?

— А-а, Миша... — Козлов обернулся. — Поговорить? Давай!

— Когда вы успели?

— Дурак ты, Мишка!

— Ой ли?

— Не понимаешь, кого потерял!..

— Подобрал уже?

— Знаешь, что? Только не оскорбляй ее, как человека, прошу... плохо которому станет!

— И мне? — сощурился Михаил.

— Первому. Я хочу, чтобы ты, сукин сын, стоил ее!

Владимир прикоснулся ладонью к холодным кирпичам заводской стены. Так лучше, спокойнее. Плохо, что ни одного кирпича из стены не выдерешь и не швырнешь в бесстыжие, бегающие глаза Мишки. Чего он хочет от жизни? И тут его взгляд остановился на объявлении, и он невольно кивнул:

— Будешь?

Михаил небрежно обернулся и прочитал:

...цеховое собрание. Повестка дня: обязательства бригады коммунистического труда товарища Кольцова.

Собрания на заводе всегда были многолюдными. А сегодня места занимали прямо с боя. Худощавый пожилой рабочий, поглядывая поверх очков, окликал друга:

— Семенов! Приберег для тебя, садись!

Собрание только-только начало налаживаться, как вдруг тот же пожилой рабочий, ни к кому персонально не обращаясь, спросил:

— А почему все о плане, о качестве, об экономике? Это они делают здорово А с жизнью у них как? Неважно? Да мне с них свою жизнь строить! Значит, очень важно! А слух идет... Не все будто ладно, например, у Забелиной и Козлова... Это как?

Пожилой оратор многозначительно посмотрел на Анну, потом на Козлова. В президиуме, нетерпеливо пристукнув пальцами о стол, поднялся Хромов.

— В партком, товарищи, поступило письмо. Авторы тоже беспокоятся, по этому поводу просят разобраться... в жизни наших лучших производственников.

Его перебили:

— Чего же скрываете? Поговорить надо!

— Ну, что же, — согласился Хромов. — Скажу коротко: партком разбирался, «по душам» говорил с «обвиняемыми», — парторг улыбнулся и глянул вправо на Малюскина, на директора. — Давайте сообщать, так сказать, всей семьей потолкуем, чтоб никаких кривотолков. Дело-то люди — я говорю об Аннушке и ее товарищах — поднимают действительно невиданной чистоты и размаха. Мечтательное дело! И стыдно нам... если к этим нашим людям, всякое репье будет цепляться. Кто выступит?

— Я! — крупная женщина с грубоватым лицом, не ожидая согласия, решительно, вперевалочку поднялась к президиуму.

Тяжелые, мужские руки положила на краешек трибуны, на потертый алый сатин с бывшего праздничного шествия.

У нее были неудобные, никакие не ораторские

слова. Она вслух трудно горевала: если бы он, который не вернулся из жаркой битвы под Козлем, вернулся — такой бы невиданной красоты встало над землей счастье. Он не вернулся. Солдаты, его побратимы, на карте пометили, где похоронен, а все жизни не хватает отойти к той могиле своими ногами. Дочки растут — его кровь, любовь... Я хочу, чтобы дочки мои о своей любви имели право говорить при всем народе. А ты, Анна? А ты, Михаил? Я спрашиваю!

Первым поднялся Михаил. А как же иначе, он мужчина, да еще и обманутый. А голос у него дрогнул, когда он начал:

— Трудно товарищи... Думаю, поймете. Старался, для коллектива работал... уехал в командировку, перенимал опыт! Вернулся, а дома-то, можно сказать, нет. Как жили? Ну, не без того... У кого не бывает? Ушла. Теперь один. Обидно, конечно. Не того хотелось. — После продолжительной паузы, отыскивая кого-то в зале глазами, он добавил: — Видно, другой полюбился. Случается.

Он глубоко передохнул, расстегнул ворот рубашки и перевел взгляд на Владимира.

Кто в эту минуту не посочувствовал искренне Михаилу: парень — душа нараспашку, красивый, талантливый, а поди ж ты? Оказывается, случается такое в жизни.

Директор завода в президиуме чуть потеснил плечом Хромова, будто молча спрашивая: правильно? Но парторг не откликнулся, лицо у него было хмурое, как при зубной боли, а в глазах, когда они видели в первом ряду бледное лицо Забелиной, будто проскакивали золотые, гневные искорки.

— Теперь всякое обо мне можно выдумать... Но сам-то я твердо знаю, что ребенка своего... не забуду! Слышишь! Анна!

Голос Михаила дрогнул, искренне дрогнул, и что-то в его лице неподдельно взволновало слушателей. Старичок в первом ряду требовательными глазами окинул зал, поймал на себе взгляд парторга и вдруг ясно почувствовал, как гневно багровеет у того лицо. «Оказывается, этот артист не забудет своего ребенка! Вот так обязательство!»

На этот раз уже парторг почти незаметным движением потеснил директора и, наверное, сразу же забыл об этом своем движении: он увидел гневное лицо пожилого рабочего и то, как неистово больно наливаются глаза Анны Забелиной.

Покосившись на трудно дышавшего директора, Хромов услышал вдруг чей-то девичий голос:

— А письма ты писал Анне из Солегорска?

Михаил снисходительно улыбнулся:

— Квитанций не имею, но как же без писем? Дело семейное.

— А что до собрания довел — это как, по-семейному? — раздраженно спросила молоденькая курносая женщина. — Доведись до меня, я бы своему глаза при людях выцарапала!

Кто-то хлопнул в ладоши, по залу покатились легкий смехок, но та же курносая, пренебрежительно глянув на сидевшего рядом лысоватого мужа, требовательно повысила голос:

— Товарищ Хромов, вот Анну тут собственный муж принародно шельмует, а чего же это Козлов воды в рот набрал? Виноватый?

Михаил что-то хотел сказать даже этот трогательно приложив ладони к груди, но все взгляды уже обратились в сторону Козлова. Да, он поднялся, вопросительно глянул на Хромова и, уловив

в его глазах молчаливое согласие, кивнул будто каким-то своим мыслям.

— Я знаю: мои слова не оскорбят Аннушку Забелину... — проговорил он глуховато. — Меня вот тоже не оскорбляет, что собрались люди... товарищи и называют тут и меня, и Аннушку, и Михаила. Товарищи, а может мы к этому со старым аршином. К новой жизни со старым аршином?

— С метром — аршин отменен, — солидно поправил Малюшкин. Владимир не слышал этого, он несколько секунд искал какое-то трудное слово, потом снова ясно и близко увидел Анну и, легко, почти успокоенно улыбнувшись, заговорил:

— Дело-то, товарищи, как будто простое и... сложное. Работу, жизнь надо делать с чистой душой. Этому мне хочется учиться у слесаря-наладчика Анны Забелиной. Правда, я ее люблю еще со школьных лет — так какой тут секрет? Люблю и горжусь этим.

— Вот оно! — почти взвился со своего места Малюшкин. — Товарищ Хромов! Принародно! Признание! Зарегистрируйте!

— А кому тут еще принародно признавались в любви? — это снова почти торжествующе спросила курносая и чуть не всхлипнула.

Парторг вопросительно смотрел на Козлова. А тот выждал тишину и, внимательно разглядывая свои крупные раскрытые ладони, откровенно улыбнулся:

— Люблю, но это же только мне трудно. А о любви... Так я ей признался только сегодня, в вашем присутствии. Может, это плохо? Может, плохо, что я был около Анны, когда Михаил от нее ушел? Надо было бояться разговоров, слушков? Я знал и знаю: она любит только одного, надеется, что он поймет, поумнеет. Владимир посмотрел в ту сторону, где, понурив голову, сидел Михаил.

Наверное, он на самом деле искренне сомневался: хорошо или плохо все это — и разговор вот такой, и его любовь к Забелиной, и то, что слышавшая только своей совестью, готов на все, на самое трудное в жизни, но тут к нему подошел «папаша» — Голобродов. Самыми трудными выступлениями на всех собраниях и совещаниях считались выступления этого Голобродова. Он обыкновенно медленно оглядывал присутствующих, начинал вымучивать слова «это самое», «как его», «можно сказать». Потел сам оратор, потела аудитория. На этот раз кто-то тоже почти простонал:

— Опера!

Но «оперы» никакой не произошло. Речь Голобродова, против всяких ожиданий, полилась почти гладко.

— Чего это такое мы разбираем? — спросил он. — Анну разбираем. Володьку... ну, этих я согласен разбирать, а Мишку не хочу разбирать. Руки не поднимаются. Скользкий он какой-то и сами посмотрите: глазки-то у него бегают! А?

Сказал это «а», подумал, почему-то легонько ткнул в грудь Володьку и стеснительно, кашлянув, пошел на место.

Парторг досадливо покосился на Малюшкина, когда тот язвительно хохотнул:

— Высказался!.. Чего еще требуется для... этого... для иллюстрации!

— Разрешите мне!

Это еще кто такая? Хромов внимательно посмотрелся к высокой пышноволосой блондинке.

— Вы из какого цеха?

Блондинка не улыбнулась даже, серые глаза ее под темными ресницами были сосредоточенно строги.

— Я не из цеха и не с вашего завода, товарищ председатель...

— Тогда о чем речь? — впервые за все время подал голос директор завода.

Блондинка почти спокойно кивнула в сторону Михаила Забелина:

— О нем и... обо мне.

Михаил поднял глаза. Кто эти слова произнес? Зина? Почему она здесь, почему смотрит на него так и не узнает? А эта совсем незнакомая, чужая Зина все тем же чужим голосом продолжала:

— Я случайно узнала о собрании... узнала и об Анне Забелиной. И вот пришла рассказать... Я не каюсь пришла. А зачем, спросите?

Девушка долгим взглядом посмотрела на Михаила.

— Забелин тут неправду говорил... А почему? В школе этому учили? Нет. Так откуда это у него? За такое человеку отказывают в самом дорогом... в доверии... А я ему верила, когда он сказал...

— Что сказал? — поднялась со своего места курносая и строго шикнула на лысоватого мужчину, который попытался удержать ее за руку: — Что он сказал?

— Что любит меня единственную... Вы знаете, товарищи, какой это праздник, когда вас любят. Я

поверила... а сегодня, видите, какое у меня горе? Но... разве это горе... когда вижу вашу Анну перед собой! Это уже не горе, а... стыд? Стыд потому, что я не пошла к Анне раньше, не спросила про Михаила, кто она ему, не посмотрела ей прямо в глаза, как сейчас.

Сочувственно и каменно молчаливо встретили это печальное незапланированное слово заводские люди. А девушка уже уходила. Ушла.

Парторг послушал грозную тишину в зале и тяжело поднялся со стула. И сказал совсем немного.

— Друзья, у нашего молодого друга несчастье. А Михаил если не поймет...

— Пусть попробует! — гневно выкрикнул кто-то из зала.

Директор заворочался в кресле, глянул на Анну, на парторга, на ту вон курносую, крикливую и вдруг стеснительно улыбнулся.

Будто просыпаясь от тяжелого сна, Анна смотрела на товарищей в зале, видела улыбки знакомых. Потом взгляд ее обратился к Михаилу. «Почему ты молчишь? Встань! Скажи одно только слово всем этим людям, мне скажи одно только слово!»

И еще пригляделась она к парторгу. Тот рассеянно слушал директора, седоватая его прическа растрепалась, а лицо выглядело сейчас и очень усталым и, как это ни странно, молодым.

СТАЛИНСК

«Талант рождается не сразу, он постепенно совершенствуется... Мы хотим, чтобы творчество молодежи еще больше развивалось... Нужно всемерно помогать росту одаренных людей», — так говорил на третьем съезде писателей Н. С. Хрущев.

Свыше двухсот начинающих авторов самых различных профессий и возрастов участвуют в литературных группах при редакциях городских и районных газет Кузбасса, составляя областное литературное объединение.

Областное объединение и входящие в его состав литературные группы помогают росту молодых талантов, овладению мастерством, ориентируют их на тесную связь с жизнью, воспитывая высокую ответственность за литературный труд, за качество своей работы. Это оправдавшая себя форма работы с молодыми авторами, кузница литературных кадров, призванная подготовить почву для создания в Кузбассе отделения Союза советских писателей.

Жизни литературных групп, их практике и опыту посвящается новый раздел нашего альманаха, который мы открываем разговором о молодых поэтах литературной группы г. Сталинска.

У нас нужны повсюду люди, которые умеют петь

На одном из занятий литературной группы города Сталинска обсуждались стихи Юрия Сартакова. Невысокий смуглолицый юноша взволнованным голосом читал:

Буссоль и тренога....
Молоток за пояс...
Ранняя дорога,
Юношеский поиск.

На ранних дорогах — искания
новы:

Открыта прекрасная тайна
урана,
И тайна руна шелковистых ба-
ранов
Открыта в херсонской Аскании-
Нова...

Голос юноши креп, набирал силу, вот уже зазвучали совсем уверенные строки, заключающие в себе основную мысль стиха:

Радостью находок
Руды рябят,
На ранних дорогах
Находим себя.

На ранних дорогах — селекция
хлеба,
Туманные звезды и скрытые
руды.
На ранних дорогах — упрямые
люди.
Дороги идут по земле и по
небу.

Стихи волновали. И по тому, как мечтательным блеском (вот так бы и мне написать!) горели глаза у совсем еще молоденького литкружковца, как ободряюще смотрел на Юрия руководитель группы Николай Якушин, было ясно — стихотворение понравилось...

Юрий Сартаков еще очень молод. Ему всего 23 года. Он весь в поисках. И нужно прямо ска-

зать — его поиски часто венчается успех. Героями большинства его стихов стали комсомольцы-романтики, искатели трудных дорог. О их горячей любви к жизни, о их мечте и большой работе рассказывает молодой поэт в своих стихах.

Лучшие стихи Юрия — «Песня о Кольке», «Чудак» и другие — ярко говорят об одаренности автора. И тем более хочется предостеречь молодого поэта от некоторых ложных мотивов, которые появились в его последних стихах. Стихи эти сделаны, за редкими исключениями, добротнo, но в них нет-нет да и пробьется нотка самолюбования — вот, мол, смотрите, какой я бесстрашный, сильный, всепонимающий. И, может быть, именно поэтому даже в лучших стихах Юрия Сартакова настоящее мужество иногда подменяется борьбой с искусственно преувеличенными трудностями. (Стихи «Ручное бурение», «Руки твои»).

Именно в эти дни я познакомился и с другим молодым поэтом — литкружковцем Степаном Рыбаком. Помню, мы ходили с ним по гудящим цехам Кузнецкого металлургического

гиганта. Степан хорошо знал свой большой завод, с любовью и теплотой говорил о людях. Многие рабочие здоровались с ним, как со старым знакомым.

Степан Рыбак работает лигатурным сотрудником газеты «Металлург».

— Работа для стихотворца самая подходящая — всегда в самой гуще народа, — в шутку говорит он. И задумчиво добавляет: — Много на нашем заводе хороших людей, замечательных ребят. Поэмы нужно о них писать.

— Что же мешает — пробуй!

— Силенок пока малозато. Да и знаний — не ахти. Учись, думаю, — помрачнев, отвечает Степан.

Но напрасно боится Степан Рыбак братья за стихи о рабочем народе, о своих товарищах по труду. Эта тема близка его сердцу. И, может быть, именно в ней ему суждено найти себя как поэта.

Сейчас он пишет неплохие лирические стихи. В них есть любовь, грусть, радость, тревоги. Но нет глубоких, интересных мыслей, наблюдений. И самое главное — нет большой темы, которая могла бы всколыхнуть его молодое сердце и ум. Недаром на одном из его стихотворений поэт Николай Старшинов написал: «Неплохие лирические стихи, но очень тихая, камерная интонация. Надо смелее!» Очень справедливый упрек!

Степану Рыбаку нельзя отказывать в умении находить для своих стихов хорошие поэтические детали, свежие образы. Возьмем, к примеру, небольшое стихотворение «Апрель в тайге». Есть в нем запоминающиеся места:

В пихтаче зазвенели синицы,
На пригорке пыhtят косачи,
И лучей золотистые спицы
На прогалинах вяжут ручьи.

Находит молодой поэт емкие, выразительные образы и в другом стихотворении — «Матери». Острым, здоровым поэтическим ощущением наполнены, например, такие строчки:

До чего же приятно утрами,
О делах и заботах забыв,

Холодок раздвигая плечами,
Босиком выходить из избы!

Степан Рыбак неплохо владеет техникой стиха, есть у него и хорошее поэтическое видение мира. И остается только пожелать ему смелого вторжения в жизнь большой темы, которая окрылила бы его стихи.

Афанасий Бродилов. Молодой инженер. И пока — новичок в поэзии. Похвально у начинающего поэта стремление к афористичности стиха.

Небольшое четверостишие или восьмистишие легко запомнит читатель. Но для этого оно должно быть предельно выразительным и, конечно, нести в себе свежую, яркую поэтическую мысль.

К сожалению, на этом пути Афанасия Бродилова чаще всего преследуют неудачи. Но и те редкие успехи, которые выпадают на долю молодого автора, серьезно обнадеживают.

О хорошей наблюдательности Бродилова, о его умении найти простое и точное поэтическое слово говорит стихотворение «Сельский вечер».

Еще, как угли, тлеющие в
горне,
Горят над горизонтом облака.
А ночь неторопливая упорно
Стирает с неба огненный закат.
И тихо все.
Сижу. Листаю книжку.
За речкой песня льется далеко...
Да полусонный за столом
братишка
Без хлеба пьет парное молоко.

Заключительные строки стиха рисуют правдивую и поэтичную картину тихого летнего вечера в деревенской семье.

Таких стихов у Афанасия Бродилова пока немного, и им, как правило, часто не достает дыхания современности. И все-таки — это стихи.

После прочтения таких стихов вызывают чувство законного недовольства неряшливые и беспомощные строки:

С. Рыбак

В ТРАМВАЕ

Пассажиры укутались зябко,
По вагону стеклянная дрожь.
А она в синей вязаной шапке,
Как подснежник — не трогай —
сомнешь!

Но под ветром холодным,
сердитым,
Погляди, не склонилась она.
Из очей пассажирам открыто
Улыбается чья-то весна.

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Весь пропахший яблоневым
цветом,
Ласковый и дружеский такой,
Ветер разбудил меня
с рассветом,
Брызнув с яблонь в комнату
росой,
И, махая веткой белопенной,
Он позвал меня в сиянье дня...
Ты для всех была обыкновенной
И весенним ветром —
для меня.

Афанасий Бродилов

МОРОЗ

На новый год он елку
нам принес.
И чтобы в холод были мы
согреты,
На стеклах окон дедушка
Мороз
Нарисовал тропическое лето.

РАДУГА

Запомнилась картина эта
надолго:
Взвилась вдруг с зернопульта
в небо
радуга.
И девушки трудились
споро-молодо,
И радуга ложилась в кузов
золотом.

АРБУЗ

Сто двадцать дней держался
зной.
Прохлада — лишь в колодцах.
Арбуз, посеянный весной,
За лето стал величиной
Никак не меньше солнца.
Сто двадцать дней в степи
ни гроз
И ни одной дождины:
Но капельки медовых рос,
Багрянец зорь —
Все вдруг слилось
В арбузной сердцевине.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Полустанок.
Мальчишки
Скорому кепками машут,
Ветер колышет
Тонкие стебли ромашек.

Грустно, должно быть, ребятам:
Скорости поезд не сбавил,
Только дымок сероватый
Над полустанком оставил.

Впрочем, и мы, что в вагоне,
В детстве такими же были
И на другом перегоне
Вслед поездам грустили,

Так же, со смутной тревогой,
Подолгу их провожали —
Нам за далекой дорогой
Мнились далекие дали.

* * *

Над полями, лесами,
Над горами страны
Встало солнце,
Лучами
Тополя зажжены.

Встало солнце,
И сразу
На земле кутерьма,
Снег дымится чумазый —
Отступает зима.

И, почувствовав юные
Силы в беге своем,
Осторожно проклоннулись
Ручейки за холмом.

Чтобы позже, не мешкая,
Разрастаясь в пути,
Всей земли моей свежесть
До морей донести.

....Стали душу пытаться (?)

Тупо бить и топтать. (?)

Но идеи его не в мундире! (!?)

Их нельзя расстрелять,

Их не вынудишь вспять

Повернуть

В всколыхнувшемся мире!

Это — отрывок из «Баллады о Петре Сухове». Автор Афанасий Бродилов. Нет надобности доказывать, что это очень плохие стихи.

Это лишний раз говорит о том, что Бродилов еще совсем новичок в поэзии, хотя новичок и способный. Пока еще он не может с ясностью и определенностью отличить плохое от хорошего, не может по-настоящему работать над стихами. Молодому автору необходима большая и серьезная творческая учеба.

Совсем не случайно в этой статье идет речь только о тех членах литературной группы, которые пробуют свои силы в поэзии. Дело в том, что почти в каждом творческом коллективе области пишущих стихи подавляющее большинство.

Не является исключением из этого общего правила и литературная группа г. Сталинска. Ее поэтическое ядро далеко не исчерпывается именами Сартакова, Рыбака и Бродилова. Часто на занятиях группы с интересными стихами выступают художник Глеб Холоденкин, журналист Василий Афанасьев, читает товарищам свои новые басни и сатирические миниатюры портной Иван Волков. Не так давно членом этого творческого коллектива стал молодой поэт Борис Гучин, бывший кемеровец. Он — автор интересных стихов о кос-

мосе, о любви, о дружбе. Его стихи не спутаешь с другими. У него своя тема, свой подход к ее разработке. Молодой поэт умеет взволнованно говорить о самых обычных вещах. Но особой силой наполняются его стихи, когда он рассказывает о нашем завтрашнем дне.

* * *

Большой и работоспособный коллектив молодых поэтов и прозаиков Сталинска живет содержательной жизнью. Занятия литературной группы всегда проводятся живо и интересно. Начинающие авторы проходят здесь хорошую школу повышения мастерства.

Есть и еще одна очень важная сторона в работе литгруппы. В ней собрались люди, страстно влюбленные в литературу, в поэзию. И они несут эту любовь в массы, выступая с чтением своих лучших произведений в бригадах коммунистического труда, перед строителями, рабочими промышленных предприятий, перед учащейся молодежью.

...Сегодня молодые литераторы выступают в рабочем клубе. А завтра на очередное занятие литгруппы впервые придет скромный, застенчивый паренек с комсомольской стройки и принесет на суд товарищей свои первые стихи. Наверняка они будут немножко нескладными, «придирчивые» критики найдут в них и неудачные рифмы и чуть-чуть «хромоногий» размер... Но если будет в этих стихах угадываться настоящее чувство и волнение поэта, то товарищи скажут: «Иди к нам, друг. Будем учиться и работать вместе. У нас нужны повсюду люди, которые умеют петь».

В. Махалоз.

ЮРИЙ САРТАКОВ

ТРЕВОЖНОСТЬ

Тревожны запах бузины
И скрип коростеля.
Тревожным шорохом весны
Наполнена земля.
Тревожность сладкую лоя,
Трубит лось за горой.
Весенний посвист соловья —
Тревожный, позывной...

В тугих ветрах, в дыму костров
Тревожный час пробьет,
С проложенных другими троп
Геолог вдруг свернет.
И тот тайник откроет он,
Что старший брат искал..
Тревожной крови перезвон,
И ветер — на висках.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Покинуто стремя..
Упасть и уснуть,
На теплой траве распластаться.

Дымится
Пробитый копытами путь,
Суровый, как счастье алтайца.
Покинуто стремя...

Взлетели костры —
Две трепетно-жаркие птицы.
Уснули ребята, упав под кусты,
А мне почему-то не спится.

А мне почему-то
В полетах огня
Увиделись встречи и ласки..
С улыбкой смотрела заря на
меня —
Царевна из пушкинской сказки.

Юрий САРТАКОВ родился в 1937 году в Салаире. Учился и работал учетчиком в МТС, электриком в автохозяйстве, на строительстве Томусинской ГРЭС. Сейчас — студент IV курса Сибирского металлургического института.

Стихи полюбил рано, писать начал с 14 лет. Печатается в городских и районных газетах с 1956 года. Несколько стихотворений Ю. Сартакова опубликованы в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса».

ПРИЗ

Есть кони с тоненькими
бабками —

Призеры скачек мировых,
Но их прабабками-арабками
Я восхищаться не привык.

Я помню путь, в горах
 проложенный...
Тропа пуглива и дика,
А ветер бьет усталой лошади
И в хвост, и в гриву, и в бока.

А я рукой, сведенной холодом,
За поводок коня веду...

Нет, вел не я...

Конь вел геолога —
Я лишь держался за узду.

Пусть кони с тоненькими
бабками

Берут призы за вихрь-галоп —
Я своему губами зябкими
Свой выдал приз, придя в село.

О МЕТАЛЛЕ

Даже самый точный анализ —
Самый лучший рентгеноснимок
Не покажет, как мы старались,
Сколько юности в сталь внесли мы.
Но не только феррокристаллы
Образуют крепость металла —
Наш в огне затвердевший пот
Тоже крепость ему придает.

☆☆☆

Склоняясь над ретортами хрупкими.
И радость и горечь изведав,
Земными короткими сутками
Мы медленно шли к победе.
Мы люди.
И мы — не железные.
Усталость нас в сон бросала..
Но поднимался полезный
Предел усталости стали.

Д о б р о пожаловать!

Тесными нитями связаны с землей Кузнецкой многие писатели нашей страны. Одни из них родились в Кузбассе, у других — здесь началась творческая жизнь, третьи не раз побывали в городах и на стройках бурно растущего индустриального сердца Сибири, посвятили его людям свои книги.

Среди наших земляков — писатели Галина Евгеньевна Николаева, Иван Григорьевич Падерин, поэт Василий Федоров.

В Кузбассе писали первые произведения, входили в литературу Г. М. Лезгинцев, автор романа о рабочих золотой промышленности «В таежной стороне», Н. Д. Парыгина — ее первая книга «Записки педагога» вышла в Кемерове.

На Кузнецкстрое, в газете «Большевистская сталь», работал С. Ямпольский, ныне известный как автор многих книг и особо «Дорогой испытаний» и опубликованной в прошлом году повести «Мальчик с глубиной улицы».

В первые годы пятилеток, когда еще только прокладывались первые дороги, закладывались новые шахты, заводы и города в Кузбассе, нашел тему для многих лет работы, для ряда книг старейший «огнелюб» М. А. Никитин. Совсем недавно на книжных полках появилась его новая книга очерков о людях Кузбасса «Белый свет». М. А. Никитин и работавший в те годы в Кемерове старейший рабочий поэт И. Е. Ерошин принимали

активное участие в рождении нашего альманаха, в подготовке его первой книги (1949 г.), публиковали в альманахе свои произведения.

На материалах Кузнецкстроя создал И. Г. Эренбург роман «День второй». Кузнецкие наблюдения и встречи нашли отражение во многих произведениях Ф. И. Панферова. Недавно он снова побывал у нас и, вернувшись в Москву, позвал писателей в большой поход — длительную поездку в Кузбасс — для создания очерков и книг о его замечательных людях.

В Кемеровской области долгое время работали О. М. Зив, написавшая роман о кузнецких металлургах — «Горячий час», Ирина Ирошникова — автор книги «Где-то в Сибири», П. Е. Чередниченко, издавший повесть «Дочь России», на шахтах Кузбасса складывал стихи и песни Лев Кондырев.

Над чем работают сейчас писатели земляки и друзья Кузбасса? Не записаны ли в их планах новые встречи с людьми Кузбасса, новые книги о них?

С такими вопросами мы обратились к многим землякам. И когда готовилась к печати эта книга, пришли первые ответы. Мы получили теплые письма от М. А. Никитина, И. Е. Ерошина, Г. М. Лезгинцева Л. Н. Кондырева, П. Е. Чередниченко. Эти письма и кладут начало новому разделу альманаха — «Клубу земляков», который мы открываем

Георгий Лезгинцев

ПУСТЬ ЯРЧЕ РАЗГОРЯТСЯ „ОГНИ КУЗБАССА“

Тронут, что вы до сих пор считаете меня своим земляком, и горжусь этим званием, ведь Кузбасс во многом воспитал меня — здесь я стал коммунистом, опытным горным инженером, начал писать.

Десять лет отдал я Кузбассу, и эти годы были, пожалуй, лучшими в моей жизни, о них я вспоминаю с благодарностью.

Что сказать о себе, о своих творческих планах?

Работая главным инженером одного из золотых приисков Кемеровской области, я часто печатался в газете «Кузбасс», а в 1950 году для Вашего альманаха написал повесть о близких мне людях золотой тайги. В марте 1951 года был направлен делегатом от Кузбасса на Всесоюзный съезд молодых писателей в Москву. Так началась моя писательская биография, в начале которой немалую роль сыграл писатель Александр Волошин,

Повесть мою «Золото» в кузбасском альманахе печатать не стали, но ее почти одновременно напечатали в Москве в альманахе «Год 34-й» и в Новосибирске в журнале «Сибирские огни».

В 1955 году в московском издательстве «Советский писатель» вышел мой роман «В таежной стороне», написанный о горняках на современном кузбасском материале. В 1957 году в том же издательстве вышло значительно переработанное массовое издание этого романа. В 1956 году я был принят в члены Союза писателей СССР. Занимаясь литературной работой, по-прежнему не бросаю инженерной работы — так я понимаю связь литературы с жизнью.

Являясь директором Московского проектного института цветной металлургии, я много езжу по предприятиям нашей страны и пишу статьи, путевые заметки, очерки о героях нашего времени — строителях коммунизма. Их печатали «Правда», «Литературная газета», «Огонек».

С 1958 года пишу новый роман о горняках, о первых шагах совнархозов и о личных судьбах людей, совершивших революционную перестройку руководства нашей промышленностью. Роман написан для издательства «Советский писатель», в данное время работаю над ним с редактором.

В заключение хочу от души пожелать больших творческих успехов Вашему альманаху — пусть, наконец, ярче разгорятся «Огни Кузбасса».

Петр Чередниченко

Петр Евстафьевич Чередниченко в 1941—1949 гг. работал в Кемерове заместителем редактора газеты «Кузбасс». Старый журналист сейчас ушел на пенсию, живет в г. Великие Луки Псковской области. Здесь им написана документальная повесть «Дочь России».

Повесть рассказывает о Елизавете Лукиничне Дмитриевой-Томазовской, отважной русской революционерке, которую лично знал и высоко ценил К. Маркс, называя своим русским другом, оказавшим большие услуги партии.

Елизавета Дмитриева по заданию Генерального Совета Интернационала принимала актив-

ное участие в борьбе Парижской Коммуны с версальцами. Храбрая девушка — ей тогда не было и 20 лет — командовала женским батальоном Коммуны, сражалась на баррикадах.

Книга «Дочь России», вышедшая в 1958 г. в издательстве «Советская Россия» тиражом 150 тыс. экземпляров, быстро разошлась. Автор готовит к печати второе издание, дополнив книгу новыми главами.

Книга «Дочь России» — не первое произведение П. Е. Чередниченко. Еще в 1940 г. в журнале «На рубеже» была опубликована его повесть «Последний батальон», посвященная героической борьбе советских людей против интервентов в годы гражданской войны.

Для нашего «Клуба земляков» Петр Евстафьевич прислал одну из новых глав книги «Дочь России», которую мы и публикуем.

ПОСЛЕДНЯЯ БАРРИКАДА

Утро последнего дня жизни коммуны. Моросит мелкий дождь. Догорают пожары. Из Версаля летят телеграммы торжествующего победу французского палача:

«Глава исполнительной власти — префектам, гражданским и военным властям.

Мы господствуем в Париже, за исключением небольшой его части. Земля Парижа усеяна трупами восставших. Это ужасное зрелище послужит, надо надеяться, уроком инсургентам, которые дерзнули объявить себя сторонниками Коммуны.

Адольф Тьер»

В Париже затишье. Умолкли колокола, день и ночь бившие в набат, смолкла артиллерийская

канонада, не слышно и ружейной стрельбы. Но на улице Рампоно, на высокой каменной баррикаде, все еще развевается на ветру алое знамя Коммуны. Коммунаров не видно, видны лишь их ружья, которые они, не смыкая глаз, держат наготове. Из амбразур, обложенной мешками с песком, зияет жерло одной единственной пушки.

Уже много раз версальцы пытались взять штурмом эту баррикаду. И каждый раз их встречали таким свинцовым шквалом, что атакующие сразу же разбегались по подворотням. Вот и сейчас за стенами домов притаились версальцы, ждут подходящего момента, чтобы вновь ринуться на баррикаду. Для подания боевого духа солдат выкатили из подвала бочки с вином. Солдаты прикладами своих ружей высаживают верхние

днища бочек, черпают вино поварскими черпаками, пьют, обливая животы, отчаянно ругаются, но выйти из подворотни не рискуют. Распространились слухи, что на этой последней баррикаде засели сумасшедшие «петролейщицы» — поджигательницы, что баррикада минирована, и стоит только приблизиться к ней, как она взлетит в воздух.

Неведомо откуда возле баррикады появились двое мальчишек — продавцов газет. Это уже не те веселые и озорные ребята, которые после 18 марта задорно бегали по улицам, выкрикивая бойкие заголовки газетных статей, рассказывали подробности бегства Тьера в Версаль, уверяя, что «Карлик Тьер потерял пикантную часть своего туалета». За эти дни кровавой недели ребята как-то сразу состарились. Выражение бессильной ненависти и страха застыло на их не по-детски суровых и давно невымытых лицах. Но они решили выполнять свой долг до конца. Они держат подмышками пачки подмокших на дожде газет. Увидев в подворотнях версальских солдат, они останавливаются, переглядываются друг с другом и, сложив ладони рупором, кричат версальцам:

— Читайте последние новости последнего номера газеты Коммуны!

— Читайте воззвание коммунаров!

— Если вы будете стрелять, вас проклянут ваши дети, ваши сестры, ваши жены и матери!

— Вспомните утро 18 марта! Ваши братья солдаты братались с народом!

— Поднимайте приклады вверх! Идите к нам!

Наивная вера ребят в чудодейственную силу последнего номера «Официальной газеты» Коммуны сделала их необычайно храбрыми. Они уже полагали, что им удалось заинтриговать версальцев своей газетой и бегом бросились к ним, чтобы хоть бесплатно раздать газеты, которые уже никто не покупал. Но едва ребята добежали до угла, как затрещали выстрелы, сопровождаемые пьяным хохотом и свистом. Мальчик в отцовском кепи национального гвардейца вдруг вскрикнул и распластался в дождевой луже. Вода немедленно стала окрашиваться в бордовый цвет. Его товарищ, бросив газеты, побежал к баррикаде. С ловкостью кош-

ки он стал карабкаться по каменной кладке стены. Стоявший у орудия канонир подал мальчику руку, поднял его, поставил рядом с собой и закричал:

— Собаки! Будьте вы прокляты, кровавые собаки!

Канонир пытается зажечь фитиль орудия. Но в это мгновение из подворотни раздается выстрел. Канонир падает, роняя горящий факел.

Глазами, полными ужаса, смотрит мальчик на убитого канонира. Потом он двумя руками поднимает древко факела, подносит его к фитилю, закрывает глаза и отворачивается. Грохочет оглушительный выстрел. Клубы черного дыма окутывают баррикаду. Мальчик протирает глаза и, словно испугавшись того, что сделал, поспешно прячется за лафет.

Закипела перестрелка. Потом так же внезапно стихла, как и началась. Версальцы снова рассеялись по переулкам и подъездам домов.

Наступила тишина. Тишина длилась так долго, что спрятавшийся за лафетом мальчик высунул голову и стал озираться вокруг. Он вначале не мог понять — живой он или это ему только так кажется, а если живой, то в плену ли он или на баррикаде еще свои. В это время мальчик увидел недалеко от себя сидящего пожилого человека. На нем была какая-то странная поношенная бархатная блуза с большим черным бантом, повязанным вокруг шеи. Мальчик осторожно спросил:

— Ты кто? Ты наш?

— Ваш! — ответил человек и грустно посмотрел на малыша.

— А если наш, то чего же ты не заряжаешь пушку? Ты умеешь заряжать пушку?

— Нет, не умею!

— А из ружья стрелять?

— Нет, не могу! Они мне прострелили руку!

Мальчик посмотрел на висевшую плетью руку, увидел кровавое пятно, проступившее на рукаве блузы этого странного человека и торопливо проговорил:

— Так скорей иди к мадам Жозефине. Она вон там, за ящиками, перевязки раненым делает. А здесь нечего сидеть без пользы!

— А я с пользой! — все так же грустно ответил человек и, придвинувшись к малышу, спросил его:

— Тебя как зовут?

— Эжен!

— Вот и хорошо! Я тоже Эжен! Поэт Эжен Потье! Слышал такого?

— Нет, не слышал, — сказал мальчик. Потом искоса взглянул на поэта и лукаво усмехнулся:

— А ты взаправду поэт или так, чтобы похвастать?

— Взаправду! — сказал Эжен Потье и, растроганный этим детским разговором в час смертельной опасности, прижал к себе мальчика и стал нареспев читать ему свои стихи:

Сулят версальцы нам
разгром,
Вернуть к разбитому
корыту.
Вставай, встречай врага
ядром!
Париж, создай себе
защиту!

Мальчик зачарованно слушает поэта и с восхищением восклицает:

— Ух, вот эта песня! Это ты такую сочинил? А где ее поют? На Бельвиле, на Монмартре поют?

Эжен Потье глазами, полными слез, смотрит на малыша и тихо произносит:

— Нет, на Бельвиле и на Монмартре уже не поют: мертвые петь не умеют. И здесь тоже не поют. Здесь, слышишь, стоят раненные...

Эжен Потье поник головой и снова заговорил:

— Верю, наступит время и будут новые баррикады. И новые песни прозвучат на них. Я уже начал составлять новую песню... Для тех, кто после нас придет на баррикады. Останусь жив — допишу эту песню. А если буду убит, так ты, малыш, запомни вот это.

Эжен Потье начал медленно читать первые строфы своей новой песни:

Вставай, проклятьем
заклейменный
Весь мир голодных и
и рабов!
Кипит наш разум
возмущенный
И в смертный бой вести
готов.
Весь мир насилия мы
разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир
построим,
Кто был ничем, тот станет
всем!

Мальчик нетерпеливо дергает за блузу Эжена Потье:

— Да ты погоди, погоди! Не так быстро, а то не запомню. А сочинять я не умею. Я умею только читать по печатному.

Эжен Потье повторяет куплет. И тут малыш вдруг вскочил на ноги и что есть мочи прокричал:

— Вставайте, заклеимные проклятем голодные рабочие-рабы! Вставайте на смертный бой!

Эжен Потье пытается поймать малыша за рубашку, чтобы снова усадить его в укрытии, но поздно. Шмелями прожужжали пули, затрещали выстрелы. Мальчик, как подкошенный, упал на камни баррикады. Эжен Потье дрожащей рукой поднимает малыша, но его голова, как завядший цветок, безжизненно откидывается назад, из сомкнутых губ показалась, все удлиняясь, тонкая веревочка крови.

— Вот и тебе, мой малыш, уже не нужны мои песни...—шепчет Эжен Потье, поднимается во весь рост и отчаянно кричит:

— На последний бой вставайте, поднимайтесь, друзья-коммунары!

Но подниматься уже некому. Баррикада не отвечает огнем на огонь версальцев. Красное знамя Коммуны одиноко трепещет на ветру.

Трещат барабаны. Версальцы с ружьями наперевес подходят к баррикаде. Все ближе и ближе. На баррикаде тишина. Солдаты крадущимися шагами приближаются к каменной кладке укреплений. Они уже готовы бросить штурмовые лестницы,

чтобы взобраться на баррикаду, как вдруг наверху, у знамени Коммуны, появляется девушка. В черном платье амазонки, опоясанная красным шарфом, она выглядит каким-то странным и страшным видением. Это отважная молодая русская революционерка, командовавшая батальоном парижских амазонок — Елизавета Дмитриева-Томановская. Подняв горящий факел, она удивительно спокойным тоном парламентаря обращается к версальцам:

— Господа! Я хочу вам сообщить условия сдачи баррикады!

Заинтригованные солдаты и офицеры остановились. А девушка мгновенно опустила факел, подожгла бикфордов шнур и гневно закричала:

— Коммунары не сдаются живыми! Я подожгла шнур к пороховому складу! Падайте ниц, тираны! Платите смертью за смерть!

Этот неистовый крик словно ураганом свалил с ног версальцев. Все они в страхе припали к земле, ожидая взрыва...

Никто не видел, куда исчезла эта бесстрашная русская девушка. Лишь через несколько минут версальцы почувствовали, как под ними содрогнулась земля. Раздался страшный грохот взрыва. Высоко в небо взмыл столб пламени. Клубы черного дыма окутали развалины последней баррикады на улице Рампоно.

ОТ АВТОРА: Эпилог принято писать в конце книги. Но нашим

читателям хочется узнать, что было дальше. И потому не будем на этот раз придерживать формального правила и дадим не в конце книги, а в конце этой главы несколько слов вместо эпилога.

А дальше было вот что. Длинная бикфордова шнур была рассчитана так, чтобы успеть до взрыва вынести раненых коммунаров в безопасное место. Левый фланг баррикады упирался в дом, имеющий трабуль (проходной двор). Этим и воспользовалась горстка храбрецов. Таким образом были спасены бесстрашная русская девушка Елизавета Дмитриева-Томановская и ее французские друзья. Жив остался и маленький Эжен, его фамилия — Брюнель. Он, этот храбрый разносчик газет, не был убит. Он был только ранен пулей навывлет. Его на руках принесли в дом какого-то врача, который и выходил его. Остался жив и «большой Эжен» — поэт Эжен Потье. Он скрылся у друзей в Париже, а потом выехал в Лондон, к Марксу. До конца своей жизни Эжен Потье был, по определению В. И. Ленина, «одним из самых великих пропагандистов посредством песни». Свою песню «Интернационал» Эжен Потье закончил в парижском подполье, сразу же после падения Коммуны, в июне не памятного 1871 года. Эта пролетарская песня стала партийным гимном нашей славной Коммунистической партии, победоносно завершившей великое дело пролетарской революции, начатое Парижской Коммуной.

ИВАН ЕРОШИН

УЗОРЫ СОТ

Весна дарит нам лепестки
Душистых, нежных слов.
Сиянье глаз, огонь тоски,
Отраду тихих снов.
Ребенок играм резвым рад,
Покою — седина,
Мне — мысли жизнь, подруги
взгляд

И капельку вина,
С румянцем, с белизной лица
Проститься горько нам,
Но знают чистые сердца, —
Подобен мир волнам.
Рождаст щедрых туч сурьма
Сеть молний и дождей.
Приводит звездная зима
Пушистых лебедей.
В ком слово страстно, глубоко,
Тот к тайне приобщен.
Он любит жизнь светло, легко,
Смеется, плачет он...
Ах, песни! С чем сравнить бы
их?

Они — узоры сот.
Где в гранях бледно-золотых
Росой мерцает мед.

НАСТАВНИК

«Прекрасное должно быть
величаво»,
Оно отрада искренних сердец,
Живет с прекрасным
неразлучно слава...
Прекрасное — наставник и
мудрец.

☆☆☆

ПЕРВЫЙ ЛУЧ

В час рассвета на Белухе
Средь зеленых гор Алтая —
Расцветает первый луч,
Добрые, разумные советы
Расцветают и сияют
В сердце тех, чей дух высок.

Если взял старик девицу —
Старику с ней не ужиться.
Из песка он вьет веревки,
Из рогожи шьет обновки.
Коль вдова за парнем ходит —
Вдовушку бесенок водит.
Рвет зимой она малину,
Ткет холсты из паутины.

С НОЧЕВОЙ

— Хотите, поплывем с ночевой, — сказал мне рыбак.
С лицом загорелым, с обветренной бронзовой грудью.
— Это неплохо, — ответил я парню охотно.
Поели печеной картошки, выпили чаю по кружке,
Подняли парус. Ветер попутный подул.
Озеро вспахано, в космах, Лодка крылата.
Скрылись избушки. Солнце за горы упало.
Ветер утих. Парус поник. Волны — голубки.
Горы черны. Закат золотисто-малинов.
Такие закаты к ядреной, душистой погоде.
— Здесь мы ночуем, а завтра, пораньше, до дома, —
Молвил рыбак, взглянув на глубокое небо,
На дальние горы, что синь променяли на бархат.
Сети поставив, бросили якорь чугунный,
Вынули хлеба, рыбы копченой по штуке,
Пахнет дымком. С аппетитом поели.
Парус — постель. Усталые, крепко заснули.
Розовый, легкий рассвет. Сети, и радость на сердце.
Серебряно-глыбисты, с темными спинами, нельмы.
Сети в порядке. Тронулись ровно, спокойно.
Заулыбалась вода. С весел — цепочкой алмазы.
Ликует рыбак. Он радость находит в немногом...
Он истинно счастлив, а вместе с ним счастлива и я.

Большая творческая жизнь за плечами Ивана Евдокимовича Ерошина, одного из старейших поэтов страны. Он родился в 1894 г. в крестьянской семье, под Рязанью. Со школьных лет началась трудовая жизнь — работал подпаском, батрачил на помещика, добывал торф на разработках Саввы Морозова. Был черно-рабочим в Москве, Петербурге.

В 1913 году Ерошин стал работником «Правды», писал заметки о жизни рабочих. На страницах «Правды» появились и его первые стихи.

И. Е. Ерошин — автор многих книг. Одна из них вышла с предисловием крупнейшего французского писателя, верного друга Советской России Ромена Роллана.

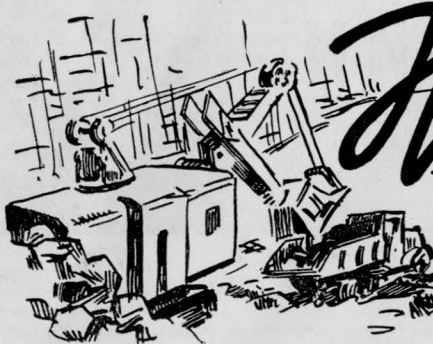
Много лет Иван Евдокимович провел в Сибири. Он был одним из инициаторов создания журнала «Сибирские огни» и выпускал его первый номер в 1922 г. После образования Кемеровской области И. Е. Ерошин приехал в Кемерово, работал в редакции газеты «Кузбасс», принимая активное участие в литературном движении, помогая молодым поэтам. Первая книга нашего альманаха вышла в 1949 г. при непосредственном участии И. Е. Ерошина.

Сейчас Иван Евдокимович живет в Москве, готовит к печати новую книгу, отдельные стихи из которой были напечатаны в декабрьской книжке журнала «Москва» (1959 г.).

Старейший сибирский огнелюб одним из первых откликнулся на приглашение выступить в нашем «клубе земляков», прислал свои зовые стихи и просьбу передать его сердечный привет читателям альманаха «Огни Кузбасса».

У НАШИХ СОСЕДЕЙ

Константин Арстархов

На переднем КРАЕ

Репортаж

НАВСТРЕЧУ стремительно летела бетонная дорожка, четко обозначенная сигнальными огнями. Толчок. Огромная машина пробежала, слегка подпрыгивая на ходу, замедляя с каждой секундой свое движение. Взревели моторы. Пассажиры прильнули к иллюминаторам. Воздушный лайнер начал подруливать к зданию аэровокзала, на котором горела неоновая надпись: «Красноярск».

Наш самолет совершил прыжок из Москвы в удивительно короткий срок — за какие-то шесть с небольшим часов. Поистине — далекая Сибирь стала близкой. Неторопливой вереницей пассажиры потянулись к выходу, прощаясь с приветливыми бортпроводницами и желая счастливого пути тем, кому предстоял еще дальнейший полет до Якутска. Только что открытая трасса Москва — Красноярск — Якутск уверенно вступила в эксплуатацию.

Друзья-корреспонденты повезли меня в гостиницу. Там начались расспросы, разговоры, воспоминания. А утром следующего дня я начал удивительно интересное знакомство с этим поистине сказочным краем.

Еще собираясь в командировку и по журналистской привычке начиная дальний вояж в библиотеке, по книгам, энциклопедиям, справочникам я составил некоторое представление об одном из огромных районов нашей страны, раскинушемся от холодных берегов Ледовитого океана до советско-монгольской границы.

Не счесть богатств края. Здесь самые большие в стране запасы алюминиевого сырья, каменных и бурых углей. Много месторождений золота, никеля, меди, кобальта, молибдена, магнетита, графита и другого минерального сырья. Свыше трех тысяч рек протекает по территории края. Только на Енисее можно построить каскад гидроэлектростанций общей мощностью в 20 миллионов киловатт. Одного леса тут 146 миллионов гектаров. А это — 20 процентов всех лесных богатств Советского Союза.

При царизме край был местом ссылки революционеров, глухой и отсталой провинцией. А теперь это — индустриальный форпост страны в Восточной Сибири, большой культурный центр. Вот несколько примеров.

До революции в крае не было ни одного высшего учебного заведения и насчитывалось только 119 гимназий, сельских школ и других

учебных заведений. Не было публичных библиотек, театров, музеев и т. д. Сейчас в крае 8 институтов, около 3500 средних школ, 1700 библиотек, более 1800 клубов и домов культуры, 15 музеев, 8 театров, свыше 1300 киноустановок, два телецентра.

Нынешняя семилетка будет для Красноярского края гигантским шагом вперед. В совнархозе мне показали карту-схему развития этого экономического района. Некогда безлюдный и безмолвный край становится теперь районом грандиозныхстроек, краем современной индустрии, высоко механизированного сельского хозяйства и передовой культуры. Нельзя не привести некоторые цифры:

За семилетку в крае объем валовой продукции промышленности возрастет почти в три раза, в то время, как этот рост по СССР в целом составит 80 процентов. На развитие хозяйства будет израсходовано 35 миллиардов рублей. Будет освоено еще 800 тысяч гектаров целинных и залежных земель. Площадь зерновых составит 2 миллиона 500 тысяч гектаров, а валовой сбор зерна достигнет 260 миллионов пудов в год. Выработка электроэнергии увеличится в 5,4 раза, выпуск продукции химической промышленности возрастет в 4,9 раза, машиностроения — в 2 раза, легкой промышленности — в 5 раз.

За скупыми этими цифрами стоят величественные замыслы Коммунистической партии, которые наш народ претворяет в жизнь.

Американский инженер Майкл Головатых, побывавший в нашей стране в составе делегации металлургов Соединенных Штатов Америки, в ответ на мой вопрос: «Каково ваше впечатление о Сибири?» сказал: «Сибирь — это передовой фронт XX века, так сейчас говорят у нас в Штатах. Теперь я в этом убежден».

Американец был прав. Действительно, на некогда диких, необжитых и необъятных просторах развернулось стремительное фронтальное наступ-

ление на природу, неисчислимы богатства которой должны быть поставлены на службу советскому человеку.

«СДЕЛАНО В КРАСНОЯРСКЕ»

ЧЕЛОВЕК не может быть равнодушным, давая путевку в жизнь своему детищу. Позади остались бессонные ночи, неутомимые поиски, экспериментирование. Теперь с замиранием сердца ждешь результатов испытаний: придет ли победа?!

Люди забывали об усталости, они теряли счет времени и обгоняли его. Как можно быстрее приступить в эксплуатацию первую очередь Красноярского шинного завода — такой мыслью проникнут коллектив предприятия, строители, сооружающие этот первенец семилетки.

Желания не расходятся с делом — убеждался каждый, кто попадал на завод в предпусковые дни.

— Наше предприятие, — рассказывал мне директор завода Андрей Антонович Петкевич, — будет выпускать шины для всех типов отечественных автомобилей, покрышки для тракторов и самоходных комбайнов. По производству продукции оно займет одно из ведущих мест в Советском Союзе. При сооружении завода учтены последние технические достижения, все производственные процессы здесь полностью автоматизированы и механизированы. Тысячи больших и малых механизмов и агрегатов будут управляться с пультов, где сосредоточены сотни умнейших приборов, сигналов, позволяющих безошибочно руководить сложным хозяйством нашего предприятия. Впрочем, вы можете убедиться в этом сами, пойдемте в цехи, где сейчас идет технологическая обкатка оборудования.

...Громадные корпуса завода раскинулись на площади более шести гектаров. В них не замолкает шум моторов, постукивание молотков, взвизгивание электропил. Все готовится к пуску первой очереди.

Мы стоим около внушительных машин — резиномесителей, размешившихся в залитом светом цехе. Возле агрегатов сновисто и четко работают люди. Это монтажники, руководимые Николаем Федосеевичем Артамоновым. Они еще и еще раз проверяют наладку сложных механизмов.

— До сих пор, — говорит директор, — на родственных предприятиях резиномесильщики вынуждены были трудиться в условиях большой запыленности и загазованности цеха, вручную выполнять ряд операций по приготовлению резиновой смеси. Работа эта считалась наиболее тяжелой и изнурительной.

На нашем заводе осуществлена автоматическая дозировка всех ингредиентов для выпуска резиновой смеси. На помощь пришли совершенные механизмы и приборы. Они преобразуют весь облик цеха. Достаточно сказать, что сама профессия резиномесильщика тут исчезает и на смену ей приходит оператор, который управляет агрегатом с пульта...

Взывает электромотор, без усталости начинают вращаться вальцы резиномесителей — идет обкатка. Над пультом управления склонился монтажник Алексей Ефимович Абрамов, приехавший из Москвы на помощь своим сибирским коллегам. У него богатый производственный опыт, он участвовал в

пуске ряда шинных заводов. А что думает Алексей Ефимович о красноярской новостройке?

— Завод этот — наиболее совершенный в нашей стране, — отвечает на вопрос Абрамов. — Приятно сознавать, что значительная часть оборудования создана на отечественных предприятиях и позволяет резко повысить производительность, культуру труда.

Отправляемся в другие основные цехи завода и останавливаемся возле кордной линии. Тут на кордную ткань будут наносить слои резины. Еще месяца полтора назад здесь были горы земли, рылись траншеи, а сейчас идет пробный пуск агрегатов. Монтировать их было нелегко, ведь только один четырехвалковый каландр весит 75 тонн, но бригада, руководимая Виктором Алексеевичем Игнатьевым, успешно справилась с трудным заданием.

— Впервые в Советском Союзе, — поясняет Андрей Антонович Петкевич, — на кордной линии мы применяем термическую обработку корда в специальной камере. Благодаря этому стойкость корда резко повышается.

Переходя из цеха в цех, невольно обращаешь внимание на многочисленные линии транспортеров. По ним будет идти все передвижение сырья. Ручной труд на его транспортировке полностью исключается.

Вот, наконец, и цех, где произойдет сборка покрышек — завершающее звено линии производства автомобильных шин. Здесь установлены уникальные станки отечественного производства. Они обеспечат высокую производительность на этой операции и дадут возможность полностью отказаться от ручного труда.

По всей технологической линии вступают один за другим в строй механизмы. Идет опробование их под нагрузкой. Вместе со строителями и монтажниками упорно трудится коллектив нового предприятия.

— Вполне понятно, — говорит директор, — что на заводе, оснащенном таким совершенным оборудованием, должны работать люди, имеющие глубокие специальные знания, практический опыт. Такого опыта не было у многих молодых рабочих, специалистов, составляющих подавляющее большинство обслуживающего персонала на нашем заводе. Он пришел во время учебы на родственных предприятиях страны, во время монтажа, наладки механизмов, автоматов, во время подготовки к пуску...

Покидая Красноярский шинный завод, веришь, что недалек день, когда с конвейера сойдет первая продукция, изготовленная на берегах Енисея. Скоро на многих и многих дорогах мы встретим богатырские самосвалы и юркие «Москвичи», стрелительные «Волги» и неторопливые тракторы, на шинах которых будет стоять марка: «Сделано в Красноярске».

РОЖДЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОГО ГИГАНТА

С ЗАСНЕЖЕННОГО поля Красноярского аэропорта взмывает маленький юркий вертолет, пилотируемый летчиком Братковым. Оставляя за собой громаду Сибирского города, раскинувшегося по обе стороны Енисея, «Ми-1» ложится на курс. Внизу вьется лента закованной в ледяную броню могучей полноводной реки. Ее богатырскую силу решили обуздать советские люди.

Под монотонный рокот мотора я слушаю рассказ Василия Ивановича Гладуна, начальника участка, одного из строителей Красноярской гидроэлектростанции, летящего с нами. Потом он умолкает, но я уже отчетливо представляю, как четыре года тому назад на крошечный островок, омываемый бурными водами Енисея, опустился вертолет. Из него вышли разведчики-изыскатели. Они установили приборы и начали вести исследовательские работы. Да, именно здесь, в наиболее узком месте реки, между скалистыми горами высотой до 200 метров, надо соорудить Красноярскую ГЭС — единодушно решили проектировщики после того, как изыскатели доложили о результатах своей работы. Быстрому и экономичному строительству гидроэлектростанции способствует сам характер местности — скалистые берега и дно.

Прошло немного времени, и вслед за разведчиками в таежной деревушке Шумихе появились первые строители...

Наш вертолет вдруг зависает в воздухе, и сквозь широкие стекла кабины видно, как одна за другой снуют через Енисей автомашины, приткнувшись у подножья высокой левобережной горы, стремительно разворачивается стрела экскаватора и еще несколько таких же богатырей машут своими ковшами чуть ли не посредине реки.

— Островок съедает! — смеясь поясняет Гладун. — Сначала послужил он разведчикам, а теперь пусть послужит строителям. Нам ведь очень нужен грунт — ведем отсыпку перемычек, вот и ликвидируем островок.

Пилот разворачивает вертолет и спустя несколько минут плавно сажает машину в молодом таежном поселке Дивногорске. Выгрузив почту и приняв на борт новых пассажиров, Братков уходит в обратный рейс.

Много лет назад на месте Дивногорска был раскольничий скит, а теперь ровными рядами выстроились нарядные двухэтажные дома, они уходят в гору, и за ними могучей стеной высятся седая тайга. Начинался поселок с палаток, которых теперь уже нет и в помине. Зато появились кварталы жилых домов, школы, детские ясли, сады, больницы, магазины, клубы. Каждый месяц строители вводят в строй все новые и новые объекты. Дивногорск растет не по дням, а по часам. В нем уже живет свыше шести тысяч жителей. Ко дню пуска Красноярской ГЭС здесь вырастет современный благоустроенный город.

Но центром стройки является сегодня не Дивногорск, а деревня Шумиха, возле которой Енисей будет перерезан плотинной. Над заснеженным торосистым полем реки все выше поднимается темная гряда верховой перемычки, желтеет свежим лесом опалубка для кессонов, раздвигая лед, все дальше уходит в свинцовые воды низководная перемычка.

Первый год семилетки был знаменателен для гидростроителей — они приступили к основным работам в створе плотины. 8 августа шофер Алексей Прокопьев бросил в реку первую глыбу грунта, на которой было начертано: «Покорим тебя, Енисей!» С тех пор в перемычку уже отсыпано свыше 200 тысяч кубометров грунта.

Поистине героическим можно назвать труд строителей Красноярской ГЭС. Они решили досрочно, к 42-й годовщине Великого Октября, выполнить годовой план всех работ и сдержали свое

слово. Сейчас трудовое наступление идет по всему фронту, ведется наращивание тела всех трех перемычек. Одна цель — как можно скорее, опережая сроки, завершить все работы на левобережном котловане — руководит усилиями всех гидростроителей.

...Подведя экскаватор к завалу и ловко нажав на рычаги, Анатолий Пытько бросает ковш на спрессованную стену. Но опытный глаз машиниста находит уязвимые места, трещины в скованной морозом земле, и вот уже из раскрывшегося с лязгом четырехкубового ковша в самосвал летят глыбы грунта. Взревел мотор автомобиля — и шофер Анатолий Сидоренко стремительно несется по ледяной дороге, чтобы сбросить в реку свою ношу. Сноровисто, ловко работают экипажи экскаваторов и самосвалов.

Грохочут над застывшей рекой взрывы, и многоголосое эхо от них уходит за крутые отроги Саян. Проходчики-взрывники, руководимые мастером Лукьяном Васильевичем Игнатовым, прокладывают на крутых правобережных склонах «ступень», по которой пройдет железнодорожный путь. Расчищается место для станции «Створ». Немного ниже готовят площадку для двух бетонных заводов непрерывного действия. Предприятия эти будут оснащены новейшей техникой, автоматизированы. Они полностью удовлетворят потребности строительства в бетоне.

До весны будет закончено возведение перемычек, гидростроители смело встретят бурный натиск вешнего Енисея, чтобы затем приступить к откачке воды из котлована и начать вгрызаться в дно реки. Там, на скальном основании, заложат фундамент быков водосливной плотины и начнут ее сооружение.

Плотина Красноярской ГЭС будет одна из наиболее высоких в нашей стране — больше 100 метров, за нею создастся водохранилище объемом в 80 миллиардов кубометров воды, т. е. в полтора раза больше Куйбышевского. Искусственное море разольется больше чем на 400 километров вверх по Енисею, площадь его будет около 2 тысяч квадратных километров.

В плотину длиной 700 метров уложат около 6 миллионов кубометров бетона. Река окажется перегородженной по всей своей ширине.

Проектировщики подсчитали, что устройство здесь системы шлюзов при такой большой высоте плотины было бы очень дорогим и невыгодным в эксплуатации. Поэтому вместо шлюзов будет сооружен подъемник, который в течение 10 минут поднимет судно на уровень водохранилища или, наоборот, опустит его из водохранилища в реку.

Первые агрегаты Красноярской ГЭС — самой мощной гидроэлектростанции в мире — войдут в строй уже в нынешней семилетке. Здесь будут установлены десять водяных турбин, мощностью по 508 тысяч киловатт. Характерно, что по весу они почти одинаковы с турбинами Волжской ГЭС имени Ленина, мощность которых 126 тысяч киловатт. Снижение веса гидротурбин достигается применением в большинстве узлов машины сварных литых и сварных конструкций. Предполагается установить эти турбины, не строя специального машинного зала, что позволит сократить сроки сооружения гидроэлектростанции.

...Суровая нынче зима пришла на сибирскую землю. Но несмотря на лютые морозы, ветер, пургу, строители смело покоряют могучую реку. В пер-

вых рядах идут комсомольцы-добровольцы, прибывшие сюда со всех концов нашей Родины. С гордостью называют тут имена взрывников Николая Киселева и Виктора Почкина, шоферов Семена Кунакова и бульдозериста Юрия Сапрыкина, экскаваторщиков Александра Маршалова и Анатолия Пытько, бригадира плотников Леонида Готовко и мастера «Дорстроя» Раисы Ярошенко. Да разве всех перечтешь!

Побывав на строительстве Красноярской ГЭС — переднем крае семилетки, — невольно вспоминаешь пророческие слова Антона Павловича Чехова, побывавшего на Енисее: «...Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Советские люди — творцы и созидатели, кузнецы своего счастья — воплотили мечту великого писателя в чудесную быль.

ДОРОГА ИДЕТ НА ВОСТОК

СТАЛЬНЫЕ нити рельсов тянутся навстречу восходящему солнцу. Все дальше и дальше на северо-восток уходит железнодорожная магистраль Абакан—Тайшет, это последнее звено Южсиба.

Высоко вздыбились над застывшей, ледяной гладью реки железобетонные опоры моста, перекинувшего свои фермы через Абакан. На первых же километрах пути от столицы Хакасии строители встретили эту водную преграду, за ней сразу лежали другие — широкий полноводный Енисей, Минусинская протока.

Непостоянны и капризны в своих привычках все три реки. Быстро их течение, гранитное речное ложе покрыто толстым слоем гальки и валунов, бурные паводки по несколько раз в год взбаламучивают беспокойные их воды. Трудно приходится мостовикам.

Но воля, мужество, труд людей побеждают. Над Абаканом пролегли рельсы, скоро мост будет сдан в эксплуатацию. На переплетах его ферм уже не видно фигур монтажников, а еще недавно в злые морозы, на ледяном пронизывающем ветру они на огромной высоте быстро, четко и ловко делали свое трудное дело.

— Народ у нас подобрался дружный, сплоченный, — рассказывает главный инженер мостоотряда номер пять Владимир Михайлович Белов. — Многие работают в отряде давно, да и молодежь, пришедшая к нам по комсомольским путевкам, быстро освоилась и отлично себя зарекомендовала.

Впервые в нашей практике при сооружении опор мостов через Абакан, Енисей и Минусинскую протоку мы отказались от кессонного метода их возведения и решили построить опоры на буровых сваях-оболочках так же, как были они сооружены советскими и китайскими специалистами на мосту через реку Янцзы.

Конечно, буровые сваи, как и всякое новое дело, освоить было нелегко, но коллектив справился с трудной задачей, внес поправки в предложенный проект и ряд ценных технических усовершенствований.

Сейчас мы форсируем работы на строительстве мостов через Енисей и Минусинскую протоку с тем, чтобы уже в этом году пропустить через них первые поезда...

Посредине могучей реки люди бьют в майну четырехметровое стальное кольцо, которое вгры-

зается в ледяную броню Енисея. С усилием 160 тонн давит на эту махину вибропогружатель. Но секции свай-оболочки, к сожалению, не опускаются почти ни на один сантиметр. Очень медленно, неохотно отступает река перед людьми, которые сильнее ее. Они вычерпывают металлическими сетками битый лед, сокрушают шугу и заставляют огромные сваи медленно погружаться в грунт.

Все глубже и глубже вгрызаются мостостроители в каменное ложе Енисея, стремясь поставить сваи и дать бетон до весеннего паводка.

Трасса последнего на востоке звена Южсиба, взяв с разбегу три бурные реки, затем идет по минусинским степям. Уже поднялись тут насыпи дороги, и подернутое дымок солнце бросает свои золотые холодные лучи на застывшие будто в почетном карауле стройные сосны. Они стоят возле железнодорожного полотна. Все замерло вокруг, и ничто не нарушает это безмолвие.

Однако на станции Минусинск мне сразу же довелось услышать сирену тепловоза, который тащил за собой небольшой состав.

Еще летом прошлого года строители завезли на баржах по Енисею два паровоза и три тепловоза, а теперь они помогают строить стальную магистраль. Сейчас от Минусинска уже уложено более 90 километров пути.

Дорога вступает в предгорья Саян. Горы будто сжимают тоненькую ниточку насыпи, строителям приходится врубаться в вековую тайгу, преодолевать горные кручи, огибать скалистые уступы, вгрызаться в неприступный гранит, прокладывать тоннели.

Из шестисот пятидесяти километров линии Абакан—Тайшет более пятисот идут через дикие дебри Саянского хребта, который пригрозил неисчислимым количеством преград на пути тех, кто сооружает эту дорогу мужества. Достаточно сказать, что здесь предстоит вынуть и переместить свыше сорока миллионов кубометров грунта и скалы, преодолеть семьсот рек, ручьев, а через каждую речку нужен, говоря языком специалистов, мостовой переход. Если все такие переходы сложить вместе, то получится несколько километров. В горах пробьют одиннадцать тоннелей. Уложат сотни верст пути.

Такая задача по плечу строителям стальной магистрали, вооруженным современной техникой, проникшимся страстным желанием как можно лучше выполнить задание Родины.

...Гора Бурлук стоит на водоразделе стремительных рек Кизыра и Ирбы. Подле нее раскинулся поселок Кардонного тоннеля — первого из тех, что будут пробиты на трассе. Прокладывают тоннель под Бурлукской горой метростроевцы. До этого они сооружали метрополитен в Москве, тоннели на линии Сталинск—Абакан, в апатитовых горах Кировска, сложную систему дренажных штолен, спасающих Ульяновск от угрожающих ему оползней. Теперь метростроевцы самоотверженно работают на этой ударной стройке семилетки. Над самым тоннелем, на бортах машин, даже на многих домах — всюду буква «М». Гвардия рабочего класса — метростроевцы делом подтверждают свою высокую марку.

Ни студеная сибирская зима, ни козни горной тайги не могут остановить патриотов, прокладывающих в центре восточных Саян все новые и новые трудные версты железнодорожной магистрали. На всем протяжении от станции Курагино до станции

Кошурниково ни днем, ни ночью не прекращается штурм непокорной тайги. В дело вступили сотни экскаваторов, бульдозеров, скреперов, автомашин.

На 177 километре вырос поселок Кошурниково, названный в память легендарного изыскателя дороги Александра Кошурникова. Он вместе со своими товарищами Алексеем Журавлевым и Константином Стофато прославил эту трассу еще задолго до того, как взрывы разбудили безмолвие напуганной тайги. Семнадцать лет назад инженер Кошурников, свято выполнивший свой долг, писал в дневнике:

«3 ноября. Вторник. Пишу, вероятно, последний раз. Вчера погибли Костя и Алеша. Плот задержало под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом. Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу добиться я ему помог, но на берег вытащить не смог, так он и заковал наполовину в воде. Я иду пешком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и без пищи. Вероятно, сегодня замерзну».

Память об этом подвиге жива в сердцах строителей. Не легко победить тайгу, но глядя на выросший в глуши, там, где еще два года назад даже охотничьей заимки не было, большой поселок с сотнями жителей, убеждаешься, что эстафета, которую несла экспедиция Кошурникова, попала в надежные руки.

Коллектив строительно-монтажного поезда 241 уже соорудил много щитовых домов, школу, больницу. Прорублены просеки среди могучих мохнатых сосен, возникают улицы. В лесной чаще появилась автомобильная дорога. Не по дням, а по часам растет поселок.

Да и не только один он! Нет! Уходит за таежные вершины потревоженный зверь. Незатихающей канонадой гремят взрывы. Над сопками то и дело поднимается пыльный смерч. Глухо урчат моторы машин. Мужественные люди одолевают суровую природу. Побыв на трассе Абакан — Тайшет, убеждаешься, что ее, в основном, сооружают юноши и девушки, приехавшие по комсомольским путевкам. Немало здесь и демобилизованных воинов, которые завоевали настоящий авторитет своим замечательным трудом, с честью берегут и высоко несут славные армейские традиции, хранят солдатскую дружбу, помогающую им в труде.

Здесь хорошо известны имена бригадиров — путеукладчиков Ивана Курбакова и Льва Алферова, мостостроителей-монтажников Константина Басова и Ивана Митрянина, оператора бетонного завода Галины Мочаловой и штукатур Лидии Новоселовой и многих, многих других.

На всем протяжении той дороги, первые вехи которой намечал Кошурников и его товарищи и на которой три станции названы их именами, сегодня волей советских людей рождается стальная магистраль.

Она несет новую, невиданную жизнь в горы, в тайгу, в безлюдье. Железная дорога позволит быстрее освоить богатства Сибири; новые рудники, заводы, рабочие поселки, станции, разъезды вырастут в нехоженной тайге.

На одном из скалистых утесов Саян мне довелось увидеть написанные кем-то из строителей железнодорожной трассы следующие строки:

«Много трудностей — подвигов много!
Для отважных преграды нет!
В срок должна стальная дорога
С Абаканом связать Тайшет!»

Пройдет не так уж много времени, и последнее звено Южносибирской магистрали будет сооружено!

РУДНИК В ГОРАХ

В ОГРОМНОЙ каменной чаше, у подножья остроконечных гор раскинулся поселок Абаза. Это одно из старинных поселений в Хакасии. Еще полвека назад во многих улусах можно было встретить немудреную домашнюю утварь — сковородки, чугуны, котлы, — изготовленную на Абазинском железодельном заводе — примитивном, технически отсталом предприятии, затерянном в глуши горной тайги.

Каторжным был труд людей, работавших здесь, непосильно тяжким занятием была и добыча угля, руды для абазинских вагранок. Завод хирел, приходил в упадок и, наконец, бесславно окончил свое существование.

Сердито шумел кедр, редкий выстрел охотника нарушал безмолвие седой тайги, замирала жизнь в поселке.

Но окружавшие его горы «Абаканской благодати» таили в себе большие запасы железной руды, так нужной нашей стране. Вслед за геологами, досконально обследовавшими месторождение, в Абазу пришли строители мощного рудника, который три года назад был сдан в эксплуатацию.

Широкая бетонная дорога петляет по крутой сопке, все выше и выше уходит к нависшим облакам. Под ними, почти на самой вершине, отчетливо выделяется силуэт бурового станка, а ниже срезанная уступами могучая гора. На каждом из уступов экскаваторы, автомашины. Здесь добывают руду.

На отвесном утесе примостился станок канатно-ударного бурения, управляемый Николаем Коваленко — одним из лучших горняков рудника. Неторопливо, монотонно и упрямо бьет станок скавину, в которую затем заложат аммонит. Скалу взорвут, и экскаваторы начнут убирать раздробленную породу, ведя вскрышу рудного тела.

От работы машинистов станков КУВ во многом зависит успех дела. Вот почему Николай Коваленко настойчиво ищет пути увеличения производительности бурового станка. По его предложению изменена конструкция ходовой части агрегата, позволившая усилить ее стойкость и увеличить межремонтный период с двух месяцев до одного года. Во многом рационализатору помог начальник участка молодой инженер Владимир Ереметов.

Его высокую сухоощавую фигуру можно встретить на руднике и ранним утром и поздним вечером. Без устали карабкается он с уступа на уступ, обходит один станок за другим, дает советы, показывает, учит. Большинство горняков участка — молодежь, многие из них окончили десятилетку, вернулись из армии. Вот, например, Герман Омельин или Василий Попков. Знания, приобретенные в средней школе, позволили им быстро овладеть специальностью машиниста станка канатно-ударного бурения, отлично в нем разбираться, систематически перевыполнять производственное задание.

— Но ребята не успокаиваются на достигнутом, — говорит начальник участка. — Сейчас большинство нашей молодежи готовится к поступлению в заочные техникумы и институты. Мечтаем мы и о том, что на руднике будет открыт филиал гор-

ного техникума. Желающих заниматься в нем — очень много...

Грохочет взрыв. Это подрывники, сделав коммутацию, т. е. соединив все заложенные в скважины заряды в одну цепь, подняли к небесам огромное ржавое облако, и неприступный утес рухнул. Теперь в дело вступают бурильщики второго дробления, они разбурят перфораторами оставшиеся после взрыва огромные глыбы.

Склонившись над отбойным молотком, Трофим Николаевич Кускунаков привычным глазом намечает, куда лучше направить удар, чтобы удачнее раздробить молиотный обломок скалы. Ветеран Отечественной войны, имеющий шесть боевых наград, и на мирной вахте действует по-снайперски смело, точно, сноровисто.

Ворчливо урча, к забою подходит огромный экскаватор. Машинист Владимир Андреевич Шишкин разворачивает стрелу и нажимом рукоятки заставляет зевастый ковш зарыться в породу. Вот ковш в воздухе, и из него летят в двадцатипятилитонный самосвал груды земли, раздробленная скала. Ее увозят на отвал.

Расторопна и послушна могучая машина в руках Шишкина, пришедшего на рудник в дни его строительства и овладевшего здесь профессией экскаваторщика. Впрочем, большинство других горняков, управляющих механизмами и агрегатами, также приобрело себе специальность уже в Абазе.

Поэтому, молодой экскаваторщик Петр Селюк, начинавший свой путь разнорабочим, в короткий срок изучил сложный агрегат, стал умелым опытным машинистом.

Таких экскаваторщиков, как Владимир Шишкин, Петр Селюк, на руднике много. Вместе с ними образцы труда показывают шоферы могучих самосвалов, умело водят они свои машины в любую погоду по трудной горной дороге.

Если оглядеть панораму рудника с соседней сопки, то перед глазами предстанет величественная картина. На каждом из уступов горы богатая техника. Упорно сокрушают стену забоя четырехкубовые экскаваторы. Они размеренно кивают своими гигантскими клювами и доверху грузят рудой непрерывную вереницу самосвалов. Лихо развернувшись, автомобили спускаются к подножью «Абаканской благодати», где расположена дробильно-обогатительная фабрика, и сбрасывают руду в приемный бункер.

Обогатительная фабрика рудника оснащается новейшим оборудованием. Здесь действует дистанционное управление всеми механизмами. Запуск и остановка их осуществляется с центрального пульта. Сейчас ведутся работы по окончательной автоматизации всего технологического процесса. Схема автоматики разработана сотрудниками предприятия и основана на использовании фотоэлектроники и синхронноследящих систем, широкого применения телеконтроля.

Попав на фабрику, руда проходит сложный путь, она дробится, из нее удаляется порода — ее обогащают.

День и ночь не затихает тут ровный гул машин, день и ночь все новые и новые партии добытой и обогащенной руды грузятся в железнодорожные вагоны.

— Из года в год, — рассказывает начальник Абаканского рудника Иван Максимович Кузминов, — наш коллектив дает все больше и больше драгоценного сырья. Только в прошлом году мы

выдали сверх плана около 200 тысяч тонн руды, увеличив среднесуточную добычу по сравнению с 1958 годом почти на 700 тонн и снизив себестоимость одной тонны руды на 2 рубля 70 копеек. Все это результат наиболее эффективного использования техники, правильной организации труда и размаха социалистического соревнования. Одновременно с совершенствованием открытых горных работ ведем подготовку к подземной добыче руды, которая начнется в недалеком будущем.

Мы решили пройти шахту более ускоренными темпами. Вспомогательный ствол проходили не на один, как это было предусмотрено в старом проекте, а сразу на три этажа, причем на всех этажах начаты горизонтальные проходки. А к моменту готовности горизонтальных путей будет закончена проходка главного ствола на один этаж, смонтировано подъемное оборудование машинного здания главного ствола и таким образом введен в эксплуатацию один этаж.

Благодаря этому коллектив сможет выполнить поставленную перед собой задачу — достичь проектной мощности рудника — два с половиной миллиона тонн руды — не в 1965 году, как это предусмотрено планом, а на три года раньше. Таков должен быть наш вклад в семилетку!..

...Едва спускаются сумерки, как поселок утопает в море золотистых огней. Они заливают его рядные жилые дома, больничные городок, клубы, школы. Несмотря на крепкий сибирский мороз, людно на улицах некогда глухого хакасского улуса. Большой, полнокровный жизнью наполнены трудовые будни Абазы — поселка горняков, строителей, геологов.

Мимо запорошенных снегом стройных сосен и кедров, мимо угрюмых сопок и приветливого поселка, то и дело призывно крича, проходят паровозы, ведущие составы с хакасской рудой. Она идет к домам Кузнецкого металлургического комбината, чтобы превратиться в те тысячи видов изделий, что сделаны из знаменитой сибирской стали.

* * *

За месяц пребывания в Красноярском крае немало довелось мне повстречать замечательных людей, увидеть, как на гигантском фронте идет великое наступление.

Горький писал: «Поражая воображение своей грандиозностью, развертываются сказочные картины будущего Сибири». Ныне сказочное становится прекрасной былью. В этом может убедиться каждый, кто побывал на сибирской земле. Но еще более чудесен завтрашний день Сибири. Он уже вычерчен на голубоватых листах ватмана и хрустящей кальке, он ежесекундно чувствуется в нашей сегодняшней размахистой поступи.

В Красноярском крае немало мест, связанных с пребыванием здесь Владимира Ильича Ленина. Глазские жандармы, сослав Ильича в далекое и глухое село Шушенское, рассчитывали сломить молодого революционера, погасить пламя свободы, пылавшее в его душе. Они просчитались. То пламя и сегодня горит в сердцах людей, строящих коммунизм.

Когда самолет проплывал над бесконечными просторами и под крылом вставало множество новостроек, недавно рожденных городов и поселков, то мне подумалось, что это и есть ленинский передний край семилетки.

И. СОЛОДОВНИКОВ

К ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ

Невозвратно ушли в прошлое времена изобретателей-одиночек с их тяжкими судьбами. Почти полтора века назад умер Иван Петрович Кулибин, талантливый самоучка-изобретатель, автор 37 изобретений, которые при его жизни так и не были осуществлены.

Иван Иванович Ползунов на 21 год раньше Джемса Уатта разработал конструкцию универсального двигателя для заводских нужд. Двигатель проработал лишь 43 дня, после чего был уничтожен — так распорядилось безграмотное начальство.

Мы гордимся, что изобретателем радио является наш соотечественник Александр Степанович Попов, что радио — русское изобретение.

Изобретение электродуговой лампы и якоря для электрических машин Павла Николаевича Яблочкова составило целую эпоху в технике. Александру Николаевичу Ладыгину впервые удалось создать электрическую лампочку накаливания с угольным стержнем. Русский морской офицер Хотинский, будучи в США, познакомил с этим изобретением Эдисона, который в дальнейшем усовершенствовал лампочку Ладыгина. Однако в США много пишут об Эдисоне и почти ни одного слова о русском изобретателе Ладыгине. Недаром один французский журнал иронически писал по этому поводу: «Почему же нельзя не заметить, что и солнечный свет изобретен в Америке?».

Русский народ внес неоценимый вклад в мировую культуру, и русские трудовые люди не только знали и интересовались техникой, но и непрерывно обогащали ее. Но полицейско-самодержавный строй царской России, его косность и раболепие перед всем заграничным препятствовали внедрению замечательных отечественных изобретений.

Достаточно указать на то, что в царской России с момента издания первого закона об изобретательстве — с 1814 года по 1917 год, — за 102 года было запатентовано 36078 изобретений, из которых на долю иностранцев приходилось 29730, или 82 процента.

Характерно, что первая привилегия на изобретение выдана в России в 1814 году иностранцу Пауде Барду на машину для взвода судов против течения воды, хотя задолго до этого крепостной крестьянин Михаил Сутырин безрезультатно добивался получения привилегии на такую же машину.

1919 год. Молодая Советская Республика, мобилизовав все свои силы, отбивает ожесточенные атаки колчаковских полчищ в Сибири, банд Деникина на юге, Юденича и белофиннов на севере, белополяков на западе. Страна в кольце интервентов: здесь и англичане, и американцы, и французы, и японцы.

В стране голодно. В городах Центральной России выдают осьмушку хлеба на человека, да и то не каждый день; фабрики и заводы почти не работают: одни из них разрушены, рабочие других с оружием в руках защищают свое социалистическое Отечество от иноземных захватчиков и их приспешников.

А в это время, 30 июня 1919 года, по инициативе Владимира Ильича Совет Народных Комиссаров обсуждает и принимает исторический декрет — первый советский закон об изобретательстве. Закон был опубликован за подписью В. И. Ленина.

Хроника наших дней

Год семилетки первый

АВГУСТ

За выдающиеся успехи в развитии железнодорожного транспорта Указом Президиума Верховного Совета СССР лучшим работникам стальных магистралей страны присвоено звание Героя Социалистического Труда. В их числе есть и наши земляки: составитель поездов ст. Новокузнецк-Сортировочная В. Г. Дрофа, бригадир из Топок С. П. Дудкин, начальник Новокузнецкого отделения дороги Г. С. Колчев, машинист локомотива из Тайги А. П. Порошин, бригадир из Белова Г. А. Ушаков.

* * *

В первых числах августа труженики социалистических полей Кузбасса приступили к уборке озимой ржи и ячменя.

5-го августа газета «Кузбасс» сообщила: в Беловском районе скошена первая тысяча гектаров зерновых.

* * *

Коллектив третьего участка шахты «Чертинская-Южная» довел месячную производительность комбайна «Донбасс» уже до 25 020 тонн. Лава, обслуживаемая комбайнерами т. Зиновьевым, А. Полухиным, И. Михайловым и бригадирами во главе с Н. Черкасовым, Е. Лукьяновым и Д. Шкляр, давала в июле в среднем за смену по тысяче тонн угля.

* * *

В школах Кузбасса обучаются свыше 350 тысяч ребят. Учебой и воспитанием этой армии школьников заняты более 30 тысяч педагогов.

Как быстрее и лучше претворить в жизнь Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования РСФСР»? Обсуждению этого вопроса посвя-

тил свою работу третий съезд учителей Кемеровской области. Съезд принял Обращение ко всем работникам народного просвещения Кузбасса. Избраны делегаты на Всероссийский съезд учителей.

* * *

Встречая Всесоюзный День физкультурника, спортсмены Кузбасса рапортовали о своих успехах. В области свыше полутора тысяч физкультурных коллективов, которые объединяют свыше 200 тысяч любителей спорта. За последние полтора года подготовлено 322 спортсмена первого разряда, около 2 тысяч второразрядников и почти 9 тысяч третьеразрядников. 39 лучших из лучших спортсменов носят почетное звание мастеров спорта СССР.

Год от года растет мастерство наших физкультурников. Только за прошедшие месяцы 1959 года обновлено 83 городских и 28 областных рекордов.

* * *

В г. Юрге сдан в эксплуатацию первый в Кузбассе четырехэтажный крупнопанельный жилой дом. Его сборка и монтаж заняли всего 55 рабочих дней. Стоимость одного квадратного метра в новом доме составляет 1100 рублей, что на 200—400 рублей дешевле, чем в кирпичных зданиях. Крупнопанельные дома вдвое легче кирпичных и намного практичнее.

Первенец Сибири сооружен строителями треста № 144.

* * *

На помощь сибирякам в уборке урожая одна за другой прибывают группы комбайнеров Ставропольского и Краснодарского краев, Ульяновской и Белгородской областей, Калмыцкой АССР.

Свыше 400 механизаторов юга уже приступили к работе на полях Беловского, Промышленновского, Топкинского и других районов нашей области.

* * *

В областном центре состоялась четвертая городская выставка цветов, представленных любителями цветоводства шахт, заводов, школ. Значительную часть экспонатов занимают цветы, сотни различных сортов, которые выращены мичуринцами в коллективных садах и на приусадебных участках.

По представлению жюри лучшие цветоводы-любители награждены дипломами.

В этом документе были определены принципиальные положения об изобретательстве в Советском государстве, которые легли в основу всего последующего законодательства об изобретениях.

За годы Советской власти — с 1917 по 1958 — в нашей стране поступило свыше 41 миллиона изобретений и рационализаторских предложений, в том числе свыше 240 тысяч изобретений, из которых на долю иностранцев приходится лишь 0,7 процента.

Изобретательством и рационализацией в стране занимаются свыше двух миллионов человек — ученых и рабочих, инженеров и техников!

* * *

...XXI съезд КПСС в резолюции по докладу товарища Н. С. Хрущева указал: «Решающим условием успешного выполнения семилетнего плана и создания материально-технической базы коммунизма является широкое внедрение новой техники, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, специализация и кооперирование во всех отраслях народного хозяйства».

О том, какое громадное значение придается в нашей стране проблемам технического прогресса, свидетельствуют решения июньского Пленума ЦК КПСС по механизации и автоматизации производства. Июньский Пленум наметил конкретные пути выполнения решений XXI съезда партии по техническому перевооружению нашей промышленности.

В семилетнем плане огромное значение уделяется развитию производительных сил Кузбасса, этой гигантской кладовой угля, железной руды, редких металлов и других полезных ископаемых.

В Кузбассе будут сооружены десятки крупных шахт, рудников, заводов, в том числе один из крупнейших металлургических заводов Союза — Западно-Сибирский, где все процессы производства будут комплексно механизированы.

По решению правительства Кузнецкий металлургический комбинат в числе шести предприятий черной металлургии страны в ближайшие пять лет должен превратиться в опытно-показательное предприятие по уровню механизации и автоматизации.

Будет сдана в эксплуатацию, полностью механизирована и автоматизирована угольная шахта «Чертинская-Южная» на Беловском руднике.

36 действующих угольных шахт в Кузбассе будут комплексно механизированы. Машиностроительные, химические и другие предприятия Кузбасса сведут к минимуму применение ручного труда.

Вот каковы просторы для творчества наших изобретателей и рационализаторов.

В апреле 1959 года Совет Министров СССР принял новое «Положение об изобретениях, открытиях и рационализаторских предложениях», а также инструкцию о порядке вознаграждения за них. Правительством установлены почетные звания: «Заслуженный изобретатель Республики» с награждением золотым нагрудным знаком и «Заслуженный рационализатор Республики» с награждением серебряным нагрудным знаком.

Ярким проявлением заботы Коммунистической партии и Советского правительства о дальнейшем развитии технического творчества трудящихся, более активном и широком участии их в управлении производством, в решении задач технического прогресса явилось создание в прошлом году по инициативе ЦК КПСС Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, ставшего массовой организацией новаторов науки и техники.

Сейчас это общество насчитывает свыше 35 тысяч первичных организаций с числом членов свыше 1 миллиона 300 тысяч человек. Первый съезд Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов собрался в знаменательные дни, когда весь наш народ, все прогрессивное человечество горячо приветствовали запуск космической ракеты на Луну и выход в море первого в мире атомного ледокола «Ленин».

В Кузбассе членами Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов являются 30 тысяч новаторов производства, научных работников, инженеров и конструкторов. На 700 предприятиях области созданы первичные организации общества. За два года своего существования организации общества проделали значительную работу.

Областным советом общества только за 1959 год свыше 250 изобретателям и рационализаторам различных предприятий Куз-

басса оказана техническая помощь, даны письменные и устные консультации, проведены технические экспертизы, разработаны чертежи и изготовлены опытные образцы.

За это же время свыше тысячи патентам изобретателям и рационализаторам оказана правовая помощь.

...Как-то пришел к нам молодой слесарь-наладчик ленинско-кузнецкого завода «Кузбассэлемент» Иван Анисимович Шапкин. Он, активный рационализатор, совмещает работу с учебой в вечернем техникуме.

Иван Анисимович рассказал, что на заводе самой тяжелой, трудоемкой операцией считается обвязка агломерата 1-КС для батарей. На этой операции заняты 3 бригады женщин по 6—8 человек в каждой. Работа тяжелая, связана с графитной пылью.

Шапкин начал думать, как облегчить труд женщин. На заводской свалке валялся станок-автомат типа «Нейгаузен». Он предназначался тоже для обвязки агломератов, но другого типа. Шапкин решил переконструировать старый «Нейгаузен». Но потом оказалось, что фактически надо было заново создавать машину. Для этого понадобились специальные инженерные расчеты.

Иван Анисимович обратился в дирекцию завода. Главный инженер Немодрук А. А. не отверг идею, но и не помог слесарю. Разумеется, нашлась масса причин: завод израсходовал годовой лимит на рационализацию, конструкторское бюро маленькое, а тут необходимы сложные технические расчеты, изготовление массы рабочих чертежей и т. д. и т. п.

Облсовет ВОИР создал конструкторскую группу в помощь Шапкину. Иван Анисимович собрал вокруг себя несколько энтузиастов, работа закипела...

И вот недавно с завода «Кузбассэлемент» сообщили: «Старый «Нейгаузен» помолодел... Автомат встал в строй и начал новую жизнь!»

Автоматическая линия на заводе «Кузбассэлемент» по производству агломератов с пуском реконструированного Шапкиным автомата замкнулась.

Эта работа слесаря Шапкина была также и его курсовым проектом как учащегося вечернего отделения электромеханического факультета Ленинск-Кузнецкого горного техникума.

Новым Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях предусмотрено создание отделов или бюро по изобретательству и рационализации во всех совнархозах, отраслевых управлениях, трестах и предприятиях.

В Кузбассе на предприятиях, подчиненных непосредственно исполкому либо республиканским министерствам, такие бюро и отделы пока не созданы. Этой работой не занимаются даже по совместительству.

На предприятиях и отраслевых управлениях совнархоза положение с руководством изобретательской и рационализаторской деятельностью обстоит несколько лучше. Кемеровский совнархоз еще в 1958 году издал распоряжение о создании на всех своих предприятиях, в трестах, комбинатах и отраслевых управлениях отделов и бюро по изобретательству и рационализации и укомплектовании их освобожденными от других обязанностей работниками. На предприятиях химии, угольной промышленности, машиностроения появились, правда, не отделы и бюро, а инженеры БРИЗа. Но и это для начала было уже хорошо.

В совнархозе до сих пор нет отдела по изобретательству и рационализации. И неудивительно, что в областной совет обращаются рационализаторы не только за юридической, технической помощью, но и за бланками удостоверений, за деньгами для премирования лучших рационализаторов, занявших классные места по конкурсу-соревнованию.

И в технический отдел, и в управление химической промышленности совнархоза поступали жалобы от рабочих-рационализаторов Кемеровского анилино-красочного завода на нарушение законодательства по рационализации.

Что же выяснилось? За замечательной работой коллектива рационализаторов вскрывались вопиющие нарушения, которые допускала администрация этого завода.

Здесь практиковали систему незаконных подачек по 25—50 рублей сотням рабочих за рационализацию. В 1958 году 663 рационализатора, а за 9 месяцев 1959 года — 472 рационализатора получили такие подачки. Между тем, руководители завода, цехов и

28 августа предприятия Кемеровского совнархоза досрочно выполнили восьмимесячную программу. Растет сверхплановый счет по основным видам продукции: металлу, углю, железной руде, химическим продуктам, стеклу, шиферу и т. д.

Против соответствующего периода прошлого года продукция химической промышленности на тех же производственных площадках возросла на 12 процентов. На 20 процентов увеличился выпуск строительных материалов.

* * *

30 августа страна чествовала славных советских шахтеров. Свой традиционный праздник горняки Кузбасса встретили выдачей 400 тысяч тонн сверхпланового угля. Добыча угля против прошлого года поднялась на 14 тысяч тонн в сутки и достигла почти четверти миллиона тонн.

За крупные успехи, достигнутые в социалистическом соревновании, за долголетний и безупречный труд ко Дню шахтера 271 горняк бассейна награжден знаком «Шахтерская слава», 143 — значком «Отличник социалистического соревнования РСФСР», 257 рабочим присвоено звание «Почетный шахтер».

СЕНТЯБРЬ

Начался новый учебный год в школах. В соответствии с Законом об укреплении связи школы с жизнью в нынешнем году 64 средних школы переведены на 11-летнее обучение, в том числе 41 — в городах и 23 — в селах. Эти школы будут работать на базе металлургических, угольных, машиностроительных предприятий, колхозов и совхозов.

Всего за парты село около 400 тысяч учащихся, в том числе почти 50 тысяч составляют учащиеся школ рабочей и сельской молодежи.

* * *

Широким фронтом на полях Кузбасса развернулась уборка урожая. Со всех концов области идут радостные вести о трудовых достижениях хлеборобов. Вот один из таких примеров. Машинисты лафетных жаток братья Геннадий и Владимир Редких и тракторист Юрий Дагнер из колхоза «Ударник полей» Промышленновского района, занятые на косовице пшеницы, довели дневную выработку спаренного агрегата до 70 гекта-

ров. Такого результата в колхозе еще не знали.

3 сентября рапортовали о завершении косовицы зерновых колхозники сельхозартели им. Чкалова Промышленновского района, на следующий день — труженики сельхозартели им. Жданова.

* * *

12 сентября в нашей стране осуществлен успешный запуск второй космической ракеты к Луне.

14 сентября в 0 часов 2 минуты 24 секунды московского времени вторая советская космическая ракета достигла поверхности Луны. Впервые в истории осуществлен космический полет с Земли на другое небесное тело. В ознаменование этого выдающегося события на поверхность Луны доставлены вымпелы с изображением Герба Советского Союза и надписью «Союз Советских Социалистических Республик. Сентябрь 1959 года».

Для обеспечения сохранности вымпелов при встрече с Луной были приняты конструктивные меры.

Достижение Луны советской космической ракетой является выдающимся успехом науки и техники. Открыта новая страница в исследовании космического пространства.

* * *

15 сентября на воздушном лайнере «ТУ-114» из Москвы в Вашингтон по приглашению президента США Д. Эйзенхауэра с официальным визитом прибыл Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев с семьей и группой сопровождающих его лиц.

* * *

Руководствуясь решениями XXI съезда КПСС и учитывая успешное выполнение государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1959 год — первый год семилетки, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о сроках завершения перевода на сокращенный рабочий день и упорядочении заработной платы рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства и экономическим районам. Предусматривается закончить всю работу по переводу на сокращенный рабочий день не позднее III—IV квартала 1960 года.

участков незаконно получали значительные суммы под предлогом авторского вознаграждения за работу, которую они обязаны были выполнять по долгу службы.

Почему могло это происходить? Да потому, что в управлении химической промышленности совнархоза и в самом совнархозе до сих пор нет органа, способного направлять деятельность изобретателей и рационализаторов и контролировать выполнение необходимых законов.

А волна народного творчества нарастает. Впервые на всекузбасское совещание изобретателей и рационализаторов в октябре 1959 года собралось около 750 представителей огромной армии новаторов области. Воодушевленные вниманием, которое оказывают рационализаторам и изобретателям ЦК КПСС и правительство, кузбассовцы дали слово внести в новаторский фонд семилетки два миллиарда рублей!

Работа предстоит жаркая. И она будет выполнена с честью.

* * *

...Тридцать две тысячи изобретателей и рационализаторов!.. Целая армия передовых представителей рабочего класса, крестьян и интеллигенции. И все это только в одном Кузбассе!

В 1959 году передовики творческой мысли подали свыше 50 тысяч предложений. Из них внедрено 32 тысячи. Государство получило около 196 миллионов рублей экономии — на 46 миллионов рублей больше, чем в 1958 году!

Весомые цифры, правда? Внедрение технических новшеств в Кузбассе дало средства, необходимые для постройки 40 дворцов культуры, или 200 типовых детских садов на 100 мест каждый, или 140 тысяч квадратных метров благоустроенного жилья.

1959 год в жизни коллективов изобретателей и рационализаторов Кузбасса был богат новыми начинаниями, все возрастающей инициативой.

Инженер Кемеровского анилино-красочного завода М. М. Агальцов, инженер-химик М. Ю. Могилевский, лучшие изобретатели и рационализаторы Кузнецкого металлургического комбината — старший мастер А. И. Пряхин, мастер И. Н. Ветров, электрик В. Г. Гурьянов и многие другие — имеют каждый на своем личном счету более миллиона рублей экономии от внедрения в производство своих изобретений и рационализаторских предложений!

Всего лишь на два месяца выехал в подшефный колхоз «Красный Октябрь» замечательный рационализатор Ленинск-Кузнецкого шахтомонтажного управления № 3 слесарь И. П. Назаров. Но и за это время новатор изобрел стогометатель, с помощью сельских механизаторов построил его и первый, так сказать, «снял пробу» — поработал на нем. Стогообразователь показал очень хорошие результаты, помог высвободить от тяжелого физического труда десятки колхозников.

Председатель объединенного совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов предприятий треста «Ленинуголь», инициативный и опытный горный инженер, начальник техотдела треста И. М. Лукьяненко предложил обсудить этот факт на расширенном заседании совета общества. Было принято решение: каждому коллективу изобретателей и рационализаторов городского предприятия взять шефство над коллективами изобретателей и рационализаторов РТС, совхозов и хлебоприемных пунктов Ленинск-Кузнецкого и Промышленновского районов.

Рационализаторы города едут в село, создают в РТС, совхозах и других сельских предприятиях первичные организации общества, оказывают сельским активистам-новаторам техническую помощь консультациями, оформлением чертежей, выполняют технические расчеты, изготавливают опытные образцы.

Областной совет общества принял специальное постановление, в котором горячо одобрил начин рационализаторов Ленинска-Кузнецкого, принял меры к широкому его распространению.

Во многих городах и рабочих поселках Кузбасса рационализаторы промышленных предприятий и строки берут сейчас шефство над механизаторами РТС, совхозов, леспромхозов, хлебозаготовительных пунктов. Так родилось у нас в Кузбассе движение по оказанию технической помощи селу. Эта инициатива направлена на выполнение решений декабрьского Пленума ЦК КПСС о техническом перевооружении сельскохозяйственного производства.

На всекузбасском совещании изобретателей и рационализаторов с большим вниманием было выслушано выступление доцента Кемеровского горного института В. Э. Попова. Он заявил, что начиная с 1959—1960 учебного года студенты и преподаватели Кемеровского горного института берут шефство над коллективами изобретателей и рационализаторов угольных, шахтостроительных, химических и других предприятий области. Институт широко раскроет двери аудиторий, лабораторий, чертежных залов и технических кабинетов для изобретателей и рационализаторов. Коллектив преподавателей и студентов будет оказывать им, особенно рационализаторам-рабочим, не имеющим специального образования, техническую помощь в производстве расчетов, изготовлении чертежей, проводить лабораторные испытания технических новинок, давать технические консультации.

Это начинание подхвачено коллективами преподавателей и студентов Сибирского металлургического института, Кемеровского промышленного техникума и других технических учебных заведений области.

Областной совет общества совместно с областным комитетом ВЛКСМ объявил на 1960 год конкурс-соревнование среди учащихся высших и средних технических и специальных учебных заведений Кузбасса на лучшую постановку творческой работы, на лучшее изобретение, лучшее рационализаторское предложение, а также на лучшую постановку работы по оказанию технической помощи рационализаторам-производственникам.

Последние дни прошлого года принесли немало радостных известий. Рационализаторы беловского завода «Кузбассрадио» рапортовали о выполнении на 125 процентов основных показателей по рационализации производства. Шахтеры Беловского рудника за счет внедрения рационализаторских предложений дали государству около шести миллионов рублей экономии — на пять миллионов рублей больше, чем в 1958 году. На объединенной конференции рационализаторов рудника решили за семилетие дать государству не менее 30 миллионов рублей экономии.

Вот факты о творческой деятельности рационализаторов прокопьевского завода «Электромашина». По инициативе заводского совета общества последний квартал 1959 года был объявлен ударным по внедрению в производство технических новшеств.

И вот каковы результаты. Если за первые три квартала прошлого года из 900 принятых к реализации предложений было внедрено 390 предложений и получена экономия в 1 миллион 700 тысяч рублей, то за последний ударный квартал внедрено 283 предложения с экономией свыше одного миллиона рублей!

Знаменательно, что десятки осуществленных теперь предложений в прошлом были необоснованно отклонены. Например, в сборочном цехе № 3, пересматривая все предложения, отклоненные еще с 1955 года, обнаружили десять бесспорно полезных. Их внедрили. Завод получил дополнительно 36 тысяч рублей экономии. И среди них, например, предложение инженера И. Ф. Олейника: втулки алюминиевых щитов и вентиляторов изготавливать из стальных бесшовных труб, а не вытачивать их из цельного прутка.

Осуществление этого предложения экономит 17 тонн металла в год.

300 тысяч киловатт-часов электроэнергии в год экономится от внедрения предложения инженеров Д. М. Пташка и В. А. Фомина: шунтировать дроссель на печи ДСМ-1,5.

В творческом содружестве здесь работают 10 комплексных бригад рационализаторов, в составе которых люди разных профессий и специальностей — инженеры, рабочие и техники.

На заводе «Электромашина» каждый 5-й работающий — рационализатор. Заводской совет общества изобретателей и заводской комитет профсоюза решили провести эстафету имени семилетки. Она ставит своей целью вовлечение в изобретательскую работу всех инженерно-технических работников и основных производственных рабочих цехов, отделов и участков завода, то есть 100-процентное участие ИТР и основных производственных рабочих в творческой деятельности.

Победителем эстафеты считается тот коллектив, который первым выполнил ее условия. Для коллективов победителей установлены денежные премии и другие поощрения.

На заводе «Электромашина» резко возросла творческая активность. Свыше 100 человек рабочих, инженеров и техников, не участ-

20 сентября колхозники, рабочие совхоза и РТС, специалисты сельского хозяйства Кузнецкого района при активной помощи трудящихся Сталинска первыми в области выполнили государственный план хлебозаготовок. В закрома Родины засыпано почти 700 тысяч пудов зерна. Продажа хлеба государству продолжается.

22 сентября в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, начал свою работу первый съезд Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, который объединяет свыше 1 млн. 300 тысяч человек.

Одной из крупных делегаций на съезде представлены изобретатели и рационализаторы Кузбасса.

ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС обратились с приветствием к съезду.

28 сентября в Москву из поездки в США возвратился Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

На крупнейшей новостройке Кузбасса — Томусинской ГРЭС закончен монтаж третьего блока станции. 29 сентября мощный напор пара ударил в лопасти третьей турбины. На следующий день вспыхнуло пламя в топке пятого котла. Начаты работы по испытанию агрегатов и подготовке их к сдаче в промышленную эксплуатацию.

ОКТАБРЬ

Закончена электрификация железной дороги на участке Тайга — Мариинск протяженностью 148 километров. Первый электропоезд по пути, по которому шесть десятков лет ходили составы только на паровой тяге, провел знатный машинист Герой Социалистического Труда А. П. Порошин.

Отныне вся Томская железная дорога на магистрали Москва — Владивосток электрифицирована. Что это дает? Вот цифры по участку Тайга — Мариинск. Вес поездов возрастет почти в три раза, а скорость движения — вдвое. В два с лишним раза снизится себестоимость перевозок.

* * * Труженики колхозов и совхозов Кузбасса настойчиво ведут борьбу за досрочное выполнение обязательств, принятых на первый год семилетки.

Работники сельского хозяйства Гурьевского, Кемеровского, Топкинского, Промышленновского и Ленинск-Кузнецкого районов завершили годовой план продажи мяса государству.

В целом по области заготовки мяса на 37 процентов превышают уровень соответствующего периода 1958 года.

* * * В соответствии с программой исследования космоса и подготовки к межпланетным полетам 4 октября в СССР успешно осуществлен третий запуск космической ракеты с автоматической межпланетной станцией на борту.

С помощью совершеннейшей аппаратуры удалось сфотографировать обратную сторону Луны и передать полученное изображение на Землю.

* * * Коллектив шахтостроительного управления треста «Кемеровоуголь» сдал в эксплуатацию новое предприятие — Латышевский угольный разрез — первенец семилетки среди угольных предприятий Кузбасса. Этот разрез будет давать по 2 тысячи тонн дешевого топлива в сутки.

* * * 27 октября горняки Байдаевского разреза треста «Куйбышевуголь» первыми в Кузбассе завершили выполнение государственной программы первого года семилетки. До конца года страна получит из этого разреза свыше 60 эшелонов сверхпланового угля.

Себестоимость добываемого угля здесь снижена на 6 рублей 25 копеек и сейчас составляет 20 рублей с копейками за каждую тонну.

* * * 29 октября дал промышленный ток третий турбоагрегат Томусинской ГРЭС.

* * * Нового серьезного успеха добились труженики сельского хозяйства Кузбасса — колхозами и совхозами досрочно выполнен го-

вовавших ранее в рационализации, внесли более 140 предложений, ценных технических новшеств!

Президиум областного совета профессиональных Союзов и президиум областного совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов одобрили почин коллектива изобретателей и рационализаторов прокопьевского завода «Электромашина» и предложили всем профсоюзным комитетам и советам ВОИР провести на всех предприятиях, стройках, РТС и совхозах Кузбасса эстафету имени семилетки. Цель ее — 100-процентное вовлечение в изобретательскую и рационализаторскую работу инженерно-технических работников и основных производственных рабочих. В Кемеровской области первое полугодие второго года семилетки было объявлено ударным по внедрению в народное хозяйство изобретений и рационализаторских предложений.

Коллектив электросталеплавильного цеха Кузнецкого металлургического комбината первым у нас в области решил пересмотреть свои обязательства по созданию новаторского фонда имени семилетки и решил сэкономить за семилетие от внедрения технических новшеств 10 миллионов рублей не за 7 лет по ранее принятому обязательству, а за 5 лет!

Конференция рационализаторов КМК поддержала и приняла это предложение. Почин кузнецких металлургов находит поддержку у машиностроителей, шахтеров, энергетиков, строителей, химиков. Горячий энтузиазм народных умельцев, людей смелой, пылкой творческой мысли дает все основания полагать, что кузбасские два миллиарда в новаторский фонд будут значительно перевыполнены.

Мы приводим только некоторые примеры самоотверженной работы наших изобретателей и рационализаторов. Вот начальник литейного цеха Марининского завода металлоизделий Павел Прокопьевич Францишко. С начала года он уже внес четыре рационализаторских предложения, дающих 10 тысяч рублей годовой экономии. Раньше ребристые трубы — радиаторы, — отливаемые в этом цехе, требовали еще механической обработки. Теперь, благодаря внедрению предложения т. Францишко, эти изделия не нуждаются в дополнительной обработке.

Василий Федорович Климов работает на Марининском заводе технического спирта 12 лет. Он в совершенстве овладел сложной профессией литейщика. Не один десяток рационализаторских предложений, способствующих повышению производительности труда, внес т. Климов на рассмотрение технического совета. Долго не удавалось освоить литье рамок провальных шлаковых шибера толки котла. Пытливый ум Василия Федосеевича не успокоился до тех пор, пока рамки не были отлиты.

На осинниковской шахте «Шусталепская-1» ежедневно вывозят в отвал более 200 трехтонных машин породы. Если содержание угля в выдаваемой породе считать даже в пределах 10 процентов (фактически же его больше), то выходит, что за год в отвал выбрасывается свыше 18 тысяч тонн топлива. Группа рационализаторов во главе с начальником цеха сортировки Василием Григорьевичем Бегуненко предложила производить механическую выборку угля из выдаваемой породы.

От внедрения данного предложения по предварительным подсчетам шахта за год экономит около 900 тысяч рублей.

Коллектив рационализаторов и изобретателей шахты «Абашевская-3-4», следуя примеру новаторов московского завода «Каучук», обязался внести в фонд имени семилетки 1000 предложений с общей экономией 6 миллионов рублей.

За первый год семилетки технический совет шахты рассмотрел 196 рационализаторских предложений, вместо 170 по обязательству. Из них внедрено 138. Экономический эффект от внедрения составил 787 тысяч рублей. В первичной организации общества рационализаторов и изобретателей шахты насчитывается сейчас 103 горняка.

За два месяца нынешнего года в технический совет поступило 25 предложений, из которых 24 уже приняты и внедрены.

Нарастает творческая активность наших рабочих, технической интеллигенции. Впереди необозримые просторы семилетки, впереди свершения неслыханных масштабов. Сплоченные вокруг своей родной Коммунистической партии, народы нашего государства решают гениальные заветы великого Ленина.

довой план заготовок мяса. На заготовительные пункты поступило на 8 с половиной тысяч тонн мяса больше, чем в прошлом году.

Впереди соревнующихся идут труженики Гурьевского района, выполнившие план на 123 процента.

* * *

На промышленных предприятиях, стройках, транспорте, в РТС, колхозах и совхозах нашей области плодотворно трудятся около 30 тысяч изобретателей и рационализаторов. В 1958 году ими подано свыше 44 тысяч различных новаторских предложений. Только внедрение 28 тысяч из них позволило сберечь государству полтора миллиона рублей экономии. За девять месяцев 1959 года подано и внедрено в полтора раза больше предложений, чем за то же время прошлого года.

Областное совещание изобретателей и рационализаторов обсудило пути дальнейшего усиления борьбы за технический прогресс.

Участники совещания обратились ко всем изобретателям и рационализаторам Кузбасса с призывом: внести в новаторский фонд за семилетие не менее двух миллиардов рублей за счет экономии от внедрения изобретений и рационализаторских предложений.

* * *

Шахтеры Кузнецкого бассейна досрочно выполнили свое социалистическое обязательство, взятое на первый год семилетки. Народное хозяйство страны получило дополнительно к заданию 450 тысяч тонн топлива. Перевыполнено также обязательство и по добыче коксующихся углей.

От снижения себестоимости сэкономлено 27 миллионов рублей, что также больше, чем предусматривалось обязательствами.

* * *

31 октября государственная комиссия подписала акт о приеме железной дороги Сталииск — Абакан в постоянную эксплуатацию. Новая 355-километровая трасса, пробитая коллективом управления «Сталинскстройпуть» сквозь тайгу и горы, является важнейшим участком Южносибирского железнодорожного пути. Она позволит поставить на службу Родине богатейшие запасы железных руд и лесные богатства Хакасии.

НОЯБРЬ

На Беловском руднике вступил в строй новый угольный разрез — «Караульный». Его годовая производственная мощность — 200 тысяч тонн угля.

* * *

Накануне Октябрьского праздника дали первый агломерат для домен Кузнецкого комбината две секции нового корпуса обогащения Абагурской аглофабрики.

Мощность фабрики возросла на 25 процентов.

* * *

Исполнилось 30 лет со дня подписания первого договора о социалистическом соревновании между коллективами Кузнецкого и Магнитогорского металлургических комбинатов.

О том, как выросли и возмужали два гиганта металлургии, говорит хотя бы такой факт. Три десятка лет назад в первом социалистическом договоре кузнечане ставили перед собой задачу на 15 процентов поднять производительность труда и ликвидировать неграмотность среди 500 рабочих. А в этом году делегация Кузнецких металлургов поехала в Магнитогорск с договором, где указывается, что сибиряки решили поднять производительность труда за семилетку на 58 процентов, почти наполовину увеличить выплавку чугуна и стали, обучить 20,5 тысячи рабочих. Обучить не букварю и четырем действиям арифметики (это давным давно пройденный этап), а отличному владению всеми средствами механизации и автоматизации, научить управлению с помощью сложнейших приборов всеми процессами технологического цикла.

* * *

Еще одна трудовая победа одержана строителями на Сталинском алюминиевом заводе. В ноябре эксплуатационники получили здесь новый большой электролизный цех, который позволит намного поднять выплавку нужного для народного хозяйства металла.

* * *

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР поздравил коллектив строителей железной дороги Сталииск — Абакан с трудовой победой — сдачей в эксплуатацию новой важной народнохозяйственной магистрали. Отмечена отличная работа

славной молодежи, прибывшей на строительство по общественному призыву.

* * *

В Колонном зале Дома Союзов Москвы состоялся первый Всесоюзный съезд журналистов. Делегаты съезда обсудили очередные задачи советских журналистов, приняли Устав Союза советских журналистов, избрали правление Союза и Центральную ревизионную комиссию.

С огромным вниманием было выслушано выступление Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на приеме журналистов в Кремле.

* * *

Инженерно-технические работники Кузнецкого комбината включились в соревнование «за коммунистический вклад новатора в технику семилетки». Принято обязательство каждому инженеру и технику внести не менее одного рационализаторского предложения в год, а в целом по комбинату — внедрить в производство за семилетку не менее 30 тысяч новшеств и получить за счет этого 205 миллионов рублей экономии.

Металлурги призвали инженеров и техников, всех рабочих предприятий и строков, коллективы научных и проектных институтов Кузбасса развернуть соревнование за технический прогресс, за коммунистический вклад новаторов в технику семилетки.

Почин кузнецов одобрен обкомом КПСС.

ДЕКАБРЬ

Шахта «Полысаевская-3» 12 декабря отправила последний эшелон со сверхплановым углем в счет обязательств первого года семилетки. Всего на-гора было выдано дополнительно к заданию 25 тысяч тонн топлива.

* * *

В середине декабря состоялась областная комсомольская конференция. После обсуждения отчетного доклада обкома ВЛКСМ делегаты, представляющие 170-тысячную армию комсомольцев Кузбасса, избрали новый состав областного комитета ВЛКСМ и ревизионную комиссию.

* * *

Декабрь 1959 года — юбилейный для Кузбасса месяц. Ровно 40 лет назад Красная Армия сов-

местно с партизанскими отрядами и трудовым народом освободила землю Кузнецкую от колчаковщины.

2 декабря 1919 года была восстановлена Советская власть в Кузнецке, 17 декабря — в Кольчугине, 23 — в Тайге, 24 — в Анжеро-Судженске и Кемерове, 28 декабря — в Мариинске.

Общественность Кузбасса широко отметила 40-летие разгрома колчаковщины.

* * *

С 22 по 25 декабря в Москве работал Пленум ЦК КПСС. Он обсудил вопрос о дальнейшем развитии сельского хозяйства: о мероприятиях по выполнению решений XXI съезда КПСС и декабрьского (1958 г.) Пленума ЦК.

* * *

Шахтостроителями Кузбасса сдано в эксплуатацию крупнейшее угледобывающее предприятие на востоке страны — разрез «Томусинский-3-4» с проектной мощностью около 14 тысяч тонн дешевого топлива в сутки.

Новый угольный разрез — хорошо технически оснащенное предприятие. Здесь работают мощные экскаваторы и 150-тонные электровозы, из забоев по бетонной дороге уголь вывозится автомашинами на мощный технологический комплекс.

ГОД СЕМИЛЕТКИ ВТОРОЙ ЯНВАРЬ

5 января в 15 часов выдала первый кокс седьмая коксовая батарея Кузнецкого металлургического комбината — самая мощная в РСФСР и одна из самых мощных в СССР. Таких агрегатов в других странах нет.

Новая батарея, построенная коллективом треста «Сталинскпромстрой», будет давать на 40 процентов больше продукции, чем любая из старых батарей комбината.

* * *

ЦК ВЛКСМ рассмотрел итоги социалистического соревнования молодых кукурузоводов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Первенство в нем завоевали комсомольцы Кузбасса.

Среди райкомов второе место присуждено Промышленновскому райкому ВЛКСМ и третье — Беловскому.

Х
Р
О
Н
И
К
А

Н
А
Ш
И
Х

Д
Н
Е
Й

* * *

7 января в Кемерове состоялось собрание областного партийного актива. Оно обсудило итоги декабрьского Пленума ЦК КПСС и задачи коммунистов Кузбасса по дальнейшему подъему сельского хозяйства.

* * *

7 января на 77-м году жизни скончался крупнейший инженер-металлург нашей страны, один из создателей металлургии Кузбасса, видный ученый, вице-президент Академии наук СССР, депутат Верховного Совета СССР, по Кузнецкому избирательному округу № 183 Герой Социалистического Труда академик Иван Павлович Бардин.

* * *

Центральный Комитет КПСС принял постановление «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». В этом важнейшем документе дана широкая и ясная программа идеологической работы партии, определены ее содержание, формы и методы в период развернутого строительства коммунистического общества.

* * *

Все шире становится фронт работ на строительстве гиганта третьей металлургической базы страны — Западно-Сибирского металлургического завода. На Антоновской площадке растут новые жилые кварталы, усиленными темпами сооружается мощная производственная база. 11 января строители начали заливку бетоном фундаментов первых производственных зданий непосредственно на промышленной площадке завода.

* * *

В середине января в Москве состоялась IV сессия Верховного Совета СССР пятого созыва.

Депутаты обсудили доклад Председателя Совета Министров СССР, Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «Разоружение — путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами» и приняли Закон, предусматривающий новое крупное сокращение Вооруженных Сил СССР, а именно на 1 миллион 200 тысяч человек.

Это решение верховного органа власти нашло единодушное одобрение и поддержку советского народа и всего прогрессивного человечества.

* * *

В нашей стране ведутся работы по созданию более мощной баллистической многоступенчатой ракеты для запусков тяжелых спутников Земли и осуществления космических полетов к планетам солнечной системы.

20 января был произведен запуск такой ракеты. Развив скорость более 26 тысяч километров в час, ракета пролетела около 12,5 тыс. километров и упала в Тихий океан менее чем в двух километрах от расчетной точки падения.

Вторая подобная ракета запущена в район Тихого океана 31 января.

* * *

Прошло немногим больше года с тех пор, как коллектив шахты «Польсаевская-2» Ленинского рудника первым среди горняков Кузбасса встал под знамена коммунистического соревнования.

Подведены первые итоги этого соревнования. Досрочно выполнен годовой план угледобычи. Родина получила свыше 60 тысяч тонн топлива дополнительно к заданию. На 4,2 тонны поднялась производительность труда горняков, сэкономлен 1 млн. рублей от снижения себестоимости добываемого топлива.

Все горнорабочие без отрыва от производства овладели одной, двумя, тремя смежными профессиями. 260 шахтеров занимаются в школах рабочей молодежи, сотни посещают различные курсы при шахтном комбинате рабочего образования.

* * *

Опубликовано сообщение областного статуправления об итогах выполнения плана развития народного хозяйства Кузбасса за 1959 год. Валовая продукция в целом по области возросла в первом году семилетки на 6,2 процента. План производства выполнен на 100,8 процента.

На 15 процентов увеличилось против 1958 года капиталовложения. Введено в строй 819,9 тысячи квадратных метров новой жилой площади. Кроме того, за счет собственных средств и помощи государства населением построено 338 тысяч квадратных метров жилья, 4,5 тысячи домов сооружены в сельской местности. Продолжался дальнейший подъ-

ем сельского хозяйства. Возросли посевные площади и продажа зерна государству, в 2,5 раза увеличились заготовки картофеля и в 4 раза — овощей, более крепким и продуктивным стало животноводство.

16—17 февраля состоялась IX Кемеровская областная партийная конференция. Делегаты заслушали и обсудили отчетный доклад областного комитета КПСС, с которым выступил секретарь обкома партии Е. З. Разумов, и отчетный доклад ревизионной комиссии, сделанный Н. А. Яковлевым.

И докладчики и выступавшие в прения товарищи единодушно отметили, что партийная организация Кузбасса, претворяя в жизнь исторические решения XX и XXI съездов КПСС, постановлений пленумов ЦК партии, за отчетный период идейно и политически выросла, организационно окрепла, еще теснее сплотила свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС.

Конференция признала работу обкома партии за отчетный период удовлетворительной.

Состоялись выборы нового состава областного комитета КПСС и ревизионной комиссии.

17 февраля на пленуме обкома КПСС, избранном IX областной партийной конференцией, первым секретарем обкома КПСС избран Л. И. Лубенников, вторым секретарем — В. И. Залужный. Секретарями обкома КПСС избраны Е. З. Разумов, В. Д. Никитин и П. В. Гузенко.

Пленум избрал бюро обкома КПСС в составе следующих товарищей: Л. И. Лубенников, В. И. Залужный, Е. З. Разумов, В. Д. Никитин, П. В. Гузенко, В. С. Шаповалов, А. Н. Задемидко, В. И. Никитин, В. И. Карпов, Н. Д. Турчин, А. А. Попов.

Кандидатами в члены обкома избраны Н. Я. Троицкий и М. Ф. Николаев.

Трудящиеся предприятий, строев и организаций Кемеровского экономического района, приняв вызов трудящихся Сталинского экономического района на соревнование за досрочное выполнение второго года семилетки, приняли на себя новые высокие обязательства.

Решено досрочно выполнить план 1960 года и выпустить на 130 млн. рублей продукции сверх задания; на 101 процент выпол-

нить план роста производительности труда; обеспечить нужное снижение себестоимости продукции.

400 тысяч тонн угля сверх плана дадут шахтеры, десятки тысяч тонн чугуна, стали, проката — металлурги, 5 тысяч тонн минеральных удобрений и 1,5 тысячи тонн пресс-порошков — химики, на 25 млн. рублей дополнительной продукции — машиностроители, 54 млн. киловатт-часов электроэнергии — энергетики, к 25 декабря выполнят план строительно-монтажных работ строители.

29 февраля 1920 года открылась первая Щегловская горюезная партийная конференция, в работе которой приняло участие 33 делегата от 21 партячейки.

Сейчас, 40 лет спустя, в Кемеровской городской парторганизации 16 тысяч коммунистов, входящих в 2200 первичных партийных организаций.

МАРТ

Коллектив Кузнецкого комбината обратился ко всем работникам черной металлургии развернуть социалистическое соревнование за экономное расходование чугуна, ферросплавов, металлошихты и стали на каждую тысячу тонн проката.

Кузнечане взяли на себя обязательство сэкономить многие десятки тысяч тонн металла.

В ознаменование 50-летия Международного женского дня, отмечая активное участие женщин Советского Союза в коммунистическом строительстве и их заслуги перед Советским государством по воспитанию молодого поколения, за достижение высоких показателей в труде и плодотворную общественную деятельность Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями большую группу советских женщин, в том числе 83 женщины Кузбасса.

253 женщинам страны, в том числе А. К. Петраковой — машинисту коксовиталкивателя Кемеровского коксохимзавода и М. Н. Русановой — машинисту подъемной машины Прокопьевской шахты им. Сталина, присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

ХРОНИКА

НАШИ ДНЕЙ

МРАМОРНАЯ ГОРА

В обстоятельном послании царя Петра томскому воеводе Ржевскому в конце XVII столетия о поисках разных земельных богатств, в том числе серебра, упоминается речка Китат. Оказывается, первые землепроходцы, сообщавшие сибирским воеводам о богатствах, какие попадались им на пути, указывали и на Китат с его обрывистыми берегами и притоками и что-де «там попадает разное каменье, и в том числе серебряный камень».

Однако о серебре в берегах Китата только упомянули: речка была совершенно не обжита, и серебро не стали искать. Да и кто бы тогда мог этим делом заняться!

Но вот в Кузнецком Алатау уже в начале XIX столетия было найдено золото. Его обнаружили в жилах среди горных пород, и особенно в песчаных россыпях по мелким рекам. И сразу делаются известными, входят в историю Сибири Кыя, Кундат, Кожух, Тулуял, Кондусуял и другие реки. Нашлось золото и на Китате, и с той поры речка получает новое название — Золотой Китат.

Тонкая линия речки вьется среди холмов северной части Алатау, лежит светлой полоской на темно-синем пологие горной черневой тайги. В пейзаже здесь синь пихтачей, ельников, кедровников, бурые пятна моховых болот по межгорьям, лесосеки и скальные обнажения по берегам. И редкие-редкие селения. Лишь в нижнем течении, уже ближе к Яе, к берегам подступают поля, селения больше и встречаются чаще.

Знаем ли мы, какие природные клады находятся в обрывистых берегах Золотого Китата? Нет, в должной мере еще не знаем. И даже в тех случаях,

когда река обнажила в откосах берегов, выбросила на отмели, на песчаные косы некоторые свои дары, они не всегда используются и даже не всегда замечаются. То ли руки не доходят, то ли недостаточно инициативы, чтобы взяться за «каменье», о котором упоминали еще давние землепроходцы.

В рабочем поселке Яе, около которого Золотой Китат вливается в реку Яю, мы увидели в кабинете руководителя лесозаготовительной организации украшение из шлифованного мрамора. Возник разговор.

— Откуда этот мрамор?

— Местный. Не так далеко отсюда по Золотому Китату есть мраморная гора...

— Гора?

— Да, гора!

Гора мрамора! Чье сердце останется равнодушным к этим двум словам? И вот мы уже на пути к мраморной горе. Дорога пролегает то по одному, то по другому берегу реки через селения, частые на этом участке реки. В летнее время река настолько сильно мелеет, что нет затруднений найти брод. И дно этой речки устлано галькой, обкатанными горными породами, часты галечно-песчаные косы и отмели. И ширина водотока обычно около двадцати метров, а чем выше, тем и того уже.

Но горный характер реки чувствуется во многом: высокие, а местами обрывистые коренные берега, особенно правый; кое-где обнаженные откосы; глубокая и довольно узкая речная долина. Полтора-два десятка километров от устья, а по долине и по коренным берегам видны темно-хвойные леса. Большая тайга отсюда уже не так далеко.

Наконец с высокого берега у деревни Шестаковой нам показывают мраморную гору. Одна-

ко увидеть ее издалека трудно, лишь едва различима владина реки, над которой сплошное море хвойной тайги с высоко поднимающимися отдельными деревьями. Но все-таки где-то близко от нас гора мрамора.

Еще нужно время, чтоб пробраться по бездорожью среди древесно-кустарниковых зарослей речной долины, и вот мы у самой горы.

Она не эффектна... Это просто часть высокого левого берега, ограниченная двумя лощинами. Правда, мраморная гора суживается кверху, а сама макушка даже обнажена.

Склон, обращенный к реке, покрыт мелкой древесной и кустарниковой растительностью, а у подножия — глыбы — обломки горы, следы разрушения берега ветром и водой.

Вершина горы поднимается над рекой метров на сорок — гора, как видите, невысока. Но она широка. А как далеко простирается эта возвышенность, трудно сказать без специального обследования.

Нас прежде всего увлекли глыбы-обломки: что в них, из чего они? Ведь они скатились с откоса горы или оторвались от основания. Некоторые глыбы обросли зеленым мхом, другие — оранжевым корковидным лишайником, иные запылены или покрыты засохшей грязью и речным илом. Но вот по углу одного такого камня мы ударили молотком, грязь и обветшавшая верхняя корка отвалились, и в свежем обнажении открылась твердая, как гранит, светло-зеленоватая масса. Да, мрамор! Тот же самый, который в обработанном, отшлифованном виде я видел в Яе. Другие обломки были голубовато-серого тона, темно-серого со светлыми прожилками.

Двое моих спутников — молодые люди, — запасшись палками, полезли по крутому откосу на верх горы и через несколько минут один из них сгинул уже на самой вершине. Они взяли образцы и — та же картина, тот же преимущественно светло-зеленый мрамор.

Сколько мрамора, велики ли запасы, имеют ли они промышленное значение — сказать пока трудно. Может быть, мало, а может быть, и много. Возможно, что здесь кладовая, имеющая большое промышленное значение. И совсем не удивительно, если золотокитатский мрамор украсит дворцы культуры, университетские и другие общественные здания Сибири, будет использован для разных художественных изделий.

Во всяком случае, это месторождение надо основательно обследовать. И обследовать не откладывая. Железная дорога здесь недалеко, а это так важно для промышленного использо-

вания нового месторождения.

Велики наши богатства! Вот перед нами мраморная гора. А разве она одна только на просторах Золотого Китата, берега которого мы знаем еще мало и плохо. Есть мрамор по реке Барзас. Есть он по реке Мрас-Су в Горной Шории. Попадают мраморовидные кристаллические известняки молочного цвета по речке Сухой Берикюль в отрогах Алатау, по реке Толмой на Салаире и во многих других местах. Точно так же интересна вынесенная природой на поверхность громада красного камня на реке Кожух в северных отрогах Кузнецкого Алатау.

И малоизученная мраморная гора, у подножья которой мы стоим, еще раз напоминает, сколько у нас неизведанных мест и сколько еще надо выявить даров нашей великолепной природы.

На обратном пути мы остановились у деревни Мальцевой.

По левому пониженному берегу вытянулось большое селение, а правый берег с крутым обнаженным откосом высоко поднялся над рекой и покрыт соснами, как могучей гризой. Эта живописная картина обнаженного белесого с зеленью поверху берега видна издали и бросается в глаза.

Здесь известняки. В откосе когда-то была интересная карстовая пещера, которую не так давно обрушили взрывом. А по откосу, по откосам Золотого Китата — множество обломков известкового камня нескольких цветовых оттенков. Попадают образцы кристаллического известняка. И наша коллекция в этом месте оказалась не менее содержательной, чем на мраморной горе.

Сколько таких коллекций можно собрать, если пройти по берегу реки до ее истоков, т. е. больше двухсот километров! И сколько тут ценного добра!

Н. ЯКУШИН

ПОДВИГ ПИСАТЕЛЯ- ГРАЖДАНИНА

К путешествию на Сахалин Чехов готовился долго и тщательно. Он прочитал огромное количество книг по самым различным отраслям знаний: геологии, метеорологии, этнографии, зоологии и т. д. Антон Павлович читал труды русских и зарубежных путешественников и ученых, статьи и исследования о каторге и ссылке, знакомился с отчетами Главного тюремного управления. «Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина» (XV, 17)¹⁾, — писал Чехов в письме А. Н. Плещееву.

¹⁾ Все ссылки даются по полному собранию сочинений и писем А. П. Чехова (тт. I—XX, 1944—1951 гг.). Римские цифры означают том, арабские — страницу.

Собранный материал писатель тщательно систематизировал и одновременно приступил к работе над фрагментами своего будущего труда о Сахалине, которые не требовали личных наблюдений.

Весной 1890 года сборы были закончены, и 19 апреля Чехов выехал из Москвы в Ярославль. Там он сел на пароход, спустился по Волге до Казани, оттуда вверх по Каме добрался до Перми. Потом по железной дороге до Тюмени. Дальше начинался Сибирский путь. Вагон поезда пришлось сменить на тарантас, запряженный парой лошадей.

Весна выдалась в тот год поздняя. Был уже май, а во многих местах еще не сошел снег. Дул пронизывающий холодный ветер. Земля то замерзала, и колеса тарантаса гремели по рытвинам и ухабам, то раскисала так, что, казалось, никакая сила не сможет вытащить экипаж из густой жирной грязи.

«Сибирский тракт — самая большая, и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете» (X, 361), — с горечью писал Чехов. А ведь эта дорога была единственной артерией, связывающей Европу и Сибирь. По ней ехали служилые люди, везли товары, шли партии переселенцев и арестантов. Больно было видеть писателю людей, измученных дорогой, лошадей, выбившихся из сил, которых не могли сдвинуть с места ни ругань извозчиков, ни побой. Больно было видеть равнодушные тех, кто мог бы облегчить страдания людей и животных на этой невыносимо тяжелой дороге.

В Сретенье Антон Павлович пересел на пароход и благополучно (если не считать того, что пароход наскочил на камни и почти два дня просидел на них) добрался до Николаева, а затем через Татарский пролив на Сахалин.

Более двух с половиной месяцев добирался Чехов до цели своего путешествия, но это время он не считал потерянным зря. «Я доволен и благодарю бога, что он дал мне силу и возможность пуститься в это путешествие, — писал Антон Павлович Н. А. Лейкину. — Многие я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто как для человека» (XV, 99).

Сибирь поразила Чехова величавой красотой, бескрайними просторами и бесчисленными богатствами. До своей поездки на Сахалин Антон Павлович многое повидал. Он хорошо знал и любил полные очарования украинские степи, которые воспедал в своей изумительной повести «Степь». Ему близка и понятна была глубоко поэтичная природа Подмосковья. Любовался писатель и суровой красотой Кавказа. Здесь, в Сибири, все было другим. И степи привольнее, и леса бескрайнее, и горы живописнее. А какие здесь реки! Широкие, полноводные, могучие. Глядел и не мог наглядеться Антон Павлович на плескавшийся у его ног Енисей. «...В своей жизни я не видел реки величественнее Енисея, — с восторгом писал он. — Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. На Волге человек начал удалю, а кончил стоном, который зовется песнью, ...на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалю, какая нам и во сне не снилась» (X, 368).

За Енисеем перед писателем открылся совершенно новый мир, началась, говоря его словами, «природа оригинальная, величавая и прекрасная...» Особенно поразила Чехова сибирская тайга, сила и очарование которой, по его выражению, заключались «не в деревьях гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы

знают, где она кончается» (X, 369). Безбрежный океан тайги вызвал восхищение у писателя. Она представилась ему несокрушимой, могучей силой, от которой веет «бесшабашной, обольстительной свободой».

А потом перед глазами писателя открылось «славное море» — Байкал и, наконец, Забайкалье. Чехову показалось, что никогда и ничего прекраснее он не видел на свете. Здесь как будто воедино слилось все, что он так любил, чем никогда не уставал восторгаться. «В Забайкалье я находил все, что хотел, — писал он родным, — и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по Донецкой степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния — и так всю тысячу верст» (XV, 112).

Все вокруг радовало и восхищало Антона Павловича. Ему временами казалось, что здесь и сама жизнь совсем иная, чем та, которую он оставил далеко позади, что чем дальше он едет на восток, тем свободнее дышится, что и люди здесь приветливее и смотрят независимее.

И совершенно покорило сердце Чехова Амур. «Я в Амур влюблен, — признавался он А. С. Суворину, — охотно прожил бы на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло» (XV, 121).

С огромным интересом присматривался Чехов к жизни сибирских городов, через которые ему случалось проезжать. В некоторых из них он останавливался на несколько дней, осматривал достопримечательности, знакомился с людьми, интересовался всем, что заслуживало, с его точки зрения, внимания. Но таких городов было немного: Томск, Красноярск, Иркутск. В большинстве же случаев Чехову приходилось довольствоваться самым общим знакомством с жизнью сибирских городов. Да это и понятно. Чехов спешил. У него было очень мало времени, а впереди предстояла огромная работа.

Первым из сибирских городов, в котором остановился Чехов, был Томск. Еще в Москве писатель говорил, что непременно посетит его. «В Томске, — писал он А. С. Суворину, — осматриваю университет. Так как там один факультет — медицинский, то при осмотре я не явлю себя профаном» (XV, 58).

В Томск Антон Павлович приехал после утомительного путешествия по распутице, бездорожью, в дождь и стужу. Приехал усталый, измученный, с надеждой немного отдохнуть и прийти в себя. Однако все вышло не совсем так, как он предполагал. Поселился Чехов в очень неблагоустроенной гостинице, осмотреть город из-за наводнения, затопившего половину Томска, толком не пришлось, познакомиться с интересными людьми не удалось. Из своих новых знакомых Чехов называет редактора консервативной газеты «Сибирский вестник» Картамышева, которого весьма образно характеризует как «местного Ноздрева, пьяницу и забулдыгу» (XV, 78), и помощника полицеймейстера, который «угостил его рассказом» и «предложил... съездить посмотреть томские дома терпимости» (XV, 90).

Так и остался Томск в памяти Чехова городом невообразимой грязи, скуки и тоски. Перед отъездом из него Антон Павлович в письме М. П. Чеховой написал: «Томск — скучнейший город. Если судить по тем пьяницам, с которыми я познакомился, и по тем вумным людям, которые приходили ко мне в номер на поклонение, то и люди здесь прескучнейшие. По крайней мере, мне с ними так не весело, что я приказал человеку никого не принимать» (XV, 90).

Зато Красноярск произвел на Чехова самое от-

радное впечатление. «Красноярск красивый, интеллигентный город... Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные» (XV, 93), — сообщал он своей сестре. В Красноярске Чехов пробыл всего один день. И естественно, что за столь короткое время глубоко познакомиться с его жизнью он не успел.

В Иркутске Антон Павлович прожил целую неделю. Все здесь ему чрезвычайно понравилось. И сам город, и люди, с которыми пришлось встретиться. «Иркутск превосходный город, — писал он. — Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы.

...Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей...» (XV, 102). Всюду, где ни появлялся Чехов, его встречали чрезвычайно любезно: показывали город, приглашали в гости, рассказывали обо всем, что интересовало писателя. Здесь он хорошо отдохнул после многодневных дорожных скитаний и двинулся дальше.

Много увидел Чехов за время своих странствий по Великому сибирскому пути, многое пережил и перечувствовал. Здесь, в Сибири, он впервые так близко и непосредственно столкнулся с народом, увидел его жизнь, его мучения и страдания.

Еще на пароходе, плывущем по Каме, писатель встретился с первыми переселенцами, которые в конце прошлого века в одиночку и семьями, а иногда и целыми деревнями отправлялись в далекую Сибирь, надеясь найти там лучшую долю. Множество переселенцев увидел писатель и во время своего путешествия по бесконечному Сибирскому тракту. Именно эти простые люди в глазах Чехова являли собою пример подлинного героизма и самоотверженности: «Порвать навсегда с жизнью, которая кажется ненормальной, пожертвовать для этого родным краем и родным гнездом может только необыкновенный человек, герой...» (X, 341). Но, восхищаясь мужеством переселенцев, писатель не мог не видеть и того, какие муки они претерпевают, сколько гибнет их во время долгого пути.

Иногда тарантас Антона Павловича обгонял печальные процессии арестантов, отправляемых на каторгу. И сердце писателя сжималось от горя и страдания при виде этих несчастных. «Звенья кандалами, идут по дороге 30—40 арестантов, — рассказывал Чехов в своих очерках «Из Сибири», написанных под свежим впечатлением только что увиденного, — по сторонам их солдаты с ружьями, а позади — две подводы... Арестанты и солдаты выбились из сил: дорога плоха, нет мочи идти... До деревни, где они будут ночевать, осталось еще десять верст. А когда придут в деревню, наскоро закусят, напьются кирпичного чаю и тотчас же повалятся спать, и тотчас же их облепят клопы — злейший, непобедимый враг тех, кто изнемог и кому страстно хочется спать» (X, 341).

А путь им предстоит огромный. Без малого семь-восемь тысяч верст вышагивают иные арестантские партии. И далеко не каждому это под силу, не всякий выдерживает эту безумную трудную дорогу. Иные гибнут в пути, другие навсегда расстаются со здоровьем, третьи приходят к месту назначения духовно сломленными людьми.

Так вот и живут они, ничего не ожидая, ничем не интересуясь, ни к чему не стремясь. «Тоска и тоска!» — восклицает писатель.

С пристальным вниманием вглядывался Чехов в жизнь сибирской деревни и сибирского крестьянина. И это понятно. Антон Павлович далек был от мысли рассматривать Сибирь только как место каторги и ссылки. Сибирь представлялась ему прежде

всего малоизученным, но многообещающим и богатым краем. Не случайно он все время в письмах к родным и в своих путевых очерках говорит о восхищении сибирскими просторами и о том, что у этого края замечательное будущее. Но главное, что интересует писателя — это люди, сибирские крестьяне. Ему чрезвычайно импонируют трудолюбие сибирского крестьянина, его чистоплотность и удивительная честность. В течение всего путешествия он нигде не видел праздных людей. И зимой, когда все вокруг засыпано снегом и сковано морозом, и весной, когда на многие километры разливаются реки, а дороги превращаются в жидкий кисель, сибиряки не сидят без дела. Мужчины ямщикуют, занимаются извозом, валяют валенки, промышленяют нехитрыми ремеслами. Не сидят без дела и женщины, занятые домашними делами. «Ничего не делают только старики», — говорит писатель.

Кстати, о сибирских женщинах. Антон Павлович отзывался о них с неизменным уважением. По его словам, сибирячки «толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнее, чем в Европе; мужья не бранят и не бьют их, потому что они так же высоки и сильны и умны, как их повелители; они, когда мужей нет дома, ямщикуют; любят каламбурить» (XV, 76).

Честность сибиряков приводила Чехова в восхищение. «Нравы здесь в этом отношении чудесные, традиции добрые, — писал он в своих очерках. — Я глубоко убежден, что если бы я обронил в возке деньги, то нашедший их вольный ямщик возвратил бы мне их, не заглянув даже в бумажник» (X, 349).

В одном из сибирских селений, крестьянская семья приютила маленького подкидыша, и даже не приютила, а скорее усыновила, окружив его таким вниманием и заботой, точно это был их родной ребенок. «Какие хорошие люди!» — проникновенно говорил Антон Павлович, рассказав эту историю.

Народ в Сибири не только трудолюбив, не только добр и отзывчив, но и талантлив. Об одном из сибирских умельцев, таежном кузнеце, который «может все делать», писатель повествует в очерках «Из Сибири». Все нравится ему в этом «художце», бледном человеке». Но главное, что восхищает писателя — это гордость мастера своим умением и талантом: «Как хороший врач-практик, которому скучно лечить неинтересную болезнь, сыпал он во все стороны искрами и одним ударом решал какой-нибудь очень сложный и мудреный вопрос. От неуклюжего, тяжелого удара, от которого, казалось бы, должна была рассыпаться наковальня и вздрогнуть земля, легкая железная пластинка получала желаемую форму, так что и блоха не могла бы придаться» (X, 371—372).

Все письма Чехова, посланные из Сибири, его путевые очерки буквально переполнены восторженными отзывами о сибирском крестьянине: «...Народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями» (XV, 74), «Народ добрый, ласковый» (X, 352), «Народ все более независимый, самостоятельный...» (XV, 119), «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!» (XV, 77).

А ведь людям этим жилось далеко не сладко. Суровая природа, гнет и произвол чиновников делали их жизнь невыносимо тяжелой. Вот что Чехов говорил о сибирском крестьянине: «Девять месяцев не снимает он рукавиц и не распрямляет пальцев: то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето — спина болит от работы и тянутся жилы... Оттого, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец. По

деревне вы редко услышите гармонику и не ждите, чтоб ямщик затянул песню» (X, 347).

Особенно тяжело приходится сибирским почтальонам. «Это герои, которых упорно не хочет признавать отечество, — говорит писатель. — Они много воюют с природой, как никто, подчас страдают невыносимо, но их увольняют, отчисляют и штрафуют гораздо чаще, чем награждают» (X, 364).

Но, несмотря на невыносимо тяжелую жизнь, сибирские крестьяне не падают духом, смело противостоят жизненным невзгодам. И что больше всего поразило Чехова, так это живой интерес простых людей к вопросам о смысле жизни, о несправедливом устройстве мира. Глубоко потряс писателя разговор с крестьянином Петром Петровичем о сибирском мужике. «Человек-то ведь здесь стоящий, — говорил он Антону Павловичу, — сердце у него мягкое, он и не украдет, и не обидит, и не очень чтоб пьяница. Золото, а не человек, но гляди, пропадает ни за грош, без всякой пользы, как муха, или, скажем, комар». И с глубокой убежденностью Петр Петрович говорит, что мужик «должен понимать, для какой надобности он живет. В России, небось, понимают!»

А что мог ответить ему Чехов! Его самого этот вопрос волновал, как никого другого. Вот он и вынужден был откровенно ответить Петру Петровичу, что и в России «не понимают».

Трудно Петру Петровичу с этим согласиться. «Это никак не возможно, — говорит он, подумав. — Человек не лошадь. Примерно, у нас по всей Сибири нет правды. Ежели и была какая, то уж давно замерзла. Вот и должен человек эту правду искать». (X, 355).

«Искать правду» — эти слова глубоко запали в сознание писателя и не один раз он вспоминал их позднее.

Трудно людям живется в Сибири не только в силу природных условий. Был у крестьян и ссыльных враг страшнее сибирских морозов — чиновник. Не случайно Чехов в одном из писем говорил, что «если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей» (XV, 77).

Со многими представителями власти встретился Чехов за время своего путешествия. На почтовой станции недалеко от Томска писатель познакомился с одним заседателем, о котором в письме к родным писал, что «это густая смесь Ноздрева, Хлестакова и собаки» и, кроме того, «пьяница, развратник, лгун, певец, анекдотист...» Свои наблюдения над ним Чехов подытоживает следующим образом: «Трескает власть здорово, врет напраполю, сквернословит бесстыдно» (XV, 84).

Портрет весьма выразительный. Совсем в духе сатирически нарисованных писателем таких героев, как Очумелов и Пришибеев. Да и дела их вполне соответствовали их моральному облику. «Рассказывают, — писал Чехов в очерках «Из Сибири», — что один вновь назначенный заседатель, прибыв в свой участок, согнал крестьян и приказал им копать по сторонам дороги канавы; его преемник, не желая уступить ему в оригинальности, согнал крестьян и приказал им зарывать канавы. Третий распорядился в своем участке покрыть дорогу слоем глины в пол-аршина. Четвертый, пятый, шестой, седьмой — каждый пытался принести в улей свою долю меда...» (X, 367).

Наблюдая за «деятельностью» сибирских чиновников и за результатами этой «деятельности», Чехов поднимается до обвинения всего чиновничьего

сословия России. Писатель говорит о равнодушии чиновников к судьбам простых людей, о их нежелании ничего знать, кроме того, что связано с получением жалованья и очередной награды. «Он сдает университетские экзамены, — с гневом писал Антон Павлович в своих путевых очерках, — только для того, чтобы уметь судить человека и приговаривать его к тюрьме и ссылке; поступив на службу и получая жалованье, он только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно, неинтересно, и не входит в круг его компетенции: это уж дело конвойных и тюремных смотрителей с красными носами» (X, 359).

Особенно тягостное впечатление оставило у писателя знакомство с положением арестантов и жизнью ссыльных. Еще до прибытия на Сахалин, где Чехов собирался подробнейшим образом познакомиться с условиями каторжных работ и содержанием арестантов, у него сложилось вполне определенное мнение о судопроизводстве и системе наказаний в царской России. Он с горечью вынужден был признать, что серьезно этим вопросом никто не занимался и не занимается. «Взгляните-ка вы на нашу литературу по части тюрьмы и ссылки, — говорил он, — что за нищенство! Две-три статейки, два-три имени, а там хоть шаром покати, точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги» (X, 358—359).

И все-таки в душе Чехова крепла уверенность в том, что не вечно будет продолжаться это царство насилия, злобы и притеснения. Он верил, что Сибирь — это край будущего, край, где со временем люди будут жить счастливо, не зная ни нужды, ни печали. «...Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» — восклицал писатель, любящий широкими просторами могучего Енисея.

* * *

На Сахалин Чехов приехал 10 июля 1890 года, т. е. почти через три месяца после своего отъезда из Москвы.

С первых дней жизни на Сахалине Чехов взял на себя огромную работу. Его все интересовало: климат острова, его природные богатства, их использование, размещение населенных пунктов, быт и нравы коренного населения и прежде всего, конечно, жизнь каторжников и ссыльных. Этого неутомимого и, казалось, не знавшего усталости человека видели повсюду. Он побывал во всех главных населенных пунктах острова, с невероятными трудностями добирался до селений, затерянных среди безлюдных сопок и тайги, осмотрел каменноугольные копи, был свидетелем невероятно трудных условий работы каторжников на строительстве дорог.

По свидетельству сахалинского чиновника С. А. Фельдмана, «Чехов часто подолгу беседовал с каторжниками. Он умел их расположить к себе, и они относились к нему наредкость доверчиво. Мы диву давались. Каторжане в большинстве хитры, подозрительны и лживы. Случайным посетителям тюрьмы они рассказывают самые невероятные истории, обнаруживая при этом редкую изобразительность, но с Чеховым они беседовали необычайно просто и правдиво...»¹⁾.

В любом доме Чехов был всегда желанным гостем, будь то жилище чиновника, зажиточного поселенца или последнего бедняка, у которого за душой

¹⁾ Н. И. Гитогич. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М. 1955, стр. 274.

не было ни копейки. И всюду, где бы ни появлялся Чехов, всюду, где только представлялась возможность, он оказывал моральную, а нередко и материальную поддержку нуждающимся. Об этом красноречиво говорят письма «сахалинцев», полученные писателем после возвращения домой. «В бытность вашу в прошлом году на о-ве Сахалине, — писал Чехову С. Коротаев, — Вы осчастливили меня своим разговором относительно моей судьбы, завлекшей меня в каторжные работы, рассказав его Вы сокоблагородно положительно справедливо о том, что я совершенно незаслуженно переносу возложенную на меня кару» (X, 504).

«Единственная дочь моя, бывшая баронесса Ольга Васильевна Геймбрук, ныне каторжная, писала, как Вы, в бытность свою на Сахалине, приняли в ней участие, пристыдили генерала за дурное с ней обращение. Благодарю Вас, добрейший человек, молюсь за Вас, заступник несчастных» (X, 504), — писала О. П. Геймбрук в письме к Чехову от 11 марта 1894 года.

Причем сам Чехов никогда и нигде ни единым словом не обмолвился о той помощи, которую оказывал несчастным жителям Сахалина.

Страшная картина нужды, нищеты и бесправия открывалась перед писателем всюду, куда бы он ни заглядывал. «...Мне казалось, — писал Чехов, — что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти» (X, 117). Он видел зловонные и грязные казармы, где на нарах вповалку спали арестанты, видел полуразвалившиеся лачуги, служившие жилищем для ссыльных, видел вечно голодных людей, одетых в невообразимые лохмотья, видел тяжкий труд каторжников в угольных копях.

Особенно поразили писателя сахалинские дети. «Я видел голодных детей, — писал он позднее известному судебному и общественному деятелю А. Ф. Кони, — видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных. Проституцией начинают заниматься девочки с 12 лет... Церковь и школа существуют только на бумаге, воспитывают же детей только среда и каторжная обстановка» (XV, 154).

Чехов с горечью писал, что на Сахалине «рождение каждого нового человека в семье встречается неприветливо, над колыбелью ребенка не поют песен и слышатся одни только зловещие причитывания» (X, 235).

И если вспомнить, что все это писал человек, всегда нежно любивший детей, который посвятил им не одно замечательное произведение, то станет ясно, как больно было Чехову видеть невыносимые страдания маленьких сахалинцев.

Однажды Чехову пришлось присутствовать при наказании одного арестанта розгами. Эта отвратительная сцена истязания человека долго стояла перед глазами писателя, и он не мог без содрогания вспомнить о ней. «Ведь это же ужасно, поймите...» — говорил он с тоской и нервно ломал руки, хрустя пальцами. — Когда розга со свистом впиалась в тело наказуемого, во мне что-то оборвалось и застонало тысячьо голосов...»).

Живя на острове, Чехов как обычно много работал. Едва вставало солнце, он был уже на ногах. Спать же ложился поздно, усталый, измученный, с сознанием того, что многое еще не сделано. С каждым днем увеличивалось количество записей в дневнике писателя, росла картотека переписи населения

Сахалина, предпринятая Чеховым с целью лучше узнать жизнь каторжников и ссыльных.

Многое увидел Чехов за время своего пребывания на Сахалине. Однажды он даже сказал, что «видел все, кроме смертной казни» (XV, 129). Однако где-то в глубине души он чувствовал, что далеко не все ему удалось увидеть, что некоторые стороны сахалинской жизни так и не попали в поле его зрения. «...У меня такое чувство, как будто я видел все, но слона-то и не приметил» (XV, 126), — жаловался писатель А. С. Суворину.

Так, в сущности, оно и было. Начальник главного тюремного управления Галкин-Враский, к которому Чехов перед отъездом из Москвы обращался за помощью и который обещал ее, отправил в след за Чеховым секретное предписание — не допускать писателя до общения с политическими ссыльными. Это предписание, в свою очередь, вызвало секретное распоряжение начальника острова, которое было разослано по округам. В нем, в частности, говорилось: «Выдав свидательство лекарю Антону Павловичу Чехову в том, что ему разрешается собирать разные статистические сведения и материалы, необходимые для литературной работы, об устройстве на острове Сахалине каторги и поселений, с правом посещения им тюрем и поселений, поручаю вам иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы Чехов не имел никаких сношений с ссыльно-каторжными, сосланными за государственные преступления, и административно сосланными, состоящими под надзором полиции»¹⁾.

13 октября 1890 года с одним из последних пароходов Чехов покинул Сахалин и после полуторасесячного плавания по Японскому морю, Индийскому океану, Красному, Средиземному, Мраморному и Черному морям вернулся в Россию.

Далькое путешествие, трудности, с которыми оно было связано, огромная работа, которую пришлось проделать, страшное потрясение от всего того, что ему довелось увидеть, не прошли для писателя даром: обострился туберкулезный процесс, открывшийся у него незадолго до отъезда, пошаливало сердце, расстроились нервы.

Вместе с тем поездка через Сибирь, сахалинские впечатления обогатили Чехова, вселили в него мужество и стойкость, заставили почувствовать себя ответственным за всю неустroенность современной ему жизни. Вспоминая свое путешествие, он говорил: «Какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома! До поездки «Крейцера соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бесподковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел — черт меня знает» (XV, 136).

Вернувшись домой, Чехов сразу приступает к обработке собранных материалов, начинает писать отдельные фрагменты своей книги о Сахалине. Однако работа шла медленно. Требовались дополнительные материалы. Снова пришлось пересмотреть множество книг, статей, отчетов и т. п. Только в 1893 году в журнале «Русская мысль» стали появляться главы книги «Остров Сахалин», а отдельное ее издание увидело свет только два года спустя.

Книга «Остров Сахалин» не похожа на обычный научный труд. Она свободна от излишней скучности и нарочитой сухости языка. Несмотря на довольно обширный статистический материал, книга читается удивительно легко, т. к. цифры и факты в ней гармонично влетаются в живой чеховский рассказ о сахалинской каторге.

¹⁾ Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М. 1955, стр. 275.

¹⁾ Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М. 1955, стр. 272.

Особенностью книги «Остров Сахалин» является также то, что повествование в ней ведется, на первый взгляд, очень спокойно, писатель как будто сознательно уводит от характеристики фактов, которые описывает. Но вот это спокойное и, казалось бы, внешне бесстрастное повествование, характерное для творческой манеры Чехова, производило на читателей огромное впечатление.

Однако основное достоинство книги Чехова о Сахалине заключается в том, что она явилась гневным обличительным документом, направленным против всего самодержавно-полицейского строя. Книга Чехова заставила русское общество обратить самое серьезное внимание на положение каторжников и ссыльных, содержащихся царским правительством в нечеловеческих условиях. Все те, кто позднее писал о Сахалине, единодушно признавали, что именно Чехов был «виновником интереса» к «острову изгнания». Учитывая общественное мнение, правительство в конце концов вынуждено было послать на Сахалин специальную комиссию для изучения положения арестантов и ссыльных. Отчеты членов комиссии целиком подтвердили выводы, сделанные Чеховым. Однако никаких конкретных мер правительства так и не предприняло, и все на острове осталось по-прежнему.

Интересно, что Чехов, всегда критически относившийся к своему творчеству и редко бывавший довольным своими произведениями, вскоре после выхода в свет книги «Остров Сахалин», говорил: «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат» (XVI, 111—112).

Впечатления Чехова от поездки через Сибирь на далекий остров нашли свое отражение не только в книге «Остров Сахалин», но и в цикле путевых очерков «Из Сибири», в письмах, а также в таких произведениях, как «Гусев» (1890), «Бабы» (1891),

«В ссылке» (1892), «Убийство» (1895), «В овраге» (1900). Как видим, к своим воспоминаниям о Сибири и Сахалине писатель обращался на протяжении многих лет. Но самое главное заключается в том, что после возвращения Чехова из далекого путешествия во всем его творчестве наблюдается небывалый подъем. Одно за другим из-под его пера выходят такие замечательные произведения, как знаменитая «Палата № 6», в которой писатель нарисовал символическую картину жизни в царской России, жизни за тюремной решеткой, как повесть «Три года», как рассказы «Дом с мезонином», «Моя жизнь», «Мужики», «Человек в футляре» и другие.

Чехов с огромным удовлетворением вспоминал свое путешествие на Сахалин и не один раз говорил о том, что с удовольствием снова побывал бы в Сибири. Однажды в разговоре с писателем А. И. Kupриным он заметил: «Как только мне станет получше, я непременно опять поеду в Сибирь... Вы себе и представить не можете, батенька, какая это чудесная страна. Совсем особое государство...»¹⁾. Только состояние здоровья и ранняя смерть помешали выполнению этого желания.

Неузнаваемо изменилась Сибирь с тех пор, как ее посетил Чехов. И нам, советским людям, радостно сознавать, что «...полная, умная и смелая жизнь...» пришла на сибирские просторы. Канули в вечность голод и нищета, гнет и несправедливость, насилие и произвол. Созидательная деятельность советских людей неузнаваемо преобразила облик некогда глухой окраины царской России. Ныне Сибирь — край мощной индустрии, передовой науки и высокой культуры.

¹⁾ «Чехов в воспоминаниях современников». Гослитиздат, М., 1952, стр. 421.

ТЕМНЫЙ деревянный Кузнецк, проживший до Октября три века, до самой революции оставался захолустным, уездным. Первый страстующий театр сюда забрел весной 1917 года. В балагане, названном пышно «Иллюзион», в пасхальные дни шли спектакли «Невинное убийство», «Тайна подземного города», «История трагической любви»...

Театр Сталинска поднялся рядом с цехами кузнецких металлургов. Вместе они — кузнецкие люди — прошли большую и трудную дорогу. И как почетно это соседство, — рядом с театром высятся домны, как серые скалы, строй мартеновских труб, километровые корпуса...

Бурно разросся Сталинск. В строительном разбеге он обогнал многие областные и краевые центры. Много в городе новостроек, а среди них и новый гигант черной металлургии — Западно-Сибирский, достойный сын своей матери-семилетки. И ежегодно, ежемесячно, ежедневно прибывают в большой город все новые жильцы, строители: комсомольцы, демобилизованные воины...

Можно ли в таком городе, в такой большой и скорой жизни стоять на месте? Все вовлечено, вовлекается в ее стремнину. И театр драмы.

Театр, названный именем первого командарма индустрии Серго Орджоникидзе, много и смело дерзал. На его большой сцене ставились «Отелло» и «Васса Железнова», «Бесприданница» и «Любовь Яровая»,

На снимках (сверху вниз): сцена из спектакля театра им. Орджоникидзе в г. Сталинске: 1. «Барабанщица». В роли Нилы Снежки — А. Шквирия, Ставинского — Г. Марчук. 2. «Стряпуха». Казанец — П. Василенко, Павлина — М. Коробчанская. 3. «Заводские ребята». Мать Игоря — засл. арт. МАССР — П. Богатырева, Игорь — Ю. Шефер.

Фото В. Воронина.

«Разлом» и «Оптимистическая трагедия»... По старой квалификации театр числится в первом поясе и спорил за первенство с новосибирским театром «Красный факел».

Да, но была затем в театре затяжная полоса ненастья и всяческих неудач, когда часто менялись директора и главные режиссеры, а новые, не успев принять дела, уже настраивались на скорый отъезд... И тогда были падения и пустые залы.

Было... И пусть все это останется только в прошлом.

Бурно разросся город. Прибыло в город много народу и много любителей театра. Вернулся в театр, как в родной дом, заслуженный артист РСФСР А. В. Анатольев. Много взыскательности и хорошего видения у главного режиссера Л. Г. Щеглова — молодого еще человека, выпускника ГИТИС, но уже с опытом режиссерской работы в городах Ярославле, в Казани. Подросла в театре талантливая молодежь. Прибыло хорошее подкрепление. Началась полоса подъема.

Об этом отрадном явлении справедливо писалось в журнале «Театральная жизнь» (№ 11, 1959 год). В статье «Аншлаги будут» театровед Г. Щербина утверждала, что театр обретает свое лицо, ищет свое место в жизни, становится театром-современником, хорошим другом народа — гостеприимным, заботливым, добрым.

Интересно был начат сезон 1960 года. Бытовало понятие открывать сезон обязательно чем-то «флагманским», например. «Оптимистической трагедией» или «Третьей патетической», — обе пьесы не так давно шли в театре с успехом. А потом можно выпустить что-нибудь «проходное», сшить на скорую руку. И как-то ново и остро прозвучало тут заявление главного режиссера: никаких проходных и никаких флагманских, все должно быть на высоком художественном уровне — добротным, ярким, как и выполнение любой роли.

И, может быть, впервые в те-

атре сезон был открыт «рядовым» спектаклем «Два цвета» (или «Подмосковные вечера») А. Зака и И. Кузнецова. Хорошо приняли зрители простую будничную жизнь наших дней, светлую жизнь хорошей дружной молодежи, жизнь, которая порой так отвратительно омрачается мерзким хулиганством, вывихами одиночек, сбившихся с пути.

Блеснули в этом спектакле своими дарованиями молодые артисты: А. Карташева в роли Кати Шагаловой, Л. Щелкунова — Дуся Муравьева, Л. Рудакова — Тамара, Р. Бондарь — Шурик Горяев... Верно показал молодого рабочего парня Федьку Лукашева в путях ошибок артист П. Василенко. Отвратительные типы хулиганов Глухаря и Репы сочно подали А. Михеев и М. Кудашкин.

Трудно выделить кого-то, все, как говорится, на уровне, можно сказать: да, ансамбль тут удался. И очень хотелось бы сказать то же о спектакле — удался полностью! — если бы в постановке не было досадных режиссерских изъянов — небрежного выбора изобразительных средств, формалистических вывихов.

Режиссер-постановщик «Двух цветов» Л. Я. Хазанов пренебрег кругом сцены, на котором так богато по выразительности можно бы оформить картины спектакля. Три занавеса поочередно открывают очень убогие намеки на декорации: колченогий стол, представляющий отделение милиции, столик с креслом — квартиру юриста, а две койки — общежитие. Лубочно выглядит картина труда — перетаскивание кирпичей с места на место — по цепочке, дешево это и не верно: давно уж кирпичи на стройках подают краны.

Взволновал зрителей большой силой правды второй спектакль сезона — «Барабанщица» А. Салынского. Эта глубокая, романтически приподнятая правда захватила сердца и умы в зале.

В трудные условия поставил автор свою главную героиню Нилу Снежко — нашу разведчицу. Город освобожден, но сколько еще в нем врагов! И Нила осталась в разведке. Ее ненавидят в городе. Ее называют шлюхой и немецкой овчар-

кой. В нее швыряют камни, стреляют, а мальчишки намерены бросить в нее гранату.

Очень сложная роль. Великолпно ведет ее Антонина Шквыря — актриса обаятельной внешности, изящества, с большими выразительными глазами и хорошим голосом. Она поет фривольные песенки сквозь слезы, танцует с затаенными муками. Тонко — без нажимов и гротеска — рисует облик чистой девушки в грязных одеждах, облик настоящего советского человека. Она держит зал в напряжении.

В хорошем ансамбле другие исполнители — заслуженная артистка РСФСР А. И. Федорова, опытные артисты И. Г. Фролов, В. В. Воронин, Г. И. Марчук, совсем юные Л. Глашкина и Л. Щелкунова. До конца спектакля держится романтическая приподнятость, лирическая светлая настроенность... И... снова досадный, явно по вине режиссера, жест — героиня умирает эффектно, изогнувшись на руках, как в балете.

Зачет это? Героиня до конца в бою. Она погибла в схватке с врагом, пули настигли ее в наступлении, и она упала на груды кирпича, на руины. И пусть она лежит — маленькая и великая, вызывая у зрителей слезы и ненависть к врагу. К чему здесь эффект? Просто удивительна такая склонность режиссера Хазанова к дешевкам и формалистическим выкрутасам.

Нет, дорога к сердцам зрителей — это дорога к большой и строгой правде. Это — неумолимая, беспощадная требовательность к себе, предельная выразительность, язык — всегда четкий, ясный, приковывающий, зовущий... Это и составляет мастерство. А оно достигается в коллективе, в спорах и столкновениях — на репетициях, премьерах, на художественном совете.

Изящно Л. Г. Щеглов поставил спектакль для детей — пьесу Тамары Ян «Анютины глазки». И не только для детей — большой «полнометражный» спектакль (до сей поры в каникулы ставились маленькие сказочки) охотно **смотрят** и взрослые, радуясь богатству и выдумкам в оформлении. Кста-

ти сказать, этот спектакль Казанского ТЮЗа в постановке Л. Г. Щеглова видели москвичи в Кремлевском театре.

Вторую постановку Л. Г. Щеглова — «Заводские ребята» И. Шура зрители единодушно назвали лучшей в сезоне. И не потому, что в зале и в фойе слышались реплики: «Так это же наши ребята! Это из жизни нашего города!». Да, автор действительно выписал точно наших ребят в нашем общежитии. Сила в другом: режиссер и актеры создали образы по большой правде, без сусальности и без хулы. На сцене — мы сами и те, кто возле нас... Люди — порой грубоватые, иногда невнимательные друг к другу, каждый со своими интересами, у каждого свой круг больших и малых дел...

И все это понимаешь и принимаешь. Да, футбол — это страсть, а Миша — капитан заводской футбольной команды. Да, стать инженером, поступить в институт на вечернее отделение — это великолепно, молодец Серго, он упорно учился, используя каждую минуту, готовится к экзаменам. Сочувствуешь и слесарю Ване, он — бывший вор, недавно вышедший из заключения, человек с изломанным детством: отца убили на войне, над матерью надругались фашисты, а после войны — та скверна преступного «дна», что отравила и ожесточила душу. Большая, нескладная фигура его мечется по сцене. Прост и хорош на первый взгляд Костя, обычные девушки — Шура, Тания, Галья-комсорг. Загадка один Игорь — ловкий, всезнающий и насмешливый, — откуда он такой?

И вот по ходу спектакля — картина за картиной — раскрываются их благородные сердца. Ребята жертвуют своим здоровьем, чтобы спасти жизнь Вани, попавшего в беду — он обгорел, спасая других в пожаре.

Хороший интересный спектакль, простой и правдивый, высокохудожественный и волнующий до слез. Превосходно сыграли свои роли: Вани — Владимир Король, Игоря — Юрий Шефер, Серго — Руслан Бондарь, матери Игоря — П. И. Богатырева, Тани — А. Н. Карташева...

Крепнут и выявляются в театре свои режиссерские силы, свои дарования, которых, что называется, не занимать. Ведь поставил же артист Г. И. Марчук спектакль «После разлуки» б-р. Тур, конечно, с помощью главного режиссера Л. Г. Щеглова; и не нужны тут никакие скидки даже при самой строгой оценке постановки, чтобы сказать: хороший спектакль! Интересной предполагается «Якорная площадь» Штока в постановке А. В. Анатольева. И еще впереди намечены постановки: «Иркутская история» А. Арбузова, «Последняя жертва» А. Островского, «Отелло» В. Шекспира. Задуман и «свой» спектакль — о жизни кузнецких металлургов.

Театр становится подлинным храмом искусства, зовущим к себе зрителей большой правдой жизни. И все полнее зрительный зал, теплее контакт, громче аплодисменты. Интересно, кстати сказать, что уже в 1959 году дотации театру потребовалось в два раза меньше, чем в прежние годы. В 1960 году театр Сталинска — первый в Кузбассе — вообще отказался от государственной дотации.

Многое сделали для театра ветераны сцены, вся жизнь которых связана с театром, ставшим родным домом. Это А. И. Федорова, П. И. Богатырева, Д. М. Арбенина, В. Г. Ельников, они зрелые мастера, повседневные помогающие молодым.

Давно и успешно работают в

театре художники С. П. Александров и Н. А. Романдин, — их декорации не раз высоко оценивали театроведы столицы.

А как выросли артисты, которых зрители помнят еще совсем юными, — одни только что из студий, другие пришли из самодеятельности.

Вот Юра Шефер. Кто не знает его в городе! Он учился здесь в средней школе и был всегда в театре. Потом он поехал в Свердловск, учился в театральном институте и вернулся в Сталинск. Веселый, красивый, звонкоголосый, он какое-то время играл даже в театре музыкальной комедии, и снова вернулся в родной город, в свой театр драмы. Долго видели Шефера только в комедийных ролях, в спектаклях «Свадебное путешествие», «Вас вызывает Таймыр», «Хитроумная влюбленная»... И вдруг — Шефер — Штубе в «Разломе», Андрей в спектакле «В добрый час», Збышко в «Морали пани Дульской», Пабло в «Третьем слове» Касона... И вот — он уже верный кандидат на роль Ромео в «Ромео и Джульетте» В. Шекспира.

Пятнадцать лет служит искусству всем сердцем Юрий Иванович Шефер, он уже мастер сцены, но так же молод, настойчив в творческом труде, всегда в поисках совершенства.

Или вот путь в жизни Миши Кудашкина. Свою первую роль он талантливо сыграл в... райвоенкомате, куда пришел с

просьбой послать его добровольцем на фронт; ни ростом, ни летами он явно «не вышел», но вот поверили в военном комиссариате, что Миша уже взрослый, а в справке о рождении, конечно, напутано. На войне Миша сражался в гвардейской Панфиловской дивизии, награжден орденами, медалями. Вернулся в город из госпиталя после ранения. Работал у паровых турбин машинистом. Увлеченно играл в самодеятельности. Учился в том же Свердловском театральном институте.

Много уже ролей сыграл в театре Михаил Степанович Кудашкин, и каждая из них — отточена, каждая насыщена жизнью, полнокровна.

Александр Васильевич Михеев — шахтер. Он и в театр принес из самодеятельности, из угольных забоев что-то суровое, весомое, такую могучую силу, для которой нет преград. Очень хороши в его исполнении простые люди — рабочие, солдаты.

Невозможно в кратком обзоре рассказать о каждом. Все они, весь коллектив вместе со своим театром — на большой дороге искусства. И очень хочется пожелать театру стального центра Сибири новых и ярких успехов. Шагать рядом — грудь в прудь с кузнецкими мастерами стали, известными всему миру. Быть достойным города металлургов, шахтеров, строителей — города буйного роста, славы.

ЖУРНАЛ «Сибирские огни» познакомил читателей с первой повестью кузбасского автора В. Рудина «День икс»¹⁾. Повесть увидела свет в сокращенном варианте, но и то, что опубликовано, вызывает на некоторые размышления принципиального порядка, хотя и лишает возможности судить о книге во всем ее объеме.

События повести разворачиваются 7 лет спустя после капитуляции фашистской Германии. В. Рудин смело взялся за большую и ответственную тему, он рассказывает об истории печально известного «дня икс», о попытке в июле 1953 г. свергнуть народную власть в Германской Демократической Республике силами реваншистских элементов. Перед писателем стояло немало трудностей самого различного характера, и со многими из них, думается нам, он успешно справился.

Повесть обращает на себя внимание читателей прежде всего своей политической заостренностью и злободневностью. Германский вопрос и проблема Берлина и по сей день продолжают оставаться животрепещущими проблемами. Советское правительство последовательно проводит политику мирного урегулирования этого вопроса. Западногерманские правительственные круги и их союзники пытаются решить его вооруженным путем или путем дипломатического давления на ГДР и страны социалистического лагеря. Вне сомнения, путь шантажа, угроз, шпионажа и диверсий, организации всевозможных путчей — это путь, заведомо обреченный на провал. Но, понимая это, мы не должны забывать, что в самом сердце ГДР — Западном Берлине — донны гнезятся десятки шпионских и пропагандистских организаций, ведущих подрывную работу.

В. Рудин рассказывает о драматических событиях июня 1953 года не с позиций бесстрастного летописца, а как человек, горячо заинтересованный в судьбе немецкого народа, и потому своей повестью вносит посильную лепту в разоблачение поджигателей новой войны. Автор хорошо соз-

нает, что «и сейчас Западный Берлин представляет собою опасный гнойник». И мы, читатели, не можем не согласиться с ним, не присоединиться к его гневному голосу:

«Мы вместе со всеми честными немцами требуем — очистите Западный Берлин от скверны! Пусть будет мир над этим городом. Мы слишком хорошо знаем звериное лицо засевших там фашистских недобитков и знаем, чем грозит их пребывание там. Трагедия 17 июня 1953 г. напоминает нам об этом».

Повесть В. Рудина подкупает знанием послевоенной Германии. Это проявляется не только в общей правдивой картине жизни ГДР, но и во множестве политических, географических и бытовых деталей, психологических штрихов, намечающих отдельные особенности национального характера персонажей. Автор свободно обращается с жизненным материалом. Это и понятно: В. Рудин изучал изображаемую

им действительность не в «творческой командировке», не только по книгам и газетам, рассказам очевидцев и историческим изысканиям, а непосредственно, в личном опыте. За несколько лет жизни в послевоенной ГДР автор много видел, перечувствовал, внимательно изучал быт, нравы, характер окружающего его народа. Так постепенно накапливался запас жизненных впечатлений для будущей книги.

«День икс» читается с увлечением, без скуки и без той булавки, о которой шуточно говорил Н. С. Хрущев на III съезде писателей, — и это ее несомненное достоинство. С неослабевающим интересом следишь за тайной и явной схваткой двух противоборствующих сил — диверсантской деятельностью подрывных организаций Западного Берлина и народной полицией ГДР.

Наиболее широко и выразительно раскрыта в повести линия заговорщиков-поджигателей. В. Рудин рисует разветвленную сеть шпионажа, показывает тщательную подготовку путча, вербовку агентов, попытку взорвать шахту «Кларисса», доставку и укрытие в тайниках оружия, составление списков тех, кто подлежал в первую очередь уничтожению и, наконец, трагические события 17-го июня. К этому центральному конфликту стянуты все сюжетные линии повествования.

Как видим, характер жизненного материала, легшего в основу повести, невольно толкал В. Рудина на проторенную дорожку произведений-детективов. И действительно, в журнальном варианте «Дня икс» не так уж трудно заметить отдельные элементы приключенческого жанра, хотя от многих т. н. приключенческих штампов автор отказался (в первоначальных вариантах их было больше). В свое время в Кемеровском областном литобъединении при обсуждении рукописи разгорелись жаркие споры о жанре книги. Теперь этот вопрос решен самим автором. Несмотря на интригующее название, на некоторые типично приключенческие сюжетные «ходы» (к примеру, сцена «случайного» фотографирования Гетлина Эммой Вольф), перед нами все же произведение, тяготеющее к жанру социально-политической повести.

Рассматривая «День икс» как

¹⁾ «Сибирские огни», 1959, № 7, стр. 61—128.

художественное произведение, повествуемое, по свидетельству самого автора, «о судьбе простых людей новой Германии, об их радостях и горестях», нельзя не предъявить одного серьезного упрека. Внимание писателя сосредоточено в основном на изображении происков врагов, разоблачении их черной идеологии и морали. А вот о радостях и горестях людей, создающих новую Германию, говорится, к сожалению, бедно и бледно.

Среди представителей демократического лагеря, действующих в повести, наибольшей удачей, пожалуй, является образ Эриха Вальтера, работника Министерства госбезопасности ГДР, инспектора народной полиции, сына коммуниста, погибшего в годы фашизма. Перед глазами читателя раскрывается нелегкий путь прозрения молодого немца и поисков настоящей дороги. В. Рудин не скрывает и его ошибок во время работы в народной полиции, рожденных молодостью и неопытностью.

Однако товарищам Вальтера «по роду оружия» в повести повезло меньше: они нарисованы бледнее и схематичнее. Таков Эрнст Вернеман — старый коммунист, комиссар народной полиции, умудренный большим жизненным опытом. Его образ плакатен. Вернеман произносит правильные речи, но почти не действует. Во всяком случае, его характер мало индивидуализирован. Бледной тенью по страницам журнального текста повести проходит Эмма Вольф. Более запоминается образ Инги, согретый живым человеческим дыханием. Остальные персонажи эпизодичны и эскизные.

Особенно досадно то, что рабочий класс, сила, сыгравшая решающую роль в ликвидации путча, дан в повести общим, безликим планом, не персонифицирован ни в одном образе (за исключением безымянного «секретаря парторганизации шахты» с трубкой в зубах). А ведь многие события, изображаемые автором, происходят в шахтерском городе Шварценфельзе. В. Рудин сделал робкую попытку наметить сюжетные связи центральных героев повести с шахтой «Кларисса» (убийство рабочего Вольфа, поездки Вальтера на шахту для расследования этого дела, неудачная

попытка взорвать шахту, а затем попытка спровоцировать забастовку и т. д.). Но эта сюжетная возможность так и не была до конца реализована писателем.

Такой серьезный просчет мешал автору более полно и живо воссоздать ту реальную сложность обстановки и настроений, которая предшествовала «дню икс». Поэтому не совсем ясно из повести, почему некоторая часть рабочих, пусть незначительная, оказалась спровоцированной, вовлеченной в беспорядок. Ведь нельзя же забывать, что годами вбиваемые гитлеровскими пропагандистами в сознание обывателей идеи и предрассудки представляли огромную косную силу, на которую и пытались опереться заговорщики. Автор же предпочел отписаться декларативным замечанием во вступлении к повести о том, что де «не всем в республике эта борьба оказалась по плечу, были и маловеры, и нытики, и просто равнодушные». Но этого-то как раз и не показано. Борьба сглажена, конфликт облегчен, хотя В. Рудин и обладает умением создавать острый, динамический сюжет и держать развертывание действия в постоянном напряжении. Трудности роста нового сознания, процесса перевоспитания намечены в образах Лизы Хойзер и отца Инги весьма схематично.

Среди персонажей из лагеря врагов новой Германии полнее и живее других раскрыт образ недобитого эсэсовца, профессионального убийцы и палача Вилли Гетлина (он же Лангер), сумевшего избежать возмездия за свои преступления и работающего на американскую разведку. Фашистское лицо реваншиста раскрыто в образе Гетлина выразительно и убедительно. Вдохновителем и инициатором всех «деяний» Гетлина выступает в повести американский «шеф» Боб — фигура, нарисованная стандартно и словно взятая напрокат из детективов. Интересная заявка (но только заявка) на типический характер дана автором в образе Кульмана, правой руки Гетлина, бывшего члена гитлерюгенда, притавившегося на время, грубого, хвастливого, наглого и одновременно трусливого. Значительным художественным обобщением мог бы явиться и образ Хойзера, быв-

шего социал-демократа, скатившегося в болото ренегатства и шпионажа. Однако социально-психологические корни его предательства не раскрыты В. Рудиним.

Все это — свидетельство того, что автор еще не всегда владеет мастерством типизации, органически сочетающейся с индивидуализацией характеров. Последнее часто подменяется набором однообразных приемов. Один пример. Стремясь подчеркнуть грубость и примитивизм натуры Гетлина, В. Рудин старательно насыщает его речь грубоватыми словечками. Но как это делается? То заметит, что «ему чертовски везло каждый раз», то на той же странице заставит героя бросить фразу: «Чорт бы побрал этих амри», то, наконец, — и опять-таки на той же 65-й странице — напишет о герое, что «он сумел чертовски проголодаться». А там и на 65-й странице, и на 75-й и т. д. появляются все новые и новые «черти». Не слишком ли их много?

Стиль повести предельно лаконичен, мысль всегда ясна, логична и четка, протокольно точна, нередко открыто публицистична. Но иногда, на отдельных страницах это достоинство как бы перерастает в свою противоположность — чрезмерную протокольность, конспективную беглость и описательность в ущерб углубленному психологизму в раскрытии характеров.

Повесть привлекает своей архитектурной слаженностью. В ней почти нет композиционной рыхлости — качество, не столь уж часто встречаемое у начинающих писателей. К сожалению, в сокращенном варианте оказались обрубленными некоторые линии и ответвления. Это несколько обеднило повесть, усилив в ней элемент схематичности.

Многие недостатки «Дня икс» порождены литературной неопытностью автора, они могут быть устранены только при условии дальнейшей тщательной и вдумчивой работы над повестью, которая готовится к выходу в свет отдельной книгой. Но ясно одно: в молодую литературу Кузбасса входит еще один автор, не лишенный литературного дарования.

Годы

Р. Федорова

ОГНЕВЫЕ

Перед нами фото — строгий обелиск в окружении молодых тополей, у подножия его венки из хвой. Сюда, в центр Ленинска-Кузнецкого, из Камышанского лога были перенесены останки замученных и расстрелянных колчаковцами участников Кольчугинского восстания...

В Кемерове и Тисуле, в Сталинске и Мариинске, в Топках и Анжеро-Судженске — во многих городах и селах Кузбасса мы найдем памятные места тех незабываемых лет, когда рабочие и крестьяне не щадя жизни боролись за народную власть.

К 40-й годовщине Великого Октября были изданы воспоминания бывших партизан, опубликован сборник документов, относящихся к первым годам Советской власти в Кузбассе. Но эти и другие материалы из истории революционного движения в Кузбассе не носят обобщающего характера, недостаточно полно освещают наиболее важные события гражданской войны в Кузбассе.

Вышедшая в конце 1959 года в Кемерове брошюра В. А. Кадейкина «Годы огневые», в которой использованы новые архивные документы, хранящиеся в Кемерове, Томске, Новосибирске, Ленинграде и Москве, в значительной мере восполняет этот пробел.

Первая часть брошюры посвящена борьбе красногвардейских отрядов с белочехами и кулацко-эсеровскими мятежниками.

Весна 1918 года — первая весна первой социалистической революции — принесла и в далекую Сибирь дыхание свободы. Только что созданные Советы начали проводить социалистические преобразования. Но свергнутые классы не сдавались без боя. Кулацкие мятежи, саботаж предпринимателей угольных шахт, золотых приисков и рудников го-

товили почву для новой войны: Такая обстановка была на руку злейшим врагам молодой Советской России — империалистам Антанты и Америки.

В планах интервентов, указывает автор, «роль основного плацдарма отводилась Сибири, которая, будучи окраиной государства, имела большую территорию, облегчавшую возможность маневрирования, удобные порты на Дальнем Востоке, большие запасы продовольствия и сырья».

Отрывать от России хлебодородную Сибирь, задушить Советскую власть голодом и интервенцией — вот к чему сводились планы империалистов. Спровоцированный ими мятеж чехословацкого корпуса в мае 1918 года был сигналом к разгулу контрреволюции в Сибири, в частности, в Кузбассе, и непосредственно предшествовал установлению эсэро-меньшевистского белогвардейского правительства, а позднее кровавой колчаковской диктатуры.

Чехословацкий мятеж совпал с неимоверно тяжелым для всей Советской России временем. Голод, обостренный грабительским, насильственным Брестским миром; подлая предательская авантюра левых эсеров, оказавшихся пособниками белогвардейцев, помещиков и капиталистов в их борьбе против народа; сговор империалистических хищников, которые, по словам Ленина, «с запада, с севера и востока пользуются беззащитностью России, чтобы рвать душу из нее...» — такова была обстановка.

В тот момент особо возрастала роль Урала и Сибири как главных поставщиков металла, топлива и хлеба для Центральной России.

Великий вождь революции В. И. Ленин в своих речах привлекал внимание народа и пар-

тии к событиям, происходящим на востоке страны. Так, он указывал, что «чехословацкая авантюра питается денежками англо-французских капиталистов», что трудности, вызванные мятежом, усиливаются голодом, что положение России в связи с чехословацким контрреволюционным мятежом «особенно тяжело».

В брошюре подробно описываются бурно развернувшиеся с первых же дней мятежа события. Первой жертвой белочехов стал Мариинск. Для отпора мятежникам по всему Кузбассу стали создаваться красногвардейские отряды. Плечом к плечу с рабочими на защиту Советской власти стали крестьяне-бедняки.

Рабочие и крестьяне Кузбасса вписали в историю революции славные страницы. В огне народной борьбы выросло и закалилось немало славных партизанских вожаков, немало талантливых революционеров, имена и дела которых свято хранят в своей памяти трудящиеся Кузбасса и всей Сибири. Рядом с партизанами Мариинска и Итаты сражалась с белочехами интернациональная рота мадьяр под командованием писателя-революционера Матэ Залка. Шахтеры Анжеро-Судженска, рабочие Кемерова и Гурьевска, железнодорожники Топок, Юрги вступили в решительное единоборство с мятежниками.

Нельзя без волнения читать о героической гибели красногвардейцев при осаде мятежниками Арчекаса. Расстреляв все патроны, не желая сдаваться врагу, красногвардейцы с высокого отвесного берега бросались в реку Кию.

В тылу отрядов красногвардейцев один за другим возникали кулацко-эсеровские мятежи, чинилась зверская расправа над сторонниками Советской власти.

Автор показывает причины временной победы контрреволюции, раскрывает роль эсэро-меньшевистских предателей, истинное лицо «демократической» контрреволюции и эсэро-меньшевистского правительства, захватившего власть при помощи чехословацких штыков.

На возрождение старых порядков, на отмену восьмичасового рабочего дня, на денационализацию промышленных предприятий рабочие Кузбасса ответили политическими забастовками. Первыми выступили шахтеры Анжеро-Судженска, затем тайгинские железнодорожники, происходят волнения среди рабочих Кемерова, Гурьевска, поднялись крестьяне

Кузнецкого, Марининского и других уездов.

Материалы брошюры подчеркивают пристальное внимание ЦК партии к событиям в Сибири, говорят о мерах, принятых Центральным Комитетом для возрождения и укрепления партийных организаций, для оказания им практической помощи в борьбе с контрреволюцией и работе среди населения в новых условиях. Среди уполномоченных ЦК, присланных в помощь сибирякам, находился и М. И. Сычев (Франц Суховерхов).

Автор брошюры показывает практическую деятельность большевистских подпольных комитетов по организации забастовок рабочих, по собиранию сил для вооруженного отпора белогвардейцам.

Значительное место автор брошюры отводит наиболее ярким событиям гражданской войны в Кузбассе: июльской забастовке анжеро-судженских шахтеров, октябрьской забастовке тайгинских железнодорожников, Чумайскому восстанию крестьян, направленному против эсеров-белогвардейского Временного сибирского правительства, и мартовскому восстанию кольчугинских шахтеров против колчаковского режима.

Заключается брошюра главой о партизанском движении в Кузбассе и его окончательном освобождении.

Десятки имен героев гражданской войны, множество фактов, событий проходит перед читателем этой брошюры. И невольно думаешь о том, в каком большом долгу литераторы и журна-

листы Кузбасса перед историей, перед народом.

Славная героическая жизнь вожака кольчугинских шахтеров Демьяна Погребного, командира легендарного партизанского отряда Петра Сухова, большевиков-подпольщиков Франца Суховерхова и Михаила Рабиновича и многих-многих других достойных вдохновенных поэм, повестей, пьес, очерков. Почему же нет этих произведений? Святая память о героях революции должна жить не только в гранитных обелисках, но и войти в сердца людей вместе с проникновенным, горячим, взволнованным словом.

В. А. Кадейкин. Годы огневые.
Кемерово, 1959, 100 стр.,
Цена 1 р. 10 к.

КОРОТКО О КНИГАХ

Степан Торбоков

Белая береза

Степан Семенович Торбоков родился и вырос в горной стране, раскинувшейся на юге Кузбасса. Здесь еще подростком ходил он с отцом на охоту. И с самого детства полонила его красота родной природы.

Люблю мой край,
гористый и лесной,
В весну и осень,
летом и зимой.

Причудлив он, когда
ручьи текут,
Когда саранки пестрые
цветут,
Люблю, когда со мною
говорят

Листою — лес,
волною — перекат.

Чутко слух, зорко и
приметлив глаз поэта-
шорца Торбокова. Он
слышит, как «поутру в
тайге трубят маралы»,
видит, как «всходят зо-
ри и текут по небу, про-
ча лето молодому хле-
бу».

В своих стихах Торбоков старается пере-
дать богатую гамму че-
ловеческих чувств, вы-
званных природой. В то
же время ему чуждо от-

влеченное любованье ее
красотами. И солнечный
луч, и могучий кедр, и
горный поток — все это
призвано, по мнению по-
эта, служить человеку
на пользу, все это пред-
назначено для него.

В стихотворении, по-
священном владыке си-
бирских лесов — кедру,
он восхваляет дерево за
то, что люди строят из
него добротные новые
дома, «в которых не
страшна зима».

И пусть не век он
зеленеет,—
Зато семье твоей

умеет
Дать теплый кров.

Он к людям щедр.
На то он и сибирский
кедр.

К весне поэт обра-
щается с призывом:

Неси, весна, тепло
быстрой
И птичьей перепевы,
Славь дружбу солнца
и полей,
Давай команду севу.

Человек-строитель, со-
зидатель, хозяин клado-
вых природы активно
действует в стихах Тор-
бокова.

Там, где когда-то с
трудом прокладывали
кочевую тропинку, про-
легла прямая асфальто-
вая дорога. Едут по ней
в автобусе покорители
тайги — задорные ком-
сомольцы, звероводы и
охотники.

Я и сам по зову
семилетки

Еду строить молодой
завод.
(«Асфальт в тайге»)

Многое открыто, мно-
гое сделано советскими

людьми. Но без движе-
ния вперед, без поисков
и борьбы, без дерзания
нет настоящей жизни.
Поэт ждет и приветст-
вует людей будущего,
идущих на смену старо-
му поколению покорите-
лей природы Горной
Шории:

Придет пора, и новый
человек,
Как мы, перегорит
русла рек,
Как мы, обильный
снимет урожай.
Достанет клады, что
в земле лежат...

Через всю небольшую
книжечку стихов С. Тор-
бокова главной нитью
проходит тема дружбы
шорцев и русских. По-
жалуй, наиболее поэтич-
ное стихотворение во
всем сборнике — это
«Белая береза»:

Слышал я однажды
Стародавний сказ:
Не росла береза
В Шории у нас.

Шорцы связывали по-
явление березы в тайге
с приходом в Сибирь
русских.

Но однажды в чаще
Шор-кижи нашли
Деревцо из русской
Дружеской земли.

Пришли русские и ос-
вободили шорцев от гне-
та джунгарских ханов.
Прижилась березка в
Сибири, полюбил эту
вестницу братской дру-
жбы и свободы шор-
ский народ.

Запоминаются своим
образным языком, коло-
ритными красками, свое-
образными народными

интонациями такие сти-
хи, как «Осина», «Пес-
ня матери», «Потом и
сейчас».

Приятно и скромно
оформленная художни-
ком О. Красовой, кни-
жечка Степана Торбоко-
ва, несомненно, привле-
чет читателей и своим
содержанием.

Нельзя, однако, не
сказать о недостатках и
слабых сторонах сборни-
ка. Подчас Торбоков не-
требователен к слову
«У кедра шуба бурая»,
«Горные вершины побу-
рели», «Отлежал мед-
ведь свой бурый бок».

Если в одном стихо-
творении — «Мне светят
Сталинска огни», то в
другом — «Новый город
засветил огни», а в тре-
тьем — «Хороводы во-
дят огоньки».

В неплохом стихотво-
рении «Родники» суще-
ствительное «родники»
склоняется шесть раз...

Некоторые стихотво-
рения воспринимаются с
трудом из-за обилия не-
переведенных шорских
слов. Пояснения же, сде-
ланные в конце сборни-
ка, далеко не исчерпы-
вают.

Чужеродными, неуме-
стными для лексики сти-
хов С. Торбокова выг-
лядят такие слова, как
«грациозно», «эдельвей-
сы», «восторгенно». Здесь
надо бросить уп-
рек переводчику Генна-
дию Сысолятину, хотя в
целом его работа, как и
первое знакомство чи-
тателя с шорским поэ-
том Степаном Торбоко-
вым, оставляет хорошее
впечатление.

Степан Торбоков. Бе-
лая береза. Стихи. Пере-
вод с шорского и обра-
ботка Геннадия Сысоля-
тина. Кемеровское книж-
ное издательство, 1960.

Знаете ли Вы, кто такой Михайло Волков и какой подвиг он совершил? Кто впервые определил геологические границы Кузнецкого бассейна? Кто предугадал будущее развитие Кузбасса?

На эти и многие другие вопросы, связанные с исследованиями недр Кузнецкого бассейна, поможет найти ответы небольшая книжка М. Колобкова «Исследователи Кузбасса».

Михаил Николаевич Колобков в течение ряда лет неутомимо рассказывает читателям о Кузбассе. Нашему краю посвящены такие его работы, как «Кузнецкий бассейн» — очерки истории и экономики угольного Кузбасса, «Михайло Волков — первооткрыватель Кузбасса», статьи о П. А. Чихачеве, Г. Е. Щуровском и многие другие.

В брошюре собраны статьи М. Н. Колобкова о выдающихся исследователях Кузбасса, замечательных людях нашей родины, внесших своими открытиями неоценимый вклад в отечественную науку, в освоение природных богатств Сибири.

Первым в ряду этих выдающихся людей стоит имя простого крепостного крестьянина рудознатца Михайлы Вол-

кова. Это он в начале XVIII столетия на правом берегу реки Томи, в районе теперешнего города Кемерово, обнаружил «горелую гору» и доставил образцы неведомого минерала воеводе города Кузнецка.

Подвигом славного землепроходца начинается история Кузбасса. Прошли столетия, но имя Михайлы Волкова не забыто потомками. Кузбасские скульпторы воссоздали его образ; на Красной Горке в Кемерове в его память воздвигнут обелиск; наши литераторы пытаются воспроизвести в своих произведениях облик первооткрывателя бассейна.

М. Н. Колобков дает серию портретов выдающихся ученых России, деятельность которых связана с развитием Кузбасса. В 1842 году, совершая путешествие по Алтаю, знаменитый географ академик П. А. Чихачев посетил Кузнецкую котловину. Он первый из ученых определил границы угольных ее богатств и первый употребил название «Кузнецкий бассейн». В своих трудах он предсказал исключительную

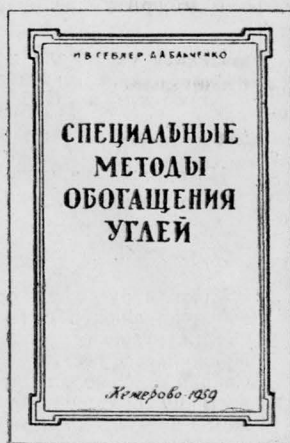
роль неоценимым богатствам Кузбасса в экономическом развитии страны.

Спустя два года в Кузнецком бассейне побывала экспедиция профессора Г. Е. Щуровского. Он был поражен обильными запасами «горючего материала», предсказывал выгоды использования каменного угля и написал книгу о бассейне.

Кузбасс приковал к себе внимание и таких крупнейших ученых прошлого, как Л. И. Лутугин, А. Н. Державин. Многие сделали для освоения недр Кузбасса ученики и сподвижники Лутугина, наш современник доктор геолого-минералогических наук В. И. Яворский и умерший в 1939 году академик М. А. Усов. Им в брошюре также посвящены отдельные главы.

«Исследователи Кузбасса» — полезный труд, знакомящий кузбассовцев с теми, кто помог найти «ключи» к богатейшим кладовым нашего родного края.

М. Колобков. Исследователи Кузбасса. Кемерово, 1959.

Авторами этой книги являются профессор Томского университета И. В.

Геблер и инженер А. А. Байченко.

Вопросы обогащения углей, т. е. улучшения их качества, освобождения их от примесей породы, являются одними из важнейших в угольном производстве. Минеральные вещества, находящиеся в угле, снижают его теплотворность; при перевозках угля порода загружает немало транспортных средств; при сжигании угля, засоренного породой, происходит много потерь ценного топлива. Особенно отражается зольность угля на качестве кокса, так необхо-

димо для металлургической промышленности.

Подробно рассмотрев виды породы, а также методы определения содержания минеральных веществ в угле, авторы отводят специальную главу сере и фосфору в угле. Снижение содержания серы в угле только на один процент экономит в доменном процессе 18—20 процентов кокса, — указывают авторы. Они разбирают основные формы серы, встречающиеся в углях, описывают практические методы и способы определения серы, а также приводят таблицы содержания фосфора в углях кузбасских месторождений.

Остальные главы посвящены способам обогащения угля: обогащению по трению, по крепости, термическому обогащению, петрографическому, химическому, обогащению в тяжелых средах и воздушно-песчаному методу обогащения.

В книге широко представлены виды сепараторов, дробилок, сушилок, а также схемы различных систем, применяемые при определенных способах обогащения.

Ценность книги И. В. Геблера и А. А. Байченко в том, что в ней не пересказываются уже известные методы обогащения, а рассматриваются новые способы, еще не нашедшие широкого применения в промышленности, но, несомненно, перспективные и заслуживающие внимания работников угольной промышленности.

И. В. Геблер, А. А. Байченко. Специальные методы обогащения углей. Кемерово, 1959, 153 стр. Цена 2 р. 25 к.

Так называется серия брошюр, выпускаемая Кемеровским издательством.

Брошюры отвечают на вопросы о том, как будет развиваться Кемеровский экономический район в семилетке, какой творческий вклад внесут в создание материально-технической базы коммунизма труженники Кузбасса, как обновится за семилетие лицо земли Кузнецкой, как повысится культура и благосостояние трудящихся.

Из брошюры Б. М. Андреева «Химия Кузбасса» читатель узнает, что в решении общего-

сударственной задачи создания «большой химии» значительная роль принадлежит и химикам нашей области. Достаточно сказать, что химическая промышленность Кемеровского экономического района вырастет за семилетие почти в шесть раз.

Автор называет пути, по которым пойдет развитие химии Кузбасса, рассказывает о том, как практически осуществляются задачи, поставленные партией перед работниками химической промышленности. В сельское хозяйство, в металлургию, в медицину, в судостроение и во

многие другие области народного хозяйства вложен труд кузбасских химиков.

П. Л. Гулый в брошюре «Твой труд и коммунизм» рассказывает о роли высокой производительности труда в строительстве коммунистического общества.

Вышли из печати следующие издания этой серии: Б. Викторov — «Сердцевина индустрии» — о машиностроении и Н. Масленников — «Стольбовая дорога технического прогресса» — о механизации и автоматизации промышленности и сельского хозяйства.

Из ненапечатанного

«Под воздействием социалистического соревнования в бригаде впервые обсеяли концы засеянных яровыми участков».

«Выше среднего роста, с сухощавым лицом, он создавал впечатление приземистости».

«Установили порядок, при котором трактора, окончив смену, шли на базу».

«Карандаш в его большой руке заторопился, приближая к истине, к выводу».

«Соприкосновение молнии с горючими материалами вызывает их возгорание».

«Человек, идущий во время грозы по открытому полю, особенно по возвышенности, может оказаться тем возвышением, в которое ударит молния».

«Опустившийся ливень теперь журчал большим ручьем».

«Приставленный клок шерсти идентично сливался с пестрым покровом Жучки».

«Пожары часто происходят из-за шалости детей и отопительных приборов».

«Загрубевшими руками шахтеры нежно ласкают крохотные зс-

ленные побеги, охотно ковыряются на своих усадьбах».

«Женщины драили этого руководителя так усердно, что зал рабочего клуба ходил ходуном».

«Часто можно было видеть в цехах паровозного депо ремонтирующиеся сеялки, бороны, молотилки, косилки, которые на первый взгляд не имели ничего общего с железнодорожным транспортом».

«Змея закричала нечеловеческим голосом...»

Вопреки ожиданиям, соревнования сильнейших штангистов страны, выступавших в финале Спартакиады народов СССР, проходили скучновато. Уже закончили выступления атлеты первых четырех весовых категорий, а еще ни разу не вспыхнул аплодисментами зал, приветствуя нового рекордсмена страны или мира.

А ведь на помосте побывали и Владимир Стогов, и Евгений Минаев, и Виктор Бушуев, и Федор Богдановский, чьим именам сопутствуют громкие титулы «заслуженный мастер спорта», «рекордсмен мира», «чемпион страны».

Судьи объявили, что на помост вызываются атлеты среднего веса.

— Ну, если и сейчас рекордов не будет — уйду, — решительно заявил своему соседу старичок с усами под Ивана Поддубного.

— Будут, — откликнулся сосед. — Выступает Рудольф. Без рекорда он в последнее время ни с одних соревнований не уходил.

— А кто, простите, Рудольф?

— Плюкфельдер. Мой земляк из Кузбасса.

И старичок узнал простую и все же не совсем обычную историю сильнейшего средневеса мира.

* * *

...Парень сидел на табуретке, низко склонив крупную русую голову, и медленно перебирал лады гармоники. Верная

«хромка» стонала и плакала, а услужливое воображение рисовало все одну и ту же картину: большая светлая палата, голубая кровать с белыми-белыми простынями, и на ней он, Рудольф, неподвижный и беспомощный.

— Ты что это, дружище, грустный такой? — В комнату вошел Евгений Иванович Потапов, известный в Киселевске тренер по борьбе. — На работе что не ладно или, может, влюбился, шахтер?

— Был шахтер, да весь в тираж вышел, на-гора выдали. — Это как же?

Рудольф молча показал на стол. Там лежала медицинская справка. В ней четко и ясно было написано: у электрослесаря шахты № 4-6 Рудольфа Плюкфельдера компенсированный порок сердца. Тяжелые физические нагрузки больному категорически запрещаются.

И так и этак вертел справку Потапов и вдруг неожиданно заявил:

— Знаешь, что, парень, займись-ка ты спортом. Как рукой все снимет.

И Плюкфельдер послушал совета. Ежедневные утренние пробежки от Афонино, где работал Рудольф, до Киселевска, где он жил, были включены в план специальных тренировок, разработанных Потаповым. И странное дело — день ото дня Рудольф чувствовал себя все лучше, а через месяц пришел в секцию борьбы.

Был он парень креткий, быстрый, силой весь в мать, а для нее стокилограммовые мешки — не тяжесть. Трудолюбия ему тоже не занимать было. И хотя поначалу он не выдерживал на ковре больше двух минут — через восемь месяцев на пруди Рудольфа горел новенький значок перворазрядника.

Не один борец почувствовал на себе мощную силу захватов молодого киселевца. Но сильнейшим в Кузбассе он не был. Сильнейшим был Манеев — борец из Сталинска, чемпион Советского Союза и будущий чемпион мира. Один лишь раз пришлось встретиться с ним Рудольфу. Рудольф сделал все,

что было в его силах, но все же проиграл.

— Не так страшен черт, как его малюют, — это было первое, что произнес он после схватки. — Мы еще поборемся, еще посмотрим, чья возьмет.

И, может, объявился бы у Манеева грозный соперник не хуже тех, что выходили против него на борцовские ковры многих стран мира, не появившись у Плюкфельдера новая страсть.

В раскомандировочной шахтеры ждали наряда.

— Вот опять же, — доказывал Рудольфу рослый парень, — ты слесарь, тебе по восемь часов с молоточком дел иметь не приходится. Там подвернул, здесь отвернул — вот и вся твоя забота. А ты порубай-ка уголек хоть одну смену, тогда, может, поймешь, откуда у наших ребят сила берется.

— И все равно я любого из вас за минутку на обе лопатки уложу.

— Уложить-то ты, может, и уложишь, хоть и не за минуту, а вот кто из нас сильнее, бабушка надвое гадала.

Чтобы решить спор, договорились встретиться вечером, на занятии секции штангистов.

— Вот здесь 55 килограммов, вес пустяковый — ниже третьего разряда, — показал тренер.

Как ни тужился Рудольф, взять вес ему не удалось. Никто над ним не смеялся, но было почему-то стыдно.

На следующей тренировке в секции появился новичок. С уверенностью, настойчивостью рабочего человека взялся Плюкфельдер за новый для него вид спорта. Десятки раз повторял он одно и то же движение. Его приходилось выталкивать из спортзала почти силой. Но и это не помогло. Он притащил с шахты две испорченные шестеренки весом по 34 килограмма в каждой и продолжал тренироваться.

Так прошел год. Упорный труд принес большие успехи — все рекорды Кузбасса в полусреднем весе принадлежали Плюкфельдеру.

— Ну, Рудольф, большего я тебе дать не могу, — как-то

сказал ему тренер. — Тебе нужно посоветоваться с кем-нибудь поопытней меня.

Молодой штангист нашел такого «тренера». Это была книга известного советского штангиста Н. И. Лучкина «Тяжелая атлетика». Рудольф завязал переписку с профессором Зимкиным — ученым-физиологом, занимавшимся проблемами тяжелой атлетики. Верными друзьями и помощниками стали книги профессора Яковлева «Режим и питание спортсмена в период соревнований и тренировок», профессора Иванецкого «Анатомия человека». И все же многое было неясно — не хватало знаний. Ведь Рудольф закончил лишь семь классов: шла война, надо было помогать семье, и он ушел работать на шахту.

Все чаще и чаще приходила мысль — надо учиться. И вот он студент-заочник Ереванского техникума физкультуры. Работа, учеба, тренировки, занимали все время. Приходилось планировать дни и ночи не только по часам, но даже по минутам. И все же не было случая, чтобы Рудольф пропустил хотя бы одну тренировку. Результаты талантливого штангиста уже можно было сравнивать с показателями лучших гиревиков страны. В 1953 году Рудольф вступил с ними в очную схватку. Шесть лет длилась эта борьба. Она напоминает бег на длинную дистанцию. Отставая вначале от лидеров-рекордсменов и чемпионов страны, Плюкфельдер все больше увеличивал «темп», оставляя позади себя одного сильного спортсмена за другим. В 1955 году он опередил в своем весе всех штангистов Российской Федерации. В 1956 — стал третьим призером первенства Советского Союза. В следующем году впереди него был лишь Трофим Ломакин, многократный чемпион страны, чемпион и рекордсмен мира. В 1958 в списке победителей всесоюзных первенств было внесено новое имя — «Рудольф Плюкфельдер, Киселевск, общество «Труд».

— Вот, пожалуй, и все, — закончил земляк чемпиона. — Остается только добавить, что

за один год Рудольф восемь раз бил рекорды СССР и мира и что команда шахты № 4-6, где он работает, — сильнейший коллектив Российской Федерации, честь которого, кроме Плюкфельдера, защищают его воспитанники: два мастера спорта и четыре перворазрядника.

...Между тем борьба на помосте достигла наивысшего накала. Из трех попыток в жиме Плюкфельдер сумел использовать лишь одну вторую. В рывке история повторилась. Попытки улучшить мировые рекорды в этих движениях ни к чему не привели. Такие неудачи могли вывести из себя кого угодно, только не Плюкфельдера. Он по-прежнему такой же сосредоточенный и собранный, как в начале соревнований. Толкнув 165 килограммов, он второй раз подряд становится чемпионом Союза.

— А рекорда все же нет, — оторвавши на минуту взгляд от помоста, замечает старичок.

И будто в ответ на эти слова, раздался голос секретаря соревнований.

— На штанге 176,5 килограмма. Продолжает соревнование Рудольф Плюкфельдер.

Рудольф снова у штанги. Прощупав глазами помост, он по-хозяйски перекатывает штангу на новое место. Мгновением позже словно клещами схваченная штанга застыла над головой спортсмена. Рудольф Плюкфельдер вычеркнул из списка мировых рекордсменов американца Джима Джорджа. Шквал оваций потряс зал...

А потом была Варшава... Чемпионат мира... Схватка сильнейших людей планеты. Соединенные Штаты Америки, Англия, Польша, Италия, Иран — двадцать шесть стран прислали сюда своих лучших гиревиков. Честь Советского Союза защищал Рудольф Плюкфельдер. И когда закончили состязания атлеты среднего веса, на самой высокой ступеньке пьедестала почета под алым стягом Советской державы стоял шахтер из Киселевска — сильнейший штангист земного шара, стальной парень, рожденный Кузнецкой землей.

Ключие строки

Вл. Матвеев

В „ОГНЯХ“, НО БЕЗ ОГНЯ

— Трудолюбивый, — говорят о нем, —

Стихов написана им масса,
Печатался в «Огнях Кузбасса»...
И все ж огня в стихах
Не сыщешь днем с огнем.

СТИЛЬ НЕ ВЫРУЧИЛ

Когда-то говорили ей,
Что волос у нее ума длинней.
Пример взяв с узкобочных красоток,
Под мальчика подстриглась вмиг она —
Стал волос у нее короткий,
Но не прибавилось ума.

КТО ТАЛАНЛИВЕЕ

Из двух бездарностей
Талантливее тот,
Кто первым Музе
Даст расчет.

СПЛЕТНЯ

Слону — Слониха:
— Ходят слухи,
Что ты, мой дорогой, —
Из мухи.

ЗНАТОК ИСКУССТВА

«На драму я смотрю критически,
Но кое-что мне нравится порой...
Тот, кто не видел «Третьей патетической»,
Не сможет оценить ни первой, ни второй».

И. Волков

НЕСПРОСТА

Он перевод с поста на пост
Воспринимал как личный рост...
Его переводили неспроста:
Он не оправдывал ни одного поста.

Робкою и кроткой
Прикидывалась Щука Селедкой.
И неспроста:
Она сидела на приеме у Кита.

А. Зайцев

МОНОУМЕНТ

Блеснул он как-то на момент,
Надежды пробудив и чаяния.
И с той поры сей гордый монумент
Хранит гранитное молчание.

Да, он руды извел пуды —
Но радия не добыл из руды.

